

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА, Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АФФИКСОВ С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

При изучении истории суффиксов исследователь сталкивается со значительными трудностями. Труднее всего выявить источник происхождения суффикса. Чаще всего удается определить лишь генетические связи конкретного суффикса с другими, этимология которых также неясна. Все сказанное в полной мере относится и к суффиксам тюркских языков, не совсем правомерно, на наш взгляд, часто именуемых аффиксами.

В тюркских языках, однако, существует одна категория аффиксов, история которой заслуживает более детального изучения. Здесь имеются в виду глагольные аффиксы с модальным значением, характеризующиеся следующей особенностью: они обладают многочисленными омонимами, обслуживающими разные части речи. Исследование этих омонимичных аффиксов показывает, что одно значение логически вполне может быть выведено из другого. Это, по-видимому, не случайное обстоятельство отражает исторический процесс последовательного развития значений аффиксов. В данной статье предпринята попытка раскрыть детали этого возможного процесса в целях выяснения истории глагольных аффиксов с модальным значением.

Учитывая ярко выраженную в агглютинативных языках тенденцию к образованию сложных аффиксов, мы считаем целесообразным сперва рассмотреть простые аффиксы с модальным значением, а затем уже перейти к сложным аффиксам, состоящим из простых.

ПРОСТЫЕ АФФИКСЫ

Аффикс -ai

По всей видимости, этот аффикс состоит из двух уменьшительных аффиксов -a и -i, но так как значения этих компонентов не вполне ясны, мы будем условно рассматривать данный аффикс как простой. Это тем более правомерно, что -ai в результате стирания значений его компонентов фактически превратился в простой аффикс.

Аффикс -ai (-ei) с модальным значением довольно широко распространен в различных тюркских языках. Прежде всего он является показателем желательного наклонения, или опатива, ср., например, кумык. *бар-ай-ым* 'пойду-ка я', *йат-ай-ым* 'лягу-ка я' или 'лечь бы мне', ногайск. *бар-ай-ым* 'пойду-ка я', каракалп. *ал-ай-ын* 'возьму-ка я', туркм. *яз-ай-ын* 'напишу-ка я', узб. *ёз-ай (ин)* 'напишу-ка я', у сибирских татар *ал-ай-н* 'возьму-ка я', каз. *тарт-ай-ык* 'потянем же', *кет-ей-ик* 'уйдем же', тур. *узауит* 'напишу-ка я', уйг. *бар-ай* 'пойду-ка я' и т. д.

Иногда встречается разновидность аффикса -аі с более узким первым гласным, ср. тат. *ал-ый-м* 'возьму-ка я', *кит-и-м* 'пойду-ка я'. Существует предположение, что эти варианты некогда имели широкие гласные а и ä, то есть *бар-ый-м* из *бар-ай-ым*, *кит-и-м* из *кит-ай-им*. Наличие узкого гласного обусловлено законом сужения широких гласных в конце слова и в аффиксах под влиянием звука *j* татарского языка¹.

По нашему мнению, аффикс -аі (-еі) находится в непосредственном генетическом родстве с уменьшительным аффиксом -аі, ср. тат. *баб-ай* 'дедушка' (тур. *baba* 'отец'), *ан-ай* 'матушка' при *ана* 'мать', *ат-ай* 'бабушка' при *ата* 'отец', ног. *ат-ай* 'дедушка', аб-ай 'тетушка' при *аба* 'тетка'.

Имеются признаки того, что аффикс -аі (-еі) в древности мог выражать ослабленное качество. Особенно ярко эта функция проявляется у аффикса -qai (-yai), возникшего в результате сложения аффикса -q с аффиксом -аі, ср., например, каз. *қоныр-кай* 'светло-сероватый' от *қоныр* 'светло-серый', *сур-кай* 'сероватый' от *сур* 'серый' и т. д.² Другим косвенным признаком существования у аффикса -аі вышеуказанного значения является выступление его в качестве глагольного аффикса, выражающего приобретение качества, ср. тат. *аз-ай-* 'уменьшаться' от *аз* 'мало', *ныг-ай-* 'укрепляться' от *нык* 'крепкий', 'твердый', узб. *тор-ай-моқ* 'суживаться', *қуч-ай-моқ* 'усиливаться' и т. д.

Теперь представим себе возможный путь развития значений этого аффикса. Первичным было значение уменьшительности. В дальнейшем аффикс -аі использовался в сфере глагола для выражения маломерного и постепенного нарастания качества, что впоследствии было переосмыслено в модальное значение.

На первый взгляд такое предположение может показаться парадоксальным. Однако между понятиями уменьшительности и маломерности глагольного действия имеются отдельные точки соприкосновения. Уменьшительность (например, *дерево* вместо *дерево*) содержит всегда идею неполной меры, неполного развития. По ассоциации это значение могло быть перенесено на характер процесса, совершающегося постепенно, то есть в неполную меру, например, *аз-ай* 'уменьшаться' (постепенно). Модальность также всегда связана с идеей неполноты действия, когда это действие не наблюдается реально, а проецируется в плоскость желаемого будущего. Все это открывает широкие возможности для переноса значений аффиксов и их переосмысления.

Аффикс -ё

Модальное значение этого аффикса довольно ярко проявляется в формах, выражающих намерение, ср. тат. мин. *бармак-чы-мын* 'я намерен ехать', узб. *ёз-моқ-чи-ман* 'я намерен писать', каз. *сал-мақ-шы-ман* 'я намерен строить' и т. д.

В непосредственном генетическом родстве с указанным аффиксом находится широко распространенный в тюркских языках аффикс -ёу (-ёі), обозначающий профессию, ср. тур. *balıkçı* 'рыбак', каз. *етік-ші* 'сапожник', *жазу-шы* 'писатель', тат. *кисү-че* 'закройщик', *тегу-че* 'портной', узб. *ипак-чи* 'шелковод', *чорва-чи* 'скотовод' и т. д.

Есть основания утверждать, что значение профессии у этого аффикса не было первоначальным. Он мог также выражать привычку, склонность к чему-либо, ср. азерб. *инад-чы* 'упрямец', *биабыр-чы* 'скандаль-

¹ «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 238.

² «Современный казахский литературный язык». Алма-Ата, 1962, стр. 209.

ный³. Сюда же, по-видимому, относится и вариант этого суффикса -*ç*, ср. туркм. прилагательные типа *гысган-ч* 'жадный'.

Из первоначального значения склонности к чему-либо легко могло развиваться значение профессии, поскольку человек определенной профессии чаще всего обладает склонностью к данному роду занятий. В древние времена суффикс -*ç* мог придавать именам существительным уменьшительное значение, ср. узб. *тоқач* 'маленькая лепешка' от *тоқа* 'лепешка', карлукск. *olyç* 'мальчонка' при *ol* 'парень'⁴. Э. В. Севортян относит аффикс -*ç* к древнейшим уменьшительным аффиксам.

Вряд ли можно оспаривать генетическое родство этого аффикса с аффиксом уменьшительных прилагательных -*ça*, ср. кирг. *ак-ча* 'беловатый' от *ак* 'белый', тур. *esmer-ce* 'смугловатый' от *esmer* 'смуглый'⁵, каз. *қара-ша* 'черноватый' от *кара* 'черный' и т. д.

Аффикс -*q* (-*γ*)

Модальное значение этого аффикса обнаруживается во многих образованиях. Самостоятельно он выступает в обороте, выражающем непроизвольное желание, ср. тат. диал. и башк. *баргым килә*, ногайск. *баргъым келеди* 'мне хочется пойти', каз. *мен курортта дем алгым келеди* 'мне хочется отдохнуть на курорте', каракалп. *ал-гъм-м бар* 'мне хочется взять' и т. д.

Этот же аффикс, но только в форме -*γy*||-*кy*, -*γy*||-*кy*, выступает в роли показателя будущего категорического исторического времени в старобузбекском языке, например: *ёз-γy-м-дир* 'я напишу'⁶.

Не исключена возможность, что тот же самый аффикс содержится в якутском причастном аффиксе -*ыах*, от которого может быть образовано будущее время, например: *барыагым* 'я пойду'⁷.

Есть некоторые указания на то, что аффикс -*q* мог иметь также значение многократного действия. Э. В. Севортян отмечает, что суффикс многократного действия -*қала*-||-*қыла*- состоит из глаголообразующих аффиксов -*қа*-/-*қы*- и -*ла*- в их учащательном значении⁸.

Следы этого значения аффикса -*q*- можно обнаружить в таких глаголах, как узб. *из-ғи-моқ* 'рыскасть' от *из* 'след', кирг. *уул-γy*- 'крутиться', 'кружиться' от *уул* 'завиток'⁹.

Вне глагольной сферы аффикс -*q*- известен как аффикс имен прилагательных, обозначающих склонность к чему-либо, ср. тат. *курк-ак* 'трусливый', *жыл-ак* 'плаксивый', туркм. *агл-ак* 'плаксивый' и т. д.

Этот же аффикс может быть уменьшительным аффиксом существительных и аффиксом прилагательных, обозначающих ослабленное качество, ср. кирг. *айгыр-ак* 'молодой жеребчик' от *айгыр* 'жеребец', тур. *yulaq* 'маленький источник' от *yul* 'источник', узб. *паст-ак* 'низенький' от *паст* 'низкий', чув. *пыл-ак* 'сладковатый' от *пыл* 'мед' и т. д.¹⁰

Не исключена возможность генетической связи этого аффикса с древним тюркским аффиксом собирательной множественности -*q* (-*k*).

³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 84.

⁴ Там же, стр. 170.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 231, 232.

⁷ Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 53.

⁸ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 103.

⁹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 243.

¹⁰ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 168.

Правда, в тюркских языках довольно трудно найти лексические примеры с аффиксом собирательной множественности -q (-k). Однако имеются косвенные данные, свидетельствующие о его былом существовании. Этот аффикс содержится в названиях парных предметов типа тур. *ağa-q* 'нога', *qula-q* 'ухо' (перв. 'две ноги', 'два уха') и т. д. Он входит в состав аффикса собирательной множественности -лык, ср. тат. *наратлык* 'сосняк' от *нарат* 'сосна' и *каенлык* 'березняк' от *каен* 'береза' и т. д.

На основании этого можно предположить, что первоначальным значением аффикса -q (-k) было значение собирательной множественности. Позднее оно было переосмысленно в значение уменьшительности, поскольку в самом значении собирательной множественности содержится идея дробности. Впоследствии это значение развивалось в направлении выражения маломерности, склонности к чему-либо, маломерности действия и в конце концов перешло в значение модальности, намерения совершить действие.

Аффикс -l

Модальное значение аффикса -l в тюркских языках с трудом поддается объяснению. Единственной исходной точкой здесь может служить элемент l в некоторых формах желательного наклонения, ср. узб. *ёзай(л)-ик* 'напишем-ка', уйг. *орай-л-и* 'давайте жать', тур. *уага-l-им* 'напишем-ка' и т. д.

В неглагольной сфере отмечается уменьшительное значение аффикса -l, ср. тур. *абла* 'старшая сестра' [*аба*+уменьшительный суффикс -ла (к)]¹¹, в частности, в прилагательных — ослабление степени качества. Имя прилагательное *кызыл* 'красный' является уменьшительной формой от основы *кыз*.

Совершенно очевидна генетическая связь этого суффикса с древнетюркским аффиксом собирательной множественности -l, входящим в состав широко распространенного в тюркских языках аффикса множественного числа -лаг.

Аффикс -п

В некоторых говорах уйгурского языка формы желательного наклонения содержат элемент -п, например в илийско-семиреченском говоре *кети-п-и* 'давайте уйдем'¹², у турфанских уйгуров *барай-п-и* 'давайте пойдем'¹³. В кураминских говорах узбекского языка элемент -п встречается в формах повелительного наклонения¹⁴.

В неглагольной сфере аффикс -п может иметь уменьшительное значение, ср. тур. *oğlan* 'мальчик' от *oğ(u)l* 'сын', *özän* 'река', 'речка' от *öz* 'источник'¹⁵.

Аффикс -г

Модальное значение аффикса -г можно усматривать в значении показателя будущего времени -г, придающего в некоторых тюркских языках, например в татарском, значению будущего времени модальный от-

¹¹ А. Н. Кононов. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 100.

¹² А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 302.

¹³ Там же, стр. 79.

¹⁴ В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1952, стр. 47.

¹⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 172.

тенок предположительности совершения действия, ср. тат. *яз-ар* 'напишет (видимо)'. В казахском языке существует так называемое будущее предположительное время с показателем *-р, -ар, -ер*. Будущее предположительное время указывает на предположительность действия, то есть время совершения действия откладывается на неопределенное будущее. Действие может и совершиться, и не совершиться, например: *Мен оны институтка шақырармын* 'Я, может быть, приглашу его в институт'¹⁶. Будущее время этого типа существует также в узбекском языке, ср. узб. *ёз-ар-ман* '(я) напишу, буду писать (возможно)'¹⁷, и в целом ряде других тюркских языков.

По всей видимости, этот аффикс связан генетически с древним аффиксом собирательной множественности *-г*, обнаруживаемым в аффиксе множественного числа *-лаг*.

Имеются косвенные свидетельства того, что аффикс *-г* использовался в глаголах для выражения многократности действия, ср. суффикс многократного действия в татарском языке *-штыр*, одним из компонентов которого является аффикс *-г*.

Этот же аффикс использовался в тюркских языках в качестве глагольного аффикса, выражающего постепенное накопление качества, ср. каз. *боз-ар-у* 'бледность', *жаң-ар-у* 'обновляться', *қысқа-р-у* 'укорачиваться, сокращаться'¹⁸, азерб. *ағ-ар-маг* 'белеть', тур. *bay-ur-tak* 'богатеть', *sar-ar-tak* 'желтеть', кирг. *жаш-ар-* 'молодеть' и т. д.¹⁹

Аффикс *-г* мог также выражать ослабленную или повышенную степень качества прилагательных, на что указывает сложный аффикс *-гаг*, в состав которого он входит.

Первоначальной функцией аффикса *-г* было выражение собирательной множественности. В дальнейшем это значение было переосмыслено и расширено.

Аффикс *-s*

Древнее модальное значение аффикса *-s* обнаруживается в формах условного наклонения, главным образом в прошедшем времени, ср. узб. *ёзсам эди* 'написать бы мне'²⁰.

В этом случае аффикс *-s* имеет явный оптативный оттенок.

Далее, в тюркских языках имеются глаголы с аффиксами *-са-, -си-, -су-*, имеющими деизидеративное значение. Особенно отчетливо это значение прослеживается в памятниках древнетюркской письменности, например, в словаре Махмуда Кашгарского, ср. *suw iç-se-di* 'он захотел выпить воды', *sat-sa-dy* 'он захотел продать'²¹.

В неглагольной сфере, по-видимому, тот же аффикс используется для выражения ослабленной степени качества у имен прилагательных, ср. тат. *ал-су* 'розоватый' от *ал* 'розовый', *зәң-гәр-су* 'синеватый' от *зәң-гәр* 'синий' и т. д.

В древности в тюркских языках, вероятно, существовал аффикс *-s*, обозначавший собирательную множественность. Он входит в состав аффиксов множественного числа *-sem* и собирательной множественности *-sag* в чувашском языке и *-zag* в туркменском.

¹⁶ «Современный казахский литературный язык», стр. 339.

¹⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 229.

¹⁸ «Современный казахский литературный язык», стр. 268.

¹⁹ Э. В. Севорьян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 249, 250.

²⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 233.

²¹ Э. В. Севорьян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 297—299.

СОЕДИНЕНИЯ АФФИКСОВ

В тюркских, как и в других агглютинативных языках, простые аффиксы могли образовывать соединения с другими аффиксами. Чаще всего создание таких соединений было обусловлено стремлением выразить какие-то особенно тонкие и частные значения модальности, уменьшительности и т. п. Рассмотрим некоторые, наиболее часто встречающиеся сложные аффиксы.

ПЕРВЫЙ СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СЛОЖЕНИЯ — АФФИКС -^vçАффикс -^vçақ

Исторически аффикс -^vçақ возник в результате соединения двух аффиксов: -^vç и -(а)қ.

Во многих тюркских языках -^vçақ выступает как показатель особого будущего времени с модальным значением обязательности совершения действия. Чаще всего он соединяется с аффиксом -а, образуя сложный аффикс -а^vçақ, ср. тат. *яз-ачак* 'он (обязательно) напишет', узб. *ёз-ажак* 'он напишет (непрерывно)' и т. д.

Вне глагольной сферы имеется омонимичный аффикс -^vçақ имен прилагательных, обозначающий склонность к чему-либо, ср. тат. *уен-чак* 'игривый', *ирен-чак* 'ленивый', каз. *мақтан-шак* 'хвастливый' и т. д. Значение будущего времени развилось на базе особого причастия на -а^vçақ, обозначающего склонность к совершению какого-либо действия.

Аффикс -^vчап

Аффикс -^vчап представляет собой соединение аффиксов -^vç и -(а)п. В глагольной сфере он неизвестен, но употребляется как аффикс прилагательных, обозначающих склонность к чему-либо, ср. тат. *сугыш-чан* 'воинственный', 'драчливый', *шаяру-чан* 'склонный к шуткам', *оял-чан* 'застенчивый', каз. *сөз-шен* 'словоохотливый', *тер-шен* 'потливый', *кiр-шен* 'маркий', узб. *кўнгли-чан* 'отзывчивый', *иш-чан* 'работающий' и т. д.

Аффикс -^vçуқ (-^vçik)

Состоит из двух аффиксов: -^vç и -(у)қ. В терском диалекте кумыкского языка существует особое будущее время с показателем -^vçik, -^vzik, например: *гәт-чик* 'он уйдет', *бәр-жик-сән* 'отдашь'²². Можно предположить, что первоначально этот аффикс выражал намерение совершить какое-либо действие, поскольку в тюркских языках имеются прилагательные с омонимичным аффиксом, обозначающие склонность или подверженность чему-либо, ср. тат. *бәйлән-чек* 'придирчивый', *кылан-чык* 'кокетливый', *бөтер-чек* 'вертлявый'²³.

Присоединяясь к именам существительным, этот аффикс придает им уменьшительно-ласкательное значение, ср. азерб. *бојун-чуг* 'шейка' от *бојун* 'шея', туркм. *бала-жык* 'дитяtko' от *бала* 'дитя', тур. *köprü-sük* 'мостик' от *köprü* 'мост', кирг. *көл-чүк* 'озерце' от *көл* 'озеро', тат. *кош-чык* 'птичка' от *кош* 'птица', *китап-чык* 'книжечка' от *китап* 'книга' и т. д.²⁴

²² Н. Керимов. Кумыкская диалектология. Махачкала, 1972, стр. 101.

²³ «Современный татарский литературный язык», стр. 167.

²⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 106—109.

Аффикс -çul

Состоит из аффиксов -ç и (-y)l. У прилагательных обычно означает ослабленную степень качества, ср. тур. *ak-çil* 'беловатый' от *ak* 'белый', *gök-çül* 'голубоватый' от *gök* 'синий', 'голубой', каз. *көк-шил* 'синеватый' от *көк* 'синий', *ақ-шыл* 'беловатый' от *ак* 'белый'. Этот аффикс может указывать также на склонность к чему-либо, ср. каз. *су-шыл* 'обладающий способностью плавать в воде' от *су* 'вода', *уйқы-шыл* 'сонливый' от *уйқы* 'сон'²⁵, тат. *кунак-чыл* 'гостеприимный' от *кунак* 'гость', кирг. *азат-чыл* 'свободолюбивый', тур. *ана-çıl* 'любящий свою мать', *baba-çıl* 'любящий своего отца'²⁶.

ПЕРВЫЙ СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СЛОЖЕНИЯ — АФФИКС -Q

Аффикс -qai (-yai)

Состоит из аффиксов -q и -ai. В глагольной сфере выступает как показатель опатива и по значению совершенно аналогичен аффиксу -ai, ср. каракалп. *ал-гай-мын* 'возьму-ка я', ног. диал. *бар-гъай-ман* 'пойду-ка я', каз. *оз-гай-мын* 'перегону-ка-я' и т. д. Модальное значение здесь возникло на основе уменьшительного.

Любопытно отметить, что аффикс -qai (-yai), подобно аффиксу -ai, служит также для выражения уменьшительности и ласкательности, ср. тат. *баш-кай* 'головушка' от *баш* 'голова', *туган-кай* 'родименький' от *туган* 'родной', *бала-кай* 'дитятко' от *бала* 'дитя', 'ребенок' и т. д.

Аффикс -qai, -yai может выражать склонность к чему-либо, ср. каз. *шала-гай* 'шалопаи' от *шала* 'недостаток', *эзил-қай* 'шутник' от *эзіл* 'шутка', балагурство'²⁷.

Аффикс -qai может обозначать также ослабленную степень качества, ср. каз. *коңыр* 'светло-желтый', но *коңыр-қай* 'светло-сероватый', *сур* 'серый', *сурқай* 'сероватый' и т. д.²⁸

Опативное значение аффикса -qai (-yai), по всей видимости, развилось из первоначального уменьшительного значения.

Аффикс -quç (-yuç)

Состоит из аффиксов -q и -(-y)ç. Любопытно отметить, что в некоторых узбекских говорах встречается особое прошедшее время с показателем -гыч, выражающее действие, которое могло бы предположительно завершиться в будущем, ср. в кураминских говорах *тур-гыч эди* 'он стоял бы', лит. узб. *тулар эди*²⁹, в галля-аральском говоре *кэл-гыч эдим* 'я пришел бы' = лит. *келар эдим*³⁰.

Аффикс -qul (-yul)

Состоит из аффиксов -(q) и -(y)l. В некоторых тюркских языках формы повелительного наклонения могут усиливаться аффиксом -qul, -yul³¹.

²⁵ «Современный казахский литературный язык», стр. 185.

²⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 174.

²⁷ «Современный казахский литературный язык», стр. 140.

²⁸ Там же, стр. 209.

²⁹ В. В. Решагов. Указ. раб., стр. 46.

³⁰ В. Эгамов. Галля-аральский говор Самаркандской области. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1954, стр. 20.

³¹ Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 37.

В неглагольной сфере аффикс -*qul* (-*γul*) встречается в составе сложного аффикса -*qult*, -*γult*, обозначающего слабо проявляющееся качество, ср. тат. *сор-гылт* 'сероватый' от *соры* 'серый', *яшь-келт* 'зеленоватый' от *яшел* 'зеленый', каз. *сар-ғылт* 'желтоватый' от *сары* 'желтый'.

Аффикс -*qun* (-*γun*)

В некоторых говорах узбекского языка при помощи этого аффикса образуются формы повелительного наклонения, например: *бор* 'иди', *бор-гын* 'иди-ка' (карчинский говор), *бар-гын* 'иди-ка' (арамский говор), *кэл-гин* 'приходи' (кураминский говор), *бор-гын* 'иди-ка' (ташкентский говор). В южных диалектах казахского языка встречаются формы повелительного наклонения типа *суыр-гын* 'бей', *айт-қын* 'скажи'.

Аффикс -*qun* (-*γun*), -*kin* (-*gin*) в тюркских языках может образовывать также прилагательные со значением склонности или способности к какому-нибудь действию, ср. туркм. *аз-гын* 'яростный, страстный', азерб. *чош-гун* 'бурный'³², тат. *кис-кен* 'решительный'.

Аффикс -*lyq* (-*lik*)

Состоит из аффиксов -*l* и -(*y*)*q*. В карачаево-балкарском языке служит показателем будущего времени, например: *туруп-лук-ма* 'я буду стоять'. Источником образования этого типа будущего времени, несомненно, явилось причастие возможности на -*лык* типа тат. *барырлык урын* 'место, куда можно пойти' и т. д.

В неглагольной сфере известно употребление аффикса -*lyq* в функции аффикса собирательной множественности, ср. азерб. *алма-лыг* 'место, посаженное яблонями', туркм. *бадам-лык* 'миндальник', кирг. *жүзүм-дук* 'виноградник', чув. *авас-лах* 'осинник' и т. д.³³

Первоначально аффикс -*lyq* (-*lik*) был особым аффиксом собирательной множественности. Позднее в глагольной сфере произошло переосмысление понятия дробности в понятие модальности.

Аффикс -*raq*

Состоит из аффиксов -*r* и -(*a*)*q*. В глагольной сфере неизвестен. В некоторых тюркских языках выступает как показатель сравнительной степени прилагательных. Первоначально обозначал недостаточную степень качества или, напротив, повышенную степень качества. В тюркских языках параллельно отражены оба эти значения, ср. азерб. *көдәрək* 'низковатый', от *көдәр* 'низкий', тур. *acırak* 'горьковатый' от *acı* 'горький'³⁴, тат. *көчләрək* 'сильнее', то есть 'обладающий силой в большей степени'.

Первый элемент *r* связан с суффиксом собирательной множественности -*r*, который является и составной частью аффикса множественного числа -*lar*, элемент *q* мог быть также аффиксом собирательной множественности.

Первоначальное понятие дробности было переосмыслено в понятие повышенной или ослабленной степени обладания качеством.

ПЕРВЫЙ СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СЛОЖЕНИЯ — АФФИКС -*s*

Аффикс -*saq*

В состав этого сложного аффикса, несомненно, входит модальный аффикс -*s*. По мнению Э. В. Севортяна, аффикс -*saq* состоит из глаголо-

³² Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 328.

³³ Там же, стр. 43, 44.

³⁴ Там же, стр. 183.

образующего показателя *-са/-сә* с дезидеративным значением и отглагольно-именного аффикса *-(а) $\frac{2}{\kappa}$* ³⁵.

Иногда этот показатель выступает в форме *-суq* или *-ымсах*. В якутском языке он имеет значение склонности, привязанности, пристрастия к предмету, названному в основе, например: *сыамсах* 'любящий жир' от *сыа* 'жир', *уутумсэх* 'любящий молоко' от *уут* 'молоко', алт. *аракы-за-к* 'охотник до вина'. В тувинском языке аффикс *-сак* имеет значение признака склонности: *аң-зак* 'любящий охотиться', *оюн-зак* 'склонный играть'³⁶.

В киргизском языке данный аффикс вообще имеет модифицированное значение, развившееся по схеме: «желаемое» > «свойственное» и далее «нечто должноствующее», к которому восходят и значения существительных — *алымсак* 'то, что следует получить', *беримсек* 'то, что следует отдать'³⁷.

Аффикс *-syn (-sin)*

Дезидеративное значение аффикса *-syn* совершенно явно обнаруживается в формах 3-го лица ед. числа повелительного наклонения, ср. тур. *ol-sün* 'пусть будет', тат. *ал-сын* 'пусть возьмет', *йәшә-сән* 'да здравствуй' и т. д.

В некоторых тюркских языках этот же аффикс выступает как глагольный аффикс, господствующим значением которого является значение уподобления³⁸, ср. узб. *арзонсинмоқ* 'считать что-либо дешевым', каз. *арамсын-* 'считать что-либо поганым', кирг. *адамсын-* 'считать себя человеком' и т. п.³⁹

Исходным здесь является значение неполного качества, ср. тат. *зәңгәр-сү* 'голубоватый'. Из этого первичного значения позднее развились различные модальные значения.

Аффикс *-tai (-dai)*

В состав аффикса входят элемент *t* и уменьшительный суффикс *-ai*.

В казахском языке аффикс *-tai* присоединяется к терминам родства, образуя ласкательно-вежливую форму обращения, например: *ага* 'старший брат', *ага-тай* 'дяденька', *эке* 'папа', *эке-тай* 'папочка', *ана* 'старшая сестра', 'мама', *ана-тай* 'мамочка' и др.⁴⁰

Значительно чаще этот аффикс употребляется для выражения сравнения или уподобления, ср. тат. *арыслан-дай* 'как лев', *аю-дай* 'как медведь', каз. *тас-тай* 'как камень' и т. д.

Любопытно отметить, что понятие уменьшительности может быть переосмыслено как понятие не абсолютно тождественного употребления, сравнения.

Таким образом, значения сложных аффиксов в тюркских языках не обнаруживают никакого диссонанса. Они могут иметь подобно простым аффиксам и конкретное значение типа уменьшительности, склонности, и более абстрактные модальные значения.

³⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 221.

³⁶ Там же, стр. 225.

³⁷ Там же, стр. 224.

³⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 306.

³⁹ Там же, стр. 37.

⁴⁰ Х. Х. Махмудов. Краткий очерк грамматики казахского языка.—В кн.: Х. Махмудов, Г. Мусабиев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, стр. 570.

Приведенные выше данные, касающиеся этимологических связей аффиксов с модальным значением, достаточно наглядно свидетельствуют о том, что источники происхождения этих аффиксов следует искать не в глагольной, а в именной сфере. Первоначально эти аффиксы имели такие значения, как собирательная множественность, дробность, уменьшительность, неполная степень качества, неабсолютное отождествление (сравнение) и т. п. Из этих первоначально конкретных значений развились более абстрактные значения, например модальность, поскольку в понятии любой модальности, как уже говорилось выше, содержится идея неполноты. Такой путь развития модальности подтверждается также на материале других языков, например угро-финских. Исключительный интерес в этом отношении представляют тюркские языки, способные дать более или менее полное представление о развитии категории модальности.

Н. И. ЛЕЛЯГИНА, Д. М. НАСИЛОВ

ПАССИВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.0. По-видимому, целесообразно предварительно изложить содержащиеся в грамматиках тувинского языка сведения о пассивных (в иной терминологии — страдательных) глаголах и об образовании на их основе синтаксических структур.

Наиболее полно интересующие нас формы и их значения рассмотрены в «Грамматике тувинского языка» Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха¹. В этой работе в разделе о страдательном залоге говорится, что «страдательный залог тувинского глагола близок по значению и по форме к возвратному залогу. Он обозначает действие, которому данный предмет подвергается со стороны (страдательное значение), и действие, которое данный предмет направляет на себя или совершает для себя (возвратное значение). Грамматические значения страдательного залога (страдательное и возвратное) различаются в контексте. ... В тувинском глаголе страдательное значение выражается не только страдательным залогом, но также понудительным и возвратным. Наиболее полно страдательное значение передается средствами понудительного залога, так как ему в страдательном значении свойственно сочетаться с косвенным объектом (в дательном падеже), обозначающим реального производителя действия. Страдательному залогу, так же как и возвратному, несвойственно сочетаться с именем реального производителя действия»². Что касается возвратных глаголов, то они в страдательном значении (а также в возвратно-страдательном) «употребляются без грамматического объекта, обозначающего реально действующее лицо, и тем самым их страдательное значение ослаблено»³.

Аналогичные сведения содержатся и в других грамматических очерках тувинского языка, включая капитальный труд Н. Ф. Катанова⁴, а также в учебниках⁵.

Исследователи тувинского языка выделяют страдательное (пассивное) значение у целого ряда глагольных образований, распределяя по-

¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

² Там же, стр. 290, 292.

³ Там же, стр. 285.

⁴ См.: Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903; Ш. Ч. Сат. Тувинский язык. Краткий очерк. — Приложение к кн. «Тувинско-русский словарь». М., 1955; его же. Тувинский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966; К. Н. Menges. Das Sojonische und Karagassische. — В кн.: «Philologiae turcicae fundamenta», t. I. Wiesbaden, 1959; его же. Die sibirischen Türksprachen. — В кн.: «Handbuch der Orientalistik». I. Abt., V. Band, 1. Abschn. Leiden—Köln, 1963.

⁵ См.: М. Д. Биче-оол, Ф. Г. Исхаков. Тыва дылдың өөрөдиге ному. Бирги кезээ. Фонетика болгаш морфология. Кызыл, 1959, стр. 196—197; К. Х. Орзу. Тыва дыл. Лексика, фонетика, морфология. Кызыл, 1960.

следние на основании формальных признаков — по их аффиксальным формам — по разным залогам глагола: страдательному, возвратному и побудительному (каузативному).

1.1. Показателем страдательного залога выступает аффикс *-л/-ыл ~ -ил, -ул ~ -үл*. В грамматике Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха выделяется еще малопродуктивный аффикс *-тыл* с его фонетическими вариантами⁶. По данным тувинско-русского словаря⁷, этот аффикс встречается лишь в трех глаголах: 1) *арт-тыл*- 'свешиваться' при *арт*- 'навьючивать, перекаладывать переметную суму'; 2) *кут-тул*- 'литься' при *кут*- 'лить, наливать'; 3) *чат-тыл*- 'простирается, раскидывается, расстилается' при *чат*- 'расстилать, сушить'. Поскольку настоящая статья предполагает синхронное описание фактов современного литературного тувинского языка, можно было бы ограничиться этим списком с учетом данных грамматики. Однако есть некоторые основания предполагать, что аффикс *пасива -т(ы)л* в тувинской грамматике неправомерно выделяется в результате ложного фономорфологического членения производных основ по меньшей мере трех указанных глаголов. Характерно, что в глаголах *кут*- 'лить' и *чат*- 'расстилать' ауслат основы входит в ряд исторических чередований *-d ~ -δ ~ -j*, который в тувинском языке отражается как шумный *-т* (ср.: др.-тюрк. *qud ~ quj*- 'лить'; *jad ~ jab ~ jat*- 'распространять, раскладывать, расстилать')⁸. В производных глаголах *чатт-ыл* и *кутт-ул* в интервокальном положении, следует думать, появляется (орфографически?) геминированный *-т*-, принадлежащий основе глагола, что связано, видимо, с отражением древних фонетических закономерностей. Поскольку инлаут в тувинском языке с этой точки зрения специально еще не исследовался, в настоящее время не представляется возможным обосновать закономерности реализации интервокального *-т*- (к тому же в тувинской орфографии имеются некоторые непоследовательности и колебания)⁹, хотя, очевидно, они связаны с особенностями отражения в тувинском языке этимологически *сильного -т* в отдельных словах или грамматических формах (ср.: *чаттыл*- 'простирается', но *чадар*- 'расстилать', *чадын* 'расстелив')¹⁰. К этому же ряду фонетических явлений примыкает и случай с глаголом *арт*-, где (орфографическая?) геминация способствует сохранению в производной форме привычного для тувинского языка сочетания *p+t*, соответствующего историческому комплексу **rt* в абсолютном исходе слова, что имеет аналогию и в тофаларском языке. Поэтому и в глаголе *артт-ыл*- следует также выделять лишь аффикс *-(ы)л*. Во всяком случае, ни данные исторической грамматики, ни сравнение с другими современными тюркскими языками, ни функционирование этих глаголов в современном тувинском языке не дают оснований для выделения в них «сложного» аффикса страдательного залога *-т+-ыл*. Таким образом, можно прийти к заключению, что единствен-

⁶ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика., стр. 291.

⁷ «Тувинско-русский словарь». Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968. Возможно, что данные словаря не исчерпывают всех аналогичных случаев употребления этого аффикса.

⁸ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика., стр. 77; А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 97, 160—161; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 46, 60—61, Словарь.

⁹ См.: А. А. Пальмах, З. Б. Арагачи. Основы тувинской орфографии. Кызыл, 1963; Тыва дылдың орфографтыг словары. Кызыл, 1967; Д. А. Монгуш, Ш. Ч. Сат. Совет үеде тыва дылдың хөгжүлдеси. Кызыл, 1967; Д. А. Монгуш. Тувинская письменность и некоторые вопросы ее дальнейшего развития. — «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ». Кызыл, 1970, вып. XIV, стр. 168—173.

¹⁰ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика., стр. 77—78. Ср. наличие *сильного -т* в тофаларском языке в конце данных глагольных основ (В. И. Рассадин. Указ. раб., стр. 60—61).

ным показателем страдательного залога в тувинском языке, как и во всех других тюркских языках, следует считать простой аффикс $-л \sim -(ы)л$ ¹¹.

1.2. В тувинских грамматиках обычно выделяют показатели возвратного залога $-н \sim -(ы)н$, $-т(ы)н \sim -д(ы)н$. Кроме того, указывается сложный аффикс $-т-т(ы)н$ как возникший из сложения каузативного показателя $-т-$ и упоминавшегося возвратного аффикса $-тын$ ¹².

Относительно происхождения аффикса $-тын$ нет единого мнения. К. Г. Менгес, разлагая его на два показателя $-т-ын$, считает, что $-т-$ не может быть рассмотрен здесь как показатель каузатива, а должен быть возведен к $-н-$ ($>-т$), форманту медиопассива, то есть аффикс $-т-(ы)н < *-(ы)н + -(ы)н$ состоит из двух показателей медиопассива. В основах после гласного в интервокальной позиции наблюдается геминация $-т$ ¹³. Э. В. Севортян (не рассматривавший специально тувинский аффикс $-тын$), говоря о якутском залоговом показателе, который после гласных основ выступает в виде $-(ы)л(ы)н$, сопоставляет последний с показателем $-лын$, отмеченным в Словаре Махмуда Кашгарского и в ряде современных языков. Показатель $-лын$, по его мнению, состоит из аффикса страдательного залога $-л$ и аффикса возвратного залога $-н$ в медиальном значении; соотносительным аффиксом к $-лын$, считает он, выступает также аффикс $-ныл$ ¹⁴. Если принять эти параллели Э. В. Севортяна, то $-т-$ в тувинском аффиксе правомернее сопоставлять с $-л$ в показателе $-л(ы)н$: тув. $-т(ы)н < * -л + (ы)н$.

Принимая к сведению точки зрения Э. В. Севортяна и К. Г. Менгеса, следует при этом обратить внимание, с одной стороны, на своеобразие реализации начального $т-$ аффикса в интервокальной позиции, то есть на факт его геминации, что может свидетельствовать о его исконности в показателе $-т(ы)н$, с другой стороны—на параллели в якутском языке, где при наличии аффикса $-л(ы)н$ в некоторых глагольных образованиях встречается сложный показатель $-т-ын$, а в ряде глаголов выступает непродуктивный показатель $-т$ со значением медиальности¹⁵. В таком случае тувинский аффикс $-т(ы)н$ можно считать родственным якутскому непродуктивному аффиксу $-т(ы)н$ с возвратным значением.

К. Г. Менгес предполагает в этом аффиксе геминацию $т-$ в интервокальном положении¹⁶. Нам также представляется, что нет достаточных оснований для выделения в тувинском языке особого сложного побудительно-возвратного аффикса $-т-тын$, по крайней мере в случаях его функционирования с переходными глаголами. Это, видимо, один из фоморфологических вариантов аффикса $-т(ы)н$, присоединяющийся лишь к основам с гласным исходом, и в котором благодаря геминации $-т-$ удается сохранить его исходную форму. В данном случае принципиально неважно, выступает ли геминация лишь как условный орфографический прием, основывается ли она на определенных морфологических началах или имеет под собой произносительную основу. Таким образом, мы предполагаем, что в $-ттын$ оба $-т-$ принадлежат простому аффиксу $-тын$, если он присоединяется к переходному глаголу

¹¹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 497—512. Отметим, что Ш. Ч. Сат и К. Х. Оргу также не выделяют сложного аффикса (см. указ. раб.).

¹² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика..., стр. 286.

¹³ См.: К. Н. Menges. Das Sojonische und Karagassische, стр. 656; его же. Die sibirischen Türksprachen, стр. 116.

¹⁴ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 493—494, 497—498.

¹⁵ См.: Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, стр. 95—98, 104—108.

¹⁶ К. Н. Menges. Das Sojonische und Karagassische, стр. 656.

(иначе говоря, в данном случае не образуется вдвойне переходный глагол со страдательно-возвратным значением).

В свое время выделению этого аффикса способствовало упрочение в тувинской орфографии так называемого морфологического принципа, в силу которого возможное сочетание двух аффиксов побудительного залога *-т-тыр* было, по-видимому, распространено и на возвратный залог в случае геминации *-т* в аффиксе *-т(ы)н*¹⁷. Следствием этого было появление в последнем тувинско-русском словаре при известном числе образований с *-ттын* от переходных глаголов пометы *побудительно-страдательная форма*, хотя ни семантика глагола, ни примеры не указывали на увеличение валентности глагола, то есть на каузацию переходного глагола.

В большинстве основ на *-р* выступает орфографически аффикс *-тын* (обоснованно ли такое написание?!), хотя, по правилам, после сонорных он должен выступать в форме *-дын* (этот факт, может быть, тоже говорит о фонетическом своеобразии *т-* в данном аффиксе). В глаголах *бер-* 'давать', *көр-* 'видеть' выступает *-дын*: *бердин-* 'отдаваться', *көрдүн-* 'смотреться'. Вообще, по данным тувинско-русского словаря и орфографического словаря тувинского языка, число глаголов, где этот аффикс выступает в форме *-дын*, ограничено: основы этих глаголов оканчиваются на *-р, -л, -н, -г*.

1.3. В сфере побудительного залога употребляются продуктивные аффиксы *-(ы)т, -т(ы)р ~ -д(ы)р*; к непродуктивным и омертвелым относятся показатели *-(ы)р, -(ы)с, -г(ы)с, -к(ы)р*¹⁸.

1.4. Перечисленные выше продуктивные аффиксы, образующие в тувинском языке производные глаголы со значением пассивности, могут быть представлены в следующей схеме, где в общем виде показан их фонетический облик в зависимости от ауслаута основы (*R*) производящего глагола¹⁹:

<i>R</i> на глухой согласный	<i>-(ы)л, -(ы)н, -(ы)т, -т(ы)н, -т(ы)р</i>
<i>R</i> на сонорный согласный	<i>-(ы)л, -(ы)н, -(ы)т, -д(ы)н, -т(ы)н, -д(ы)р</i>
<i>R</i> на гласный	<i>-л, -н, -т, -тт(ы)н</i>
Некоторые непродуктивные аффиксы	
<i>R</i> на <i>-к, -л</i>	<i>-(ы)с</i>
<i>R</i> на <i>-р</i>	<i>-г(ы)с</i>
<i>R</i> на <i>-ш, -т</i>	<i>-(ы)р</i>

2.0. Далее будут охарактеризованы тувинские синтаксические структуры с глагольными сказуемыми, выступающими в одной из указанных пассивных форм. При этом нами используется методика описания синтаксической деривации, применявшаяся также и к тюркским языкам²⁰.

Напомним содержание некоторых понятий и терминов, используемых нами ниже. Под исходными предложениями понимаются абсолютно

¹⁷ Ср.: А. А. Пальмбах, З. Б. Арагачи. Указ. раб., стр. 100—101, 110—111, 141—145, 162—163.

¹⁸ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика., стр. 274—278.

¹⁹ Фонетические процессы на стыке основы и аффикса—явления ассимиляции, диссимляции и метатезы звуков—подробно описаны в упоминавшейся грамматике тувинского языка, к которой и отсылаем читателя; ср. также статьи по данному вопросу в сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1956.

²⁰ См.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках.—«Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 25—35; *их же*. О пассивной деривации в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 40—49; Г. Е. Корнилов, А. А. Холодович, В. С. Храковский. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке. — В сб.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». Л., 1969, стр. 238—259.

непроизводные предложения. Смысловая структура этих предложений отображает определенную смысловую ситуацию с набором актантов, или участников данной ситуации. На формально-грамматическом уровне ситуация (действие/состояние) репрезентируется сказуемым, выступающим в различных временных формах. В исходных предложениях наблюдаются «прямые» соответствия «участник ситуации — член предложения», причем субъект ситуации на синтаксическом уровне представляется конкретным подлежащим. Указанные соответствия можно изобразить схематически: ситуация (с) — сказуемое (Ск), субъект ситуации (Сс) — подлежащее (П), объект ситуации (Ос) или (О₁) — прямое дополнение (Д₁), объект ситуации второго порядка (О₂) — косвенное дополнение (Д₂) и т. п. Отметим, что определения (Опр.) и обстоятельства (Обст.) не соотносятся с участниками (актантами) данной ситуации, а являются атрибутами ее участников или всей ситуации в целом. Синтаксическая и смысловая структура конкретного тувинского предложения, например, *мен олче чагаа чоруттум* 'я послал ему письмо' — может быть представлена следующим образом: П(Сс) — Д₂(О₂) — Д₁(О₁) — Ск(с).

Для выражения нового смыслового содержания, производного от исходного, преобразуется смысловая структура исходного предложения. Такое преобразование на грамматико-синтаксическом уровне проявляется обычно в изменении синтаксической структуры предложения. Таким образом, производные предложения по своему грамматическому и смысловому статусу оказываются закономерно отличными от исходных и в то же время закономерно связанными с последними. Такого рода отношения определяют как деривационные преобразования исходных синтаксических структур²¹. В данном случае наша цель заключается в выявлении смысловых и грамматических (формальных) модификаций, наблюдаемых в процессе синтаксической деривации при использовании формальных операторов пассивной деривации — показателей пассива (страдательности). Тем самым предполагается, что пассивные дериваты в тувинском языке связаны регулярными закономерными отношениями с исходными предложениями (далее—ИП).

2.1. В современном тувинском языке можно выделить три типа ИП, с каждым из которых связаны определенные пассивные деривационные преобразования. В первую группу войдут одноактантные семантические структуры, во вторую — двухактантные и в третью — трехактантные структуры.

2.2. Одноактантные структуры представлены в ИП с непереходными глаголами-сказуемыми. Они схематично записываются следующим образом: I П(Сс)—Ск(с). Примеры: I (1) *бис* (П) *почтаже* (Обст.) *бо орукбиле* (Обст.) *эртнес бис* (Ск) 'мы (П) на почту (Обст.) не [про]ходим (Ск) этой дорогой (Обст.)'; (2) *бис* (П) *бо чадалап* (Обст.) *батпайн турар бис* (Ск) 'мы (П) не спускаемся (Ск) по этой лестнице (Обст.)'; (3) *ол орунда* (Обст.) *кым-даа* (П) *удувайн турар* (Ск) 'на той кровати (Обст.) никто (П) не спит (Ск)'. В этих предложениях субъект со-

²¹ О понятии ситуации и о принципе деривации подробнее см.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации...; А. А. Холодович. Некоторые вопросы управления в японском языке. — В сб.: «Вопросы японского языка». М., 1971, стр. 113—115; И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 4; В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики. — В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969; В. С. Храковский. Деривационные отношения в синтаксисе. — Там же; А. П. Володин, В. С. Храковский. Система абстрактных синтаксических структур. — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 232, 3.3. «Проблемы моделирования языка». Тарту, 1969.

стояния репрезентирован в подлежащем, выраженном конкретным словом, состояние репрезентировано в сказуемом предложения²².

Для исчисления возможных пассивных дериватов от ИП воспользуемся предложенной В. С. Храковским формулой, согласно которой идеальное число пассивных дериватов «равно удвоенному количеству актантов структуры основного залога»²³. Из этого следует, что для одноактантной исходной структуры теоретически возможно построение двух производных пассивных структур — а) Ск(с), то есть место подлежащего остается незанятым; б) Ск(с) — Д (Сс), то есть позиция подлежащего занята другим членом предложения — дополнением [типа русского *сколько мною (Д) выдано (Ск)*]. Однако в тувинском языке реализуется только первая возможность, то есть позиция подлежащего всегда остается свободной. Преобразуем приведенные выше тувинские ИП: 1(1) $\Rightarrow$ 1(1а) *почтаже (Обст.) бо орук-биле (Обст.) эрттинмес (Ск)* 'на почту (Обст.) этой дорогой (Обст.) не пройти (Ск)'; (2) $\Rightarrow$ (2а) *бо чадалан (Обст.) баттынмас (Ск)* 'по этой лестнице (Обст.) не спуститься (Ск)'; (3) $\Rightarrow$ (3а) *ол орунга (Обст.) удуттунмас (Ск)* [*үрелик орун-дур*] 'на той кровати (Обст.) не уснешь (Ск) [кровать сломанная]'.

В пассивных дериватах, как видим, нарушается «прямое» соотношение «подлежащее — субъект ситуации»; в них субъект не может обозначаться подлежащим. В дериватах же от одноактантных структур в тувинском языке субъект вообще не может быть обозначен отдельным членом предложения. Однако на смысловом уровне исходный состав участников ситуации сохраняется, наблюдается лишь генерализация (обобщение) субъекта данной ситуации; на синтаксическом уровне конкретная лексическая информация о нем невозможна. В пассивном деривате содержится лишь грамматическая информация, а сказуемое репрезентирует уже два компонента (участника) ситуации — «состояние» и «обобщенный субъект ситуации», формально обозначаемый введением показателя пассивности *-(т)тын ~ -дын* в глагольную форму. В тувинском языке здесь отмечается обычно форма 3-го лица настоящего-будущего времени, чаще в отрицательной форме и реже — в положительной. Например: (4) *мындыг терең сигенниг шөлге маңнаттынар деп бе?!* 'вряд ли можно бежать (~побежишь) по полю с такой высокой травой?!'. Такие пассивные структуры встречаются весьма редко.

2.3. Двухактантные структуры образуются переходными глаголами. Например: II (5) *Оол (П) чаа чурукту (Д₁) ханага (Обст.) аскан (Ск)* 'мальчик (П) повесил (Ск) новую картину (Д₁) на стену (Обст.)'; (6) *колхозчу (П) читкен аътты (Д₁) тыпкан (Ск)* 'колхозник (П) нашел (Ск) пропавшую лошадь (Д₁)'; (7) *бөрү (П) өшкүнү (Д₁) чипкен (Ск)* 'волк (П) съел (Ск) козу (Д₁)'; (8) *шагдаа (П) оорну (Д₁) туткан (Ск)* 'милиционер (П) задержал (Ск) вора (Д₁)'; (9) *хөйү (П) эвээжин (Д₁) чагырар (Ск)* 'большинство (П) подчиняет (Ск) меньшинство (Д₁)'; (10) *ыт (П) бичии оолдуң оң холун (Д₁) ызырыпкан (Ск)* 'собака (П) укусила (~схватила зубами) (Ск) правую руку (Д₁) мальчика (Опред.)'.

В тувинском языке с участием пассивных показателей допустимо построение двух пассивных дериватов со структурами IIа) П (Ос) — Ск (с); IIб) П (Ос) — Д (Сс). Как видим, в подтипе IIа подлежащее репрезентирует объект состояния; кроме того, в структуре отсутствует до-

²² Мы отвлекаемся здесь от проблемы интерпретации обстоятельств, обычно наличествующих в предложениях данного типа.

²³ В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога (определение и исчисление). — В сб.: «Категория залога». Материалы конференции. Л., 1970, стр. 31—34.

полнение. Особенностью структуры **IIб** является наличие в ней дополнения, обозначающего субъект состояния, в то время как подлежащее указывает его объект. В обоих случаях имя, занимающее позицию подлежащего, на смысловом уровне получает значение объекта состояния или может быть так интерпретировано. Далее преобразуем по указанным правилам приведенные выше ИП с двухактантными структурами и сопоставим производные дериваты **IIа** и **IIб** между собой. **IIа** (5) $\Rightarrow$ (5а) *чаа чурук* (П) *ханада* (Обст.) *астынган* (Ск) 'новая картина (П) висит (~ повешена) (Ск) на стене (Обст.)'; (6) $\Rightarrow$ (6а) *читкен аът* (П) *ты-вылган* (Ск) 'пропавшая лошадь (П) была найдена (Ск)'; **IIб** (7) $\Rightarrow$ (7б) *өшкү* (П) *бөрүге* (Д₂) *чидирткен* (Ск) 'коза (П) съедена (Ск) волком (Д₂)'; (8) $\Rightarrow$ (8б) *оор* (П) *шагдаага* (Д₂) *туттурган* (Ск) 'вор (П) пойман (Ск) милиционером (Д₂)'; (9) $\Rightarrow$ (9б) *хөйүнге* (П) *эвээжи* (Д₂) *чагыртыр* (Ск) 'меньшинство (П) подчиняется (Ск) большинству (Д₂)'; (10) $\Rightarrow$ (10б) *бичии оол* (П) *ытка* (Д₂) *оң холун* (Д₁) *ызыртыпкан* (Ск) 'мальчик (П) был укушен (Ск) собакой (Д₂) в правую руку (Д₁)'²⁴.

В дериватах (5а), (6а) подлежащее, обозначающее субъект ситуации (*оол* 'мальчик', *колхозчу* 'колхозник'), выводится; его место занимает член предложения, ранее бывший дополнением (*чурукту* 'картину', *аътты* 'лошадь'); в сказуемое вводится показатель ~ оператор пассивности (для 5а — *-тын*: *ас-тын-ган* 'висит, повешена', для 6а — *-ыл*: *тыв-ыл-ган* 'была найдена, нашлась'). В результате генерализации субъекта состояния информация о нем переводится на грамматический уровень и воплощается в глаголе-сказуемом через показатели пассивности. Для современного тувинского языка в дериватах с показателями *-ыл*, *-т(ы)н* дополнительная информация о субъекте состояния на лексическом уровне исключается²⁵. Это явление неоднократно подчеркивалось в грамматиках тувинского языка: «Страдательному залогу, так же как и возвратному, несвойственно сочетаться с именем реального производителя действия»²⁶.

В противоположность этому в дериватах (7б), (8б), (9б), (10б) выступает дополнение субъекта ситуации, стоящее в форме дательного падежа на *-га/-ге ~ -ка/-ке*. Внешне процесс деривации в данных примерах выглядит следующим образом: имя субъекта действия ИП (*бөрү* 'волк', *шагдаа* 'милиционер', *хөйү* 'большинство') переводится с позиции подлежащего на позицию дополнения в форме дательного падежа (*бөрүге*, *шагдаага*, *хөйүнге*), место подлежащего занимает «бывшее» дополнение объекта (*өшкү* 'коза', *оор* 'вор', *эвээжи* 'меньшинство'), в глагол-сказуемое вводится показатель пассивности *-тур*, *-т*, то есть один из показате-

²⁴ Примеры (7б), (8б) заимствованы из работы: А. Ч. Кунаа. Простое предложение современного тувинского языка. Кызыл, 1970, стр. 43. Характерно, что (7б), (8б) имеют помету *разговорное*. Аналогами (7б) в грамматике Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха будут: *өлүрткен хой* 'убитая овца', *бөрүге өлүрткен хоювус ийи* 'волком зарезано две наших овцы' (указ. соч., стр. 275, 276). Наши замечания по этому поводу см. ниже.

²⁵ Ср., например, узбекский язык, где в пассивных дериватах с показателем страдательного залога *-(ил ~ -и)н* возможно введение дополнения субъекта с помощью служебных слов *томон*||*тараф* 'сторона'. См.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации..., стр. 31—33; *их же*. О пассивной деривации в узбекском языке, стр. 42—44; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 192—193.

²⁶ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика..., стр. 292; ср. еще стр. 285, 287, 289. Заметим, что в примере *сөктан чарылган йдиш* (Н. Ф. Катанов. Опыт..., стр. 836) 'дерево, расколотое морозом; дерево, расколовшееся от мороза' *сөктан* следует рассматривать не как дополнение субъекта в исходном падеже, а как дополнение причины, однако причина здесь выступает не участником ~ актантом ситуации, а атрибутом последней; такие случаи требуют особого рассмотрения.

лей понудительного залога ~ каузатива (*чи-дир-т-кен* 'съедена', *тут-турган* 'был пойман', *чагыр-т-ыр* 'подчиняется'). Однако этот процесс следует представить по-иному, с учетом правил каузативной деривации. Согласно этим правилам, позицию подлежащего в ИП занимает новое имя-каузатор, имя-подлежащее переводится на позицию дополнения (D_2), дополнение (D_1) может сохраняться²⁷. Особенностью данных каузативных преобразований является то, что в них новый субъект-каузатор и объект (D_1) лексически эквивалентны. В силу этого конструкции указанного типа описывают такую каузативную ситуацию, которая совпадает с исходной ситуацией лишь постольку, поскольку субъект-каузатор и объект лексически совпадают между собой. Сохранение исходного набора участников ситуации сближает данную каузативную структуру с пассивными структурами других типов, ибо в последних описываются те же ситуации, что и в ИП.

Рассмотрим ход деривации на примере преобразования ИП II (7): *бөрү* (П) *өшкүнү* (D_1) *чипкен* (Ск) 'волк (П) съел (Ск) козу (D_1)'. Если в данную структуру ввести новый субъект-каузатор (в данном случае это будет снова *өшкү* 'коза'), то в соответствии с правилами получим новую структуру: (7) $\Rightarrow$ (7б') **өшкү* (П) *бөрүгө* (D_2) [*өшкүнү* (D_1)] *чидирткен* (Ск) 'коза (П) допустила ~ позволила (Ск) волку (D_2) съесть (Ск) [козу (D_1), то есть, фактически, ее самое]'. За счет элиминации объекта (D_1) — *өшкүнү*, в смысловом отношении (на уровне лексем) совпадающего с субъектом-каузатором, получаем каузативную структуру, которая может быть интерпретирована как имеющая пассивное значение: (7) $\Rightarrow$ (7б') $\Rightarrow$ (7б): *өшкү* (П) *бөрүгө* (D_2) *чидирткен* (Ск) 'коза (П) съедена (Ск) волком (D_2)'. Таким образом, в деривате (7б) в позиции подлежащего оказывается не «бывшее» дополнение объекта (D_1) ИП, что требовалось бы по правилам пассивного преобразования, а вновь введенное имя-каузатор, тождественное на уровне лексем с именем-дополнением (D_1). Приведенный ход деривации подтверждается случаем, когда новый субъект не совпадает во всем объеме с дополнением-объектом, а только связан с ним отношением «часть—целое» или отношением принадлежности. В деривате появляется новое подлежащее, отличное от «бывшего дополнения», которое, в свою очередь, сохраняется, будучи связано с подлежащим чаще всего через аффикс принадлежности. Примером может служить цепочка II (10) $\Rightarrow$ (10б), где подлежащее *бичии оол* 'мальчик' соотносится с дополнением (D_1) *оң хол-у-н* 'правую свою руку' через аффикс принадлежности как целое с частью. Еще пример: (11) *ол киж* (П) *изиг сугга* (D_2) *холун* (D_1) *чидирткен* (Ск) 'тот человек (П) обжег (Ск) свою руку (D_1) в горячей воде (D_2)' — здесь соотносятся *ол киж* 'тот человек' — *холун* 'его ~ свою руку'.

Во всех этих дериватах подлежащее есть субъект-каузатор, соотносенный всегда с «бывшим дополнением» (D_1) в ИП, дополнение (D_2) в форме дательного падежа на *-га ~ -ка* передает субъект данного состояния (непосредственного производителя действия), состояние репрезентировано в каузативных формах глагольного сказуемого.

В данных структурах информация о субъекте состояния представлена, таким образом, и на грамматическом обобщенном уровне — показателем каузативности (= пассивности) в глаголе-сказуемом, и на лексическом уровне — в дополнении субъекта. Такие структуры полностью сохраняют и другие особенности пассивных дериватов — в них нарушается «прямое» соответствие «член предложения—участник ситуации» и субъект

²⁷ См.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации..., стр. 29—30.

ект ситуации не репрезентируется подлежащим. В них также возможно опущение дополнения субъекта — непосредственного деятеля (D_2), и при этом смысловая и синтаксическая целостность не нарушается, так как обобщенная информация о субъекте сохраняется, а широкий контекст может способствовать ее конкретизации. Сказанное особенно характерно для причастных конструкций типа *бөрүгө чидирткен хой* 'овца, съеденная волком' $\Rightarrow$ *чидирткен хой* 'съеденная овца'; *өлүрткен хой* 'убитая овца'; *соңгудар эрге* 'право быть избранным'. Заметим, что обычно в таких случаях имеется представление о субъекте как об одушевленном предмете или живом существе.

Таким образом, различие структур **Па** и **Пб** предстает как различие в способах передачи информации о субъекте состояния. На синтаксическом уровне оно выражается в наличии во **Пб** дополнения в дательном падеже. В морфологическом плане здесь четко различаются показатели (операторы) пассивности: для **Па** — страдательного и возвратного залога $[-(y)л; -(t)т(y)н \sim -d(y)н]$, для **Пб** — повелительного залога, или каузатива $[-(y)г, -т(y)р \sim -d(y)р$ и т. д.].

Механизм использования в тувинском языке каузативных показателей для выражения пассивного значения разъясняется А. А. Пальмбахом как частный случай общекаузативного значения: «Предмет А заставляет (побуждает) предмет Б что-то сделать с ним (с предметом А)», то есть «предмет А подвергается данному действию со стороны предмета Б»²⁸. Совмещение каузативных и пассивных значений свойственно не только тувинскому языку или тюркским языкам вообще²⁹, но также языкам и другим системам³⁰. «Логически возможность совмещения каузативного и пассивного значений объясняется тем, что как при пассивном значении, так и при каузативном, субъект предложения (то есть то, что обозначено подлежащим. — Н. Л., Д. Н.) не является непосредственным производителем действия»³¹. В связи с этим в каузативных структурах подобного типа большое значение приобретает семантика глагола, обозначающего саму ситуацию, отнесенность имени субъекта-каузатора к одушевленным или неодушевленным именам, а также одушевленность или неодушевленность имени, обозначающего непосредственного производителя действия, субъекта данного состояния. Эти три фактора вступают между собой в различные отношения, которые по-разному реализуются в тувинском языке. Поскольку анализ всех этих отношений может служить темой специального исследования³², укажем только на некоторые их особенности. При одушевленном субъекте-каузаторе в каузативных структурах с пассивным значением чаще употребляются глаголы, обозначающие действия, для самого субъекта «неприятные» (типа «схватить», «убить», «уничтожить», «испугать», «обмануть», «украсть», «из-

²⁸ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика., стр. 274.

²⁹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 448—545; Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке, стр. 63—65; И. В. Кормушин. Категория каузатива в алтайских языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1968, стр. 17—18; его же. Пассивное значение каузативных глаголов и генезис каузативных и пассивных форм глагола в алтайских языках. — «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков 13—15 июня 1967 г. Тезисы сообщений». М., 1967, стр. 23—25.

³⁰ См.: В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов. — В кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив», стр. 20—50, особенно 29—31 и 35—43.

³¹ В. П. Недялков. О связи каузативности и пассивности. — «Ученые записки Башкирского государственного университета», вып. XXI. Уфа, 1964, стр. 304.

³² Ср., например: В. П. Недялков. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971, стр. 85—107.

бить» и т. п.)³³ или для него неожиданные, которые он по разным причинам не был в состоянии пресечь (типа «хвалить», «обнимать», «целовать» и т. п.). В случае неодушевленного субъекта-каузатора употребляются глаголы, выражающие действия, совершение которых над этим именем обусловлено его реальными свойствами. Во всех случаях, видимо, необходимо учитывать возможные реальные отношения между объектом (именем-каузатором) и субъектом состояния. Поэтому изложенное выше накладывает определенные семантические ограничения на свободу функционирования подобных каузативных структур. Еще несколько примеров: (12) *ооң ужурунда Епишканың командызы уттурган* (С. Тока.) 'по этой причине команда Епишки проиграла'; (13) *мен сен ышкаш бичимде Африка баар салгын-хемелеринге эжиндирип чоруп турган мен* (Э. Хемингуэй) 'когда я был в твоём возрасте, я плавал [юнгой] на паруснике в Африку'; (14) *холун чидирттир* 'обжечь руку'; (15) *Тыва кобалыт-тудуг эргелелиниң парткомунуң секретарынга эш К. соңгуткан* (Газ. «Шын», 1/XII 1970) 'секретарем парткома управления строительством «Тува-кобалыт» избран тов. К.' (ср.: *СЭКП райкомунуң бирги секретарынга В. М. Черновту... соңгаан* (Газ. «Шын», 22/XII 1970) 'первым секретарем райкома КПСС избран В. М. Чернов'); (16) *шунтувустуң аастарывыста хоорун каан кызыл-тас кайыргырып турган* (С. Тока.) 'у всех нас на зубах хрустела жареная пшеница'. Как видим, большинство глаголов в приведенных примерах являются в настоящее время лексикализированными формами каузативов; некоторые глаголы не имеют в словаре даже грамматических помет, что указывает на утрату осознаваемой производной зависимости данных каузативных форм глаголов.

Следует также отметить, что вообще трехчленная пассивная конструкция Сс—Ос—с, в которой находит выражение на лексическом уровне субъект состояния, не является типичной и широко распространенной в тюркских языках (как, впрочем, и во многих других). По-видимому, данная конструкция не характерна и для тувинского языка, где она может существовать лишь на базе каузативной формы глагола. Тувинские художественно-литературные тексты дают очень незначительную частотность таких каузативно-пассивных структур, преимущественно употребляемых в функции определительных развернутых оборотов (так называемых придаточных определительных предложений)³⁴, что же касается употребления форм сказуемых самостоятельных предложений, то здесь они встречаются обычно лексикализированные с показателем каузатива. Детальное статистическое обследование текстов разных жанров и стилей тувинской литературы представляется нам с этой точки зрения весьма интересным для выяснения функционирования каузативных форм глагола в пассивном значении на фоне других пассивных форм.

Нельзя не отметить также, что в современном тувинском литературном языке, преимущественно в строгом научном стиле и в сфере общественно-политической печати, на базе каузативных глаголов развивается синтаксическая структура, служащая для передачи русских страдательных и имперсональных структур. В тувинских синтаксических структурах этого типа, как правило, отсутствует член предложения, репрезентирующий субъект ситуации, и его место остается незанятым; дополнение объекта сохраняет свою позицию; в глаголе-сказуемом представлен показатель каузатива. Приведем примеры пассивных дериватов данной структуры, то есть Д₁ (Ос) — Ск (с): (17) *«Молния-1» спутник дамчыштыр харылзааны баш удур тургускан программа ёзугаар боттандырап*

³³ Ср.: В. П. Недялков. О связи каузативности и пассивности, стр. 308, 309.

³⁴ См.: Ш. Ч. Сат. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960, стр. 32—54.

(Газ. «Шын», 1/XII 1970) 'связь через спутник «Молния-1» осуществляет-ся по заранее созданной программе'; (18) *1970 чылдың ноябрь 28-те... «Вертикаль-1» деп геофизиктиг ракетаны 487 километр бедикче салып үндүргөн* (газ. «Шын», 1/XII 1970) '28 ноября 1970 г. на высоту 487 км запущена геофизическая ракета «Вертикаль-1»'; (19) *...эртең аппаратуразын спутниктиң иштинде тургускан* (Газ. «Шын», 6/IV 1969) '...на спутнике установлена научная аппаратура'.

Для того чтобы определить в какой мере указанные тувинские структуры отражают структуру русских конструкций, следует провести специальный сравнительный анализ, что не входит в нашу задачу. Подчеркнем одно, что при изучении данного вопроса необходимо обратиться к рассмотрению не только пассивных синтаксических структур, но и всей системы обозначения имперсональности в тувинском языке (обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных конструкций)³⁵.

2.4. В трехактантных структурах могут выступать как первообразные трехактантные глаголы, так и производные. Например: III (19) *оол (П) адазынче (Д₂) чагаа[ны] (Д₁) чоруткан (Ск)* 'мальчик (П) отправил (Ск) своему отцу (Д₂) письмо (Д₁)'; (17) *кырган киж (П) оглун (Д₁) кижизидикчиге (Д₂) хүлээткен (Ск)* 'старый человек (П) поручил (Ск) своего сына (Д₁) воспитателю (Д₂)'; (18) *бис (П) Төрөөн чуртунга ынакшылды (Д₁) бичи уругларга (Д₂) сиңниктирген бис (Ск)* 'мы (П) воспитали ~ привили (Ск) детям (Д₂) любовь к Родине (Д₁)'.

Преобразование приведенных исходных структур в пассивные производится аналогично преобразованию двухактантных структур, то есть выводится подлежащее-субъект, его место либо занимает дополнение-объект или же оно остается свободным, и тогда дополнение-объект и дополнение-адресат (Д₂) сохраняют свои позиции, в глагол-сказуемое вводится показатель пассива -(ы)л, -т(ы)н. Примеры: III (16) $\Rightarrow$ (16a) *[оолдуң] (Опред.) чагаа[зы] (П) адазынче (Д₂) чоруттунган (Ск)* 'письмо (П) [мальчика] (Опред.) его отцу (Д₂) было отправлено (Ск)'; (17) $\Rightarrow$ (17a) *кижизидикчиге (Д₂) хүлээттинген (Ск) оглу (Д₁)* 'его сын (Д₁), порученный (Ск) воспитателю (Д₂)' — данный причастный оборот является трансформой ИП III (17); сохраняются те же смысловые отношения, что и в прямом пассивном деривате: дополнение-объект, выступающее здесь в качестве главного члена оборота, сказуемое—причастная форма с показателем пассива и дополнение-адресат в своей позиции.

Следует отметить, что пассивное преобразование трехактантных структур вообще затруднено в силу сложности и громоздкости смыслов, передаваемых этими структурами. Сказанное относится прежде всего к синтаксическим структурам с вдвойне переходными или вдвойне каузированными глаголами типа: *кыйгырт-* 'вызывать' от *кыйгыр-* 'звать'; *долдурт-* 'заставлять наполнять' от *долдур-* 'наполнять' при *дол-* 'наполняться'; *доктааттыр-* 'заставлять останавливать' от *доктаат-* 'останавливать' при *доктаа-* 'останавливаться'; *чедирт-* 'заставлять доставлять' от *чедир-* 'доставлять' при *чет-* 'достигать' и т. п.³⁶ В этом случае происходит упро-

³⁵ А. Ч. Кунаа. Простое предложение современного тувинского языка, стр. 81—102.

³⁶ А. А. Пальмбах в связи со структурой понудительного залога отмечал, что потенциально его показатели могут «бесконечно нарастать друг на друга... Однако на практике мы встречаемся обычно лишь с понудительным залогом первой, второй и реже — третьей степени» (Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика..., стр. 279). Указанная особенность свойственна не только тувинскому языку, но и другим тюркским языкам (см.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации..., стр. 30; Г. Е. Корнилов, А. А. Холодович, В. С. Храковский. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке, стр. 249—251). Интересно сопоставить возможности реализации таких цепочек в разных тюркских языках.

шение смысловой структуры за счет сокращения числа участников ситуации, отображаемых в синтаксической структуре, преобразования смысловых связей или представления сложной ситуации как цепочки более простых. Например, в тувинском языке могут употребляться такие структуры: (18) *чагырга чери кыйгырткан-дыр, барган-дыр мен. Чарлык үндүргөн дир* (О. Саган-оол) 'администрация вызвала [меня], я поехал. [Мне] дали предписание'; (19) *эжимден меңээ байыр чедирткен болду* (Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика..., стр. 136) 'мне от моего товарища передали привет'; (20) *мен бөгүн чурукка тырттырдым* (Там же, стр. 127) 'я сегодня сфотографировался' и др.

3.0. В данной статье затронуты лишь основные проблемы пассивной деривации в тувинском языке и охарактеризованы ее самые общие закономерности. Как уже отмечалось, дальнейшее изучение этого вопроса требует сравнительно-сопоставительного исследования текстов различных жанров и стилей тувинской литературы и статистической обработки полученных данных.

Работы Д. А. Монгуша и Ш. Ч. Сата, исследовавших основные процессы внутриструктурного развития тувинского языка (в 30—60-е годы — в период формирования тувинского литературного языка, и в последние годы — в связи с активными процессами взаимодействия различных языков нашей страны) показали, что в современном тувинском языке наблюдаются сдвиги и в сфере морфолого-синтаксических категорий³⁷. Метод описания синтаксической деривации, при котором внимание обращается как на смысловую структуру синтаксической конструкции, так и на отражение этой структуры на синтаксическом уровне, позволяет выявить динамику смыслов в языке и ее отражение на уровне морфологии и синтаксиса. Сопоставление пассивных дериватов, выделенных на разных этапах развития тувинского языка, позволит проследить происходящие изменения в их структуре, а сопоставление с другими тюркскими языками — выявить определенную типологическую константу в сфере тюркского пассива.

В связи с этим могут представлять интерес также особенности выражения в пассивных дериватах субъекта состояния [ср., например, *эртемниг коммунизм дугайында Маркстың болгаш Энгельстин тургусканы чаи байдалдарга таарыштыр Ленинниң хөгжүткени теория...* (Газ. «Шын», 1/XII 1972) 'теория научного коммунизма, созданная Марксом и Энгельсом и развитая в новых условиях Лениным...'], способы реализации дополнения-субъекта и дополнения-объекта в разных структурах, распределение пассивных форм с показателями *-(ы)л*: *-т(ы)н*. Особую задачу представляет описание так называемой одноактантной пассивно-каузативной деривации в тувинском языке [ср.: *ол дуржулганы чер болганга непередир херек* (Газ. «Шын», 6/IV 1969) 'тот опыт нужно распространить повсеместно']*.

³⁷ См.: Д. А. Монгуш, Ш. Ч. Сат. Тувинский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР», II. М., 1969, стр. 196—210; Ш. Ч. Сат. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1973, стр. 28—33.

* Авторы выражают признательность Д. А. Монгушу, С. Н. Иванову и В. С. Храковскому за помощь, оказанную им в работе.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Н. К. АНТОНОВ

ЗАМЕТКИ ОБ ЭПОСЕ ЯКУТОВ

Еще в 1961 г. известный советский археолог М. П. Грязнов, по словам академика А. П. Окладникова, «лучший в мире знаток сибирской бронзы», писал: «...если еще недавно считалось, что древность героического эпоса народов нашей страны исчисляется лишь немногими веками..., то за последние годы исследователи все чаще приходят к заключению о его (эпоса. — Н. А.) более глубокой древности, о сложении его в период военно-демократического строя, что на наших территориях соответствует времени ранних кочевников, конкретнее — второй половине I тысячелетия до н. э.»¹.

Авторами первого тома «Истории Сибири» время зарождения героического эпоса ранних кочевников отодвигается еще дальше в глубь веков².

В степной и лесостепной зоне Забайкалья и Монголии этот период связывается с так называемой «культурой плиточных могил» бронзового века II—I тысячелетий до н. э., о которой говорится: «Первый признак культуры плиточных могил — развитая обработка меди и бронзы... еще в конце II тысячелетия до н. э. Забайкалье стало крупным центром бронзовой металлургии в Восточной Азии, оказавшим влияние на соседние области»³.

Некоторые авторы (Р. Форбес) зону Забайкалья считают даже одним из трех первичных центров распространения металлургии на земле⁴.

Известно, что культуру «плиточных могил» Забайкалья и Монголии исследователи связывают с предками тюркоязычных народов Центральной Азии, в том числе якутов. А. П. Окладников писал, что при изучении истории культуры забайкальских и монгольских племен бронзового века ему пришлось обратиться «к былинам-олонхо, к величественным образам древней мифологии якутов, к празднику весны — ысыаху. В них, как это ни удивительно на первый взгляд, скрыт ключ к забытым страницам летописи истории культуры народов Центральной Азии, далеких соплеменников якутов — уранхайцев»⁵.

Героический эпос тюркских и монгольских народов продолжал складываться и развиваться и в хуннское время, об этом свидетельствуют

¹ М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — «Археологический сборник», № 3. Л., 1961, стр. 31.

² «История Сибири», т. I. М.—Л., 1968, стр. 429.

³ Там же, стр. 215.

⁴ См.: Е. Н. Черных. Металл — человек — время. М., 1972, стр. 31—32.

⁵ Газета «Социалистическая Якутия», 1969, 1 мая.

многочисленные археологические находки этого периода с искусными изображениями на темы сюжетов эпоса кочевников⁶.

На большое сходство якутского героического эпоса с эпосами других тюркских и монгольских народов неоднократно указывали многие исследователи (В. М. Жирмунский, А. П. Окладников, Е. М. Мелетинский, Г. У. Эргис, И. В. Пухов и др.)⁷.

В настоящем сообщении нами приводятся некоторые языковые материалы, изучение которых позволяет пролить свет на происхождение якутского олонхо.

Olongko — 'эпическая песня о подвигах богатырей'⁸. Это исконное слово, имеющее параллели в других тюркских языках: например, казахско-киргизское — *oleng, ölöng* 'песня'. Второй компонент -ко, по нашему мнению, является реликтом общетюркской основы *koš-* 'слагать, сочинять (стих, песню)'. Отсюда якутские *koñu* 'слагать стих, песни; воспевать'; *koñoop* 'стихотворение' (<тюрк. *koşu* 'стихотворение, поэма'; *koşak* 'историческая песня'⁹). Таким образом, мы считаем, что якутское *olongko* — сложное слово, состоящее из исконных тюркских основ *ölöng* 'песня' + *koñoop* 'сочинение, поэма, историческая песня'. Впоследствии это слово утратило элемент *noop*. То есть здесь имеет место стяженная форма *olongkoloo* 'сказывать *olongko*', сходная с формой *sötüölää, sü-tüölää* 'купаться' от *su* + *tüölää* <тюрк. *su* + *tüşgölä* 'купаться'.

Tojuk — 'песня, воспевание, песнопение, шаманский гимн (напев), заклинание' (Пск., 2710), образованное от основы *tuoj-* 'петь, воспевать, восхвалять, величать, славословить' (Пек., 2818), ср. древнетюркское *tojuk, tojuk* 'стихотворение'¹⁰.

В. М. Жирмунский пишет, что анатолийские туркмены песенное исполнение монологов героев эпоса называют *soj sojlamak* 'сказать слово', а повествование о событиях эпоса — *boj bojlamak*, и заключает: «...смешанный характер изложения в огузских „былинах“ может быть лучше всего выражен термином „петь и сказывать“»¹¹.

По-видимому, песенное исполнение речи героев эпоса, называемое *tuoj* — *soj*, было свойственно многим древним тюркским народам.

Kylyhak — мелизм, специфический гортанный призыв эпической песни *tojuk*. К сожалению, в словаре якутского языка Э. К. Пекарского это слово отсутствует, нет его и в последнем «Якутско-русском словаре» (М., 1972). Но этот термин часто употребляется в работах якутских музыковедов¹².

Нам не удалось найти его иноязычных параллелей. По-видимому, это сложное слово, состоящее из двух исконных основ *ku* и *sak*, являющихся общетюркскими словами.

В пользу данного предположения говорит, во-первых, многосложность основы, не свойственная терминам древнейшего образования; и,

⁶ См.: М. П. Грязнов. Указ. раб.

⁷ См., например: А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955, стр. 277.

⁸ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I—IV, 1959 (далее — Пек.), стлб. 1818.

⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911 (далее РСЛ.), т. II, стлб. 638.

¹⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Л., 1951, стр. 431.

¹¹ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и книга Коркута. — В кн.: «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 243.

¹² См.: Г. Кривошапко. Якутская музыка и олонхо. — «Пояснительные статьи к грамзаписи олонхо П. А. Ойунского „Нюргун Боотур Стремительный“». Л., 1970, стр. 20; *е* же. О музыке олонхо. — «Полярная звезда», 1971, № 4, стр. 120.

во-вторых, то, что компоненты *kyl* и *sak* имеют параллели во всех тюркских языках.

Современное якутское *kyl* означает лишь «конский волос», но в других тюркских языках *kyl* — 1) «конские длинные волосы», 2) «струны, сделанные из конских волос», например: *искрипкэ кылы* 'струны скрипки' (РСЛ, II, 766).

Известно, что сказители многих других тюркских народов эпические песни обычно исполняют под аккомпанемент струнного кобыза или домбры. Звуки кобыза гармонируют со своеобразным пением сказителей, мелодиям которых свойствен особый мелизм, по-видимому, имитирующий удары пальцев по струнам кобыза.

Якутское эпическое пение *tojuk* также исполняется с указанным выше мелизмом *kylyhak*. Оно сходно с пением туркменских сказителей. Это совпадение не случайное. Якутский язык, как известно, во многом сближается с туркменским. Правда, сходные особенности этих языков (первичная долгота гласных, лексические и грамматические соответствия и т. п.) восходят к глубокой древности.

Якутское *kylyhak*, по нашему мнению, представляет собой имитацию голосом сказителя звучания кобыза, возникающего при ударе пальцами по струнам. Поэтому-то оно и состоит из сочетания основ *kyl* 'струна' и *sak* 'высекать огонь' (тюрк. *šak* 'высекать огонь из кремня'). Мы полагаем, что *kylyhak* в данном случае означает «высекание музыкальных звуков из струн кобыза». Это предположение подтверждается и другими якутскими словами, производными от основы *kyl* 'конский волос'; например, *ky-lap* 'выть, воить, пронзительно кричать, вскрикивать': *žaktar sangata ky-lappa* 'раздался пронзительный женский крик'; *ky-lana turar kytyja* 'кричащая большая чаша'; *ky-lana tūs* 'голосить' и т. д. (Пек., 1379). По-видимому, здесь имеет место образное выражение со значением «выть, воить, голосить подобно звуку волосяной струны», образованное аналогично словам *kölün* 'запрягать для себя', *öngün* 'похвалиться', *tangyn* 'одеваться', *kojun* 'сгущаться'. Слово *ky-las* 'визг' [*yhyu dien*, *kahyy dien*, *ky-las dien ihär* 'идут крики, визг' (Пек., 1382)] также является образным выражением: «визг, подобный звуку волосяной струны».

По-видимому, якутские сказители, как и другие тюркские исполнители героического эпоса, сопровождали свое пение игрой на кобызе.

Как известно, среднеазиатские шаманы *бакиши* свои колдовские песни сопровождали игрой на кобызе.

По всей вероятности, в древности и якутские белые шаманы вызывали духов, играя на струнном хомусе; отсюда и образовался термин *komuhun* 'волшебство, чары'.

Все изложенное выше позволяет, по нашему мнению, сделать следующее заключение:

1. Героический эпос тюркоязычных народов зародился и развивался в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во II—I тысячелетия до н. э. Большое сходство эпических произведений этих народов свидетельствует об их общем источнике.

2. Как и у других древних тюрков, героический эпос якутов олонхо и шаманские мистерии, по-видимому, исполнялись с музыкальным сопровождением. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени некоторые термины якутского языка (*kylyhak*, *ky-lan*, *ky-las*, *kytak*, *šang*, *šioг*, *komuhun*). Впоследствии музыкальная культура якутов была утрачена в связи с их миграцией на север и общим, исторически обусловленным регрессом в их развитии.

ТОПОНИМИКА

А. П. ГРИГОРЬЕВ

К ТОЛКОВАНИЮ ЭТНОТОПОНИМОВ «САРЫКАМЫШ» И «БУТКАЛЫ»

В одной из последних работ польского тюрколога З. Абрахамовича «Термин казак, а также наименования запорожцев и Запорожья у крымских татар и турок»¹ сделана, в частности, попытка выяснить этимологию названий *сарыкамыш* и *буткалы* в применении к запорожским казакам и месту их поселения — Запорожской Сечи. Автор статьи излагает историографию проблемы и предлагает свое толкование указанных терминов, стремясь при этом дать им возможно более реалистическое, жизненное обоснование. Рассмотрим его концепцию.

В «Книге путешествия» турецкого бытописателя XVII в. Эвлии Челеби содержатся следующие сведения, полученные ее автором у крымских татар. Во-первых, *Сарыкамыш* — это определенное место — средоточие запорожских казаков². Во-вторых, *Сарыкамышем* называется вся Запорожская страна с определенными границами, населенная запорожцами³. В-третьих, слово *сарыкамыш* означает «местность, заросшую камышом»⁴. Два первых положения общезвестны и не нуждаются в комментариях. Что же касается третьего, то З. Абрахамович полагает, что для камыша «его осенняя желтизна — не признак», и поэтому название *сарыкамыш* 'желтый камыш' обозначает, следует думать, один из видов травы — вейник. На основании этого предположения З. Абрахамович делает вывод, что Запорожская Сечь представлялась «тюркским кочевникам» чуть ли не раем земным, где кони их могли пастись на прекрасных пастбищах, густо заросших *сарыкамышом*.

Такая идиллическая картина, на наш взгляд, не совсем соответствует исторической действительности. Центром Запорожской Сечи были приднепровские плавни и остров Хортица (укр. *хортица* 'борзая сука'). Допустим, что на этом острове обильно произрастал именно вейник, а не камыш. Однако и вейник не пригоден для скормливания скоту, ибо это жесткая, грубая трава, не намного в этом отношении отличающаяся от камыша (отсюда и название). Очевидно, местность, заросшая вейником, не могла быть пастбищем.

Нам представляется, что топоним *Сарыкамыш* применительно к острову Хортица или близлежащему участку приднепровских плавней возник у тюркоязычных обитателей южнорусских степей — Дикого поля —

¹ Z. Abrahamowicz. Termin kozak oraz narwy Zaporozców i Zaporozja u Tatarów krómskich i Turków. — «Sprawozdanie z posiedzeń Komisji Naukowej Oddziału Polskiej Akademii Nauk w Krakowie», 1971, XV/1, стр. 69—71.

² «Evliya Çelebi seyahatnamesi», с. VII. İstanbul, 1928, стр. 503.

³ Там же, т. V, стр. 156—157; т. VII, стр. 555.

⁴ Там же, т. VII, стр. 503.

еще до образования Запорожской Сечи. В дальнейшем это название продолжительное время сосуществовало с топонимом *Запорожская Сечь*, и крымские татары не вкладывали в него никакого другого скрытого смысла. Этимология *сарыкамыш* — «вейник» нуждается, по-видимому, в более основательной аргументации. Поэтому словосочетание *сарыкамыш*, как нам кажется, естественнее понимать в его прямом значении — «желтый», то есть «сухой камыш». Например, в «Словаре» Махмуда Кашгарского (XI в.) сухие заросли камыша называются *saḡaṇ kaṃuṣ*, где слово *saḡaṇ* имеет прямое отношение к *saḡu* 'желтый'⁵.

В термине *Буткалы* З. Абрахамович видит топоним, равнозначный «Сарыкамышу» и «Запорожью». От него уже происходит, по его мнению, этноним *буткалы*, то есть «буткальские казаки». Этимология слова *буткалы* З. Абрахамовичу представляется в виде следующей сложной формулы: «[область], где имеется [растение, из которого добывается] каша». Вся Запорожская Сечь, по мнению З. Абрахамовича, представлялась татарам и туркам богатейшей житницей, где в изобилии произрастал злак (просо), идущий людям в пищу («на кашу»).

Значение слова *бутка* 'каша' З. Абрахамович заимствует у В. Д. Смирнова, не учитывая, видимо, того, что этот ученый лишь допускал возможность сближения понятия «имеющий кашу» с названием запорожцев, не утверждая этого окончательно⁶. Слово *butka* 'каша' В. Д. Смирнов нашел в словаре А. А. Троянского, изданном в 1833 г. в Казани. В 1928 г., спустя шесть лет после смерти В. Д. Смирнова, в Турции был опубликован VII том «Книги путешествия», где Эвлия Челеби приводит крымско-татарское произношение слова *бутка* 'каша'. Оказывается, что в середине XVII в. оно произносилось *бутга* или *путга* (*buṭṭa*, *puṭṭa*)⁷. Слово же *буткалы* ~ *путкалы*, обозначавшее запорожцев, Эвлия Челеби везде пишет только через «каф». Следовательно, турецкий автор никак не связывает прозвище запорожцев с татарским названием каши. Это наиболее древнее из известных нам написание слова *бутга* 'каша' позволяет считать его производным от тюркского слова *будгай* 'пшеница', зафиксированного уже у Махмуда Кашгарского в двух формах — *buḡdaḡ* и *buḡṭaḡ*⁸. Позднее конечное *j* в слове *buḡdaḡ* было в ряде случаев утрачено (см., например, написание *buḡda* у Л. З. Будагова⁹). То же произошло и со словом *buḡṭaḡ*, употреблявшимся для обозначения каши. Претерпев ряд превращений, вызванных оглушением начального *b* (*buḡṭa* ~ *puṭṭa* ~ *putka*), это слово утратило свое первоначальное значение «пшеница» и стало применяться только для выражения понятия «каша».

Что же означает *буткалы* ~ *путкалы*?

Уже В. Д. Смирнов заметил, что, скорее всего, это какая-то характеристика запорожских казаков, причем оказавшаяся настолько живучей, что применялась по отношению к их потомкам вплоть до начала XX в. Автор этих строк уже имел возможность отметить это обстоятельство в примечаниях к первому выпуску русского перевода «Книги путешествия»¹⁰. Опять-таки Эвлия Челеби наталкивает нас на мысль о том, что именно этноним *буткалы* (*путкалы*) *казаклары* 'буткальские казаки' перешел в топоним *Буткалы адасы* 'Буткальский остров' и *Буткалы тугу*

⁵ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 488.

⁶ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887, стр. 584, прим. 1.

⁷ «Evliya Çelebi seyahatnamesi», с. VII, стр. 641.

⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 120.

⁹ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 260.

¹⁰ Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. I. Земли Молдавии и Украины. М., 1961, стр. 254—255, прим. 4.

‘Буткальская Сечь’, а не наоборот. Следует подчеркнуть, что турецкий путешественник нигде не употребляет слова *буткалы* для обозначения территории, населенной казаками.

Вернемся, однако, к этимологии *буткалы*. Ясно, что в сочетании *буткалы* (*путкалы*) *казак*¹¹ аффикс *-лы* указывает на то, что упомянутому казаку присуще какое-то свойство *бутка* (*путка*). Выше мы уже отказались от значения *бутка* — «каина». Иных же значений этого слова известные нам словари не дают. Из создавшегося тупика нас как будто выводит наличие другой формы слова *буткалы* — *putakaly*¹². Возможно, что наряду со стяженной формой — *бутка~путка* существовала и полная форма этого слова — *бутака~путака*. Известно тюркское слово *бютеке* — *bütäk'ä*, обозначающее какую-то траву. Л. З. Будагов отмечает, что это «травя, полезная для лошадей»¹³, а В. В. Радлов приводит тюркский текст, в переводе гласящий: «так как эта трава растет пучками (*bütä*), то ее называют буютеке»¹⁴.

Слово *буюте* встречается и в форме *бута* — *buta* и означает «пучок, кустик, отросток, ветвь»¹⁵. В последнем значении оно сближается со словом *butak~putak* ‘ветвь, ветка, побег’, известным у тюркоязычных народов с древнейших времен¹⁶. Слово *бутака* могло влиять на производительную форму *буютеке*, которое стало произноситься *бутака*. Не исключено, что наряду с формой *буютеке* существовала и форма *бутака*. Отсюда, видимо, и происходит слово *бутакалы*, давшее стяженную форму *буткалы~путкалы*. Если принять это толкование, то сочетание *буткалы казак* (или *буткалы казагы* — в данном случае это несущественно) можно перевести как «казак, имеющий траву *буютеке*». Этот дословный перевод, на первый взгляд, не проясняет смысла выражения *буткалы казак*, но татары и не собирались переводить эту свою меткую характеристику. Они постоянно встречали запорожцев, носивших на темени своих бритых голов длинные чубы — оселедцы. Эти-то оселедцы и сравнивались татарами с пучками травы *буютеке*. Общеизвестно, что и русские называли запорожцев и вообще украинцев «хохлами» — по тому же самому признаку. Название это употребляется в просторечии и по сей день, превратившись из уничижительного в шутовское, фамильярное¹⁷.

Итак, *буткалы* в применении к запорожским казакам, по нашему мнению, следует толковать как «пучкастые», «хохлатые», то есть как характеристику внешности казаков. Топонимы *Буткалы адасы* и *Буткалы тугу*, конечно, существовали, но произошли они не от названия каких-то характерных для данной местности предметов, а в результате механического перенесения одного из прозвищ запорожских казаков на места их поселения.

¹¹ «Evliya Çelebi seyahatnamesi», с. V, стр. 188.

¹² Там же, стр. 138.

¹³ Л. З. Будагов, Указ. словарь, стр. 273.

¹⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2. СПб., 1911, стлб. 1898.

¹⁵ Л. З. Будагов. Указ. словарь, стр. 272—273; В. В. Радлов. Указ. словарь, стлб. 1856, 1897.

¹⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 120, 129; Л. З. Будагов. Указ. словарь, стр. 272—273, 283; В. В. Радлов. Указ. словарь, стлб. 1380, 1382, 1857—1858.

¹⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т. XVII. М.—Л., 1965, стлб. 427.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

МЕТОДЫ И ЗАДАЧИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

0. Прежде чем говорить о методах и задачах этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках, необходимо четко и определенно ответить на вопрос о том, осуществимо ли вообще такое исследование и, если осуществимо, то в каком объеме и какова степень его целесообразности. Сказанное, видимо, требует некоторых пояснений.

Постановка вопроса о возможности и целесообразности этимологических исследований в морфологии вызвана отнюдь не сомнениями в правильности высказанной еще В. В. Радловым мысли о развитии «формальной материи» (Formstoff) агглютинативных языков из содержательной (Inhaltsstoff)¹. Дело в том, что процесс лексической десемантизации слова при превращении его в морфологический элемент и развитие самого морфологического элемента связаны со значительной деформацией выразительной стороны, делающей почти невозможным установление ее первоначального облика, ср. узб. -jap — показатель формы настоящего конкретного времени < -a+jatip (keljapti 'он приходит' в данный момент' < kela jatipti); узб. (диал.) -vza — личный показатель формы 1-го лица множественного числа прошедшего времени < -muz+-lar² (olduvza 'мы взяли' < oldumuzlar). Из цепи формальных преобразований, обычно не носящих характера закономерного и последовательного фонетического изменения, выпадают целые звенья, о существовании которых можно лишь догадываться. В самом деле, разве есть определенные, строго сформулированные правила «узнавания» того, что -(e)t в киргизском и чувашском и -ča в шорском языках в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени (кирг. kelet, чуваш. kilet, шор. kelča 'идет сюда', 'приходит') являются «осколками» причастий turur и čadyr (čatyr). Только благодаря сохранению в других тюркских языках и диалектах промежуточных форм тюркологии не задумываются над происхождением аффиксов -(e)t и -ča, ср. чуваш. kilet, узб. keladi, уйр. kelidu, ст.-узб. keladur ~ keladurur, карач.-балк. kele turady; шор. kelča, казах. kelip žatȳr, kelatȳr (< kele žatȳr), уйр. диал. kiliwatadu (< kelip jata durur). При отсутствии же промежуточных форм редко удается проникнуть в истоки

¹ W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — «Записки Академии наук», VIII серия, VII. СПб., 1906, № 7, стр. 29 и сл. См. также: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 50—54.

² См.: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора, I. Морфология. Ташкент, 1968, стр. 10, 112.

развития той или иной грамматической формы даже специалистам, хорошо владеющим методикой сравнительного исследования и эрудированным в области исторической фонетики и морфологии. Примечательны в этом отношении попытки этимологизировать аффикс множественного числа *-lar*, предпринимавшиеся многими крупными тюркологами и алтаистами: О. Бётлингком, В. В. Радловым, В. Бангом, Г. Рамstedтом, Т. Ковальским, К. Грёнбеком, Ж. Дени, Н. Поппе, К. Менгесом, Д. Си-нором, А. Дж. Эмре и другими. Тот факт, что было предложено более десяти разных этимологий аффикса *-lar* и что ни одна из них не является убедительной или хотя бы обнадеживающей, свидетельствует о больших объективных трудностях этимологического исследования аффиксальных морфем.

Господствующая тенденция формального преобразования морфологических элементов заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука. Ограниченность фонемного состава аффиксальных морфем, с одной стороны, и их весьма значительное количество — с другой, делают естественным и неизбежным широкое распространение аффиксальной омонимии, внутриязыковой и межъязыковой. Так, в карачаево-балкарском, кумыкском языках и в диалектах узбекского языка полностью совпадают аффиксы винительного и родительного падежей: карач.-балк., кум. *kolpi* 'руку' и 'руки', узб. (диал.) *otni* 'лошадь' и 'лошади'; в чувашском языке — аффиксы винительного и дательного: *xulana* 'город' и 'к городу', а также варианты аффиксов исходного падежа и так называемой предельно-достигательной формы, не относимой к числу падежных³. Аффикс родительного падежа в азербайджанском языке (*-un*) омонимичен аффиксу творительного (орудного) падежа в древнетюркском языке, варианты аффикса местного падежа в салырсском диалекте туркменского языка (*-za*, *-pa*) внешне не отличаются от аффикса направительного падежа в хакасском языке (*-za*) и аффикса винительного и дательного падежей в чувашском (*-pa*). Аффикс родительного падежа в киргизском языке (*-un ~ -dyn*) совпадает с аффиксом исходного падежа в староузбекском языке и в диалектах других тюркских языков, а один из вариантов аффикса исходного падежа в узбекском языке (*-pan*) — с одним из вариантов аффикса творительного (орудного) падежа в якутском. Имеются и другие аналогичные примеры. Значительно больше примеров неполного совпадения аффиксальных морфем и еще больше — примеров отдаленного сходства двух, трех и даже четырех аффиксов.

Случайное совпадение или сходство нескольких морфологических элементов, явившееся результатом их длительного преобразования, иногда воспринимается как изначальное, исконное и становится исходной точкой для этимологических разысканий. Прямое сопоставление лежит в основе многих этимологий В. Банга, большинство из которых не выдержало проверки временем. В гипертрофированной форме стремление сопоставлять морфологические элементы и этимологизировать их, исходя из очевидного или кажущегося внешнего сходства, нашло выражение в разработке универсальных⁴ схем развития морфемного состава. Пример — реконструкция Ф. А. Абдуллаевым единой праформы — самостоятельного слова для падежных аффиксов⁵ и для аффиксов принадлежности единственного числа (**çun ~ *çin* 'тело', 'основа'), ср.:

³ См.: А. И. Иванов. Склонение и его роль в чувашском языке. — «Ученые записки [Чувашского] НИИ», XXXIV. Чебоксары, 1967, стр. 74, 75.

⁴ Универсальных главным образом в пределах парадигматических рядов.

⁵ Ф. Абдуллаев. Келишик аффиксларининг генезисига доир (учинчи мақола). — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1962, № 4, стр. 57, 58.

- 1) at-čyŋ > at-syŋ > at-yŋ > at-ym 'моя лошадь';
- 2) at-čyŋ > at-syŋ > at-yŋ 'твоя лошадь';
- 3) at-čyŋ > at-syŋ > at-yŋ > at-y 'его лошадь'⁶.

После приведенных пояснений ответ на вопрос о возможности и степени целесообразности этимологического исследования аффиксальных морфем не представляет больших трудностей. Этимологические разыскания в области морфологии малоэффективны из-за того, что достоверность морфемных этимологий обычно не доказуема. Вследствие этого целесообразность сплошного, фронтального этимологического исследования аффиксов, наподобие исследования лексического состава, сомнительна. Вместе с тем не требует доказательств то, что морфологические элементы находятся на разных уровнях формального преобразования, что в диалектах и в родственных языках сохраняются промежуточные формы и что поэтому нельзя исключать достижения положительных результатов в отдельных конкретных случаях.

1. Переходя к вопросу о методах, следует прямо сказать, что универсальных приемов этимологического исследования аффиксальных морфем никогда не было, нет и не может быть, поскольку понятие фонетического закона, или вообще каких-либо закономерностей, к диахронической морфологии, как правило, не приложимо. Однако существуют частные методические приемы, используемые в большинстве своем стихийно для освещения истории преимущественно тех форм, происхождение которых кажется более или менее ясным. Конечно, невозможно в рамках одной журнальной статьи привести полный перечень таких приемов: они многочисленны и применяются в разных комбинациях. Поэтому ограничимся описанием некоторых из них и выскажем общие соображения о методике морфологического этимологизирования.

Совершенно очевидно, что для раскрытия истории аффиксальных морфем важное значение имеет учет их структурных особенностей, состава вариантов и выражаемых ими значений, а также выяснение типических линий развития в пределах каждого парадигматического ряда. Являются ли аффиксы односложными или двусложными, как соотносятся разновидности морфем с одинаковыми или близкими значениями в чисто формальном плане, что характерно для их содержания и каковы модели конструкций, лежащих в основе форм разных парадигматических рядов, — вот основные вопросы, которые, на наш взгляд, должны больше всего интересовать этимолога и от ответов на которые зависит результативность поисков.

Двусложные морфемы легче поддаются этимологическому анализу, чем односложные, и в большей степени, чем односложные, близки к самостоятельным словам, разумеется, если не являются сочетаниями односложных морфем. Достаточно взять аффиксы направительного падежа -tywa ~ -tuwa ~ -dywa ~ -duwa, -kydy ~ -kudu ~ -yudy ~ -yudu в тувинском языке, аффикс направительного падежа в чувашском языке, аффикс сравнительного падежа -tāyar ~ -dāyar ~ -lāyar ~ -pāyar в якутском языке и аффикс исходно-начинательного падежа -taŋar ~ -daŋar ~ -paŋar, встречающийся в качинском диалекте хакасского языка. Примеры: тув. daydywa 'к горе', ottuwa 'к огню'; тув. (тодж.) dayyudy 'к горе'; чуваш. vārmanalla 'к лесу', otaralla 'к пасеке', kilelle 'к дому'; якут. xatyŋ iittēger bögö 'береза прочнее лиственницы' (~ 'береза прочнее,

⁶ Ф. Абдуллаев. Келишик аффиксларининг генезисига доир. — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 5, стр. 31.

по сравнению с листовницей'); хак. (качинск.) *kizidenēr* 'от человека', *postanār* 'дальше от себя'. Прежде всего отметим, что согласно данным сравнительной грамматики тюркских языков приведенные формы не являются общетюркскими и, следовательно, есть основания считать их вторичными, позднейшими. Далее, уместно упомянуть, что так называемые вторичные падежные формы часто образуются из послелогов или из сочетания первичных падежных форм с послелогом. Таким образом, нет оснований для принципиальных возражений против возведения *-tuwa* ~ *-tuwa* к послелогу *taba* ~ *-tu*ba 'по направлению к'⁷, аффикса *-kydu* ~ *-kudu* — к слову *kudu* 'вниз'⁸ или *kyduy* 'край', аффикса *-alla* ~ *-elle* — к слову *alā* 'рука' в форме дательного падежа⁹, аффикса *-tāyar* ~ *-dāyar* ~ *-lāyar* ~ *-nāyar* — к сочетанию показателя исходного падежа с каким-то послелогом (*āyar*?)¹⁰ и аффикса *-tañār* ~ *-dañār* ~ *-pañār* — к сочетанию показателя исходного падежа с послелогом *andār* (> *ār*) 'туда, в сторону'¹¹.

Особенно важен в этимологических исследованиях учет вариантов аффиксальных морфем и их соотношения: варианты нередко отражают различные этапы диахронического процесса. Так, в хакасском языке и его диалектах выступают следующие разновидности аффикса направительного падежа — *-sa*, *-za*, *-sā*, *-zā*, *-sar*, *-zar*, ср. хак. (кызыльск.) *harsa* 'в мешок', *etse* 'к мясу'; хак. (качинск.) *turazā* (r) 'к дому', *aḡassā* (r) 'к дереву'; хак. (сагайск.) *turazarū*, *aḡassarū*¹². Кроме того, в родственных языках встречается послелог *sary* с аналогичным значением: «в сторону, в направлении», ср. ст.-узб. *baḡ sary* 'к саду', *dašt sary* 'в степь', *Kaḡyl sary* 'в сторону Кабула'¹³; шор. *taḡyā sāra* 'по направлению к тагйге'. Ср. также в самом хакасском языке: хак. (качинск.) *tiḡi sarinda* 'на той стороне', *sol sarī* 'левая сторона'¹⁴. Сопоставление вариантов не оставляет сомнений в том, что аффикс *-sa* ~ *-za* развился из послелога *sary*.

Что же касается содержания, то оно может быть использовано для этимологизирования в тех случаях, когда у аффиксальных морфем явно преобладает семантическая функция или, иначе говоря, когда выражаемые ими значения весьма конкретны. Здесь можно сослаться на этимологию аффикса-послелога *-ča*, в многообразии семантических оттенков которого хорошо прослеживается объединяющее значение предельности («до [чего-либо]», «размером со [что-либо]»), ср. ст.-узб. *miñčā* 'около тысячи', *biłäkčā* 'с кисть руки', *señčā* 'как ты'; карач.-балк. *altıča* 'шестерка', *onča* 'десятка'; тув. *хетче* 'к реке'; узб. *toḡyāča* (*toḡyā-ča*)

⁷ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 140.

⁸ См.: З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970, стр. 16.

⁹ См.: Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Пер. с нем. М., 1957, стр. 56. И. Бенцинг видит в *-alla* сочетание аффиксов дательного и «наречного» падежей (*-a* + *-lla* < *-la*). См.: J. Benzing. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 96, 3. Leipzig, 1942, стр. 454.

¹⁰ Подробно о различных этимологиях аффикса *-tāyar* ~ *-dāyar* ~ *-lāyar* ~ *-nāyar* будет сказано вготавливаемой нами к печати работе «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя».

¹¹ См.: Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV. Баку, 1966, стр. 155. Ср.: Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, стр. 119.

¹² См.: Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Автореф. канд. дисс. Абакан, 1949, стр. 9; Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, стр. 157, 163.

¹³ См.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 193.

¹⁴ См.: Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, стр. 153.

‘до горы’, *ortača* ‘средний’; хак. *şolza* ‘по дороге’, *adaşza* ‘[величиной] с собаку’. Именно семантическая «выпуклость» аффикса *-şa* навела О. Бётлингк на мысль о связи его с послелогом *şakly* (*şak* ‘мера’, ‘время’ + *-ly*)¹⁵. Безусловно, определенную роль в этом сыграл также факт параллельного употребления в некоторых тюркских языках послеложного сочетания, ср. ст.-тур. *miñşä şaklyu*, ст.-узб. *miñ şayluu* ‘около тысячи’; карач.-балк. *aş şakly* ‘с месяц’, *şyl şakly* ‘с год’; ст.-узб. *orta şayluu* ‘средний’.

Если исходить из семантики, то это позволяет выделить как наиболее правдоподобное из существующих этимологических объяснений аффикса *-rak*¹⁶, основывающееся на сопоставлении последнего со словом-частицей или послелогом *arāk ~ arak ~ aryk*¹⁷ (реконструируемое лексическое значение — «чуть-чуть», «немного», «едва, почти»), ср. алт. *aγaryk* ‘беловатый’, *kögörük* ‘голубоватый’, *sargaryk* ‘желтоватый’, *kyzaryk* ‘красноватый’; тув. *ak ārak*, *kök ārak*, *saryu ārak*, *kyzyl ārak*; хак. *xuzyl arax*; шор. *ak-ārak ~ ak-aryk ~ ak-arak ~ aγaryk*, *kök ārak*.

Определение моделей конструкций, лежащих в основе форм того или иного парадигматического ряда, — широко распространенный способ этимологизирования аффиксальных морфем глагола. И это понятно, ибо многие временные, квазивидовые и другие глагольные формы восходят к перифрастическим образованиям, в которых первым компонентом выступают деепричастия на *-а* и *-(у)р*, а вторым — глаголы с частично или полностью утраченным лексическим значением (прежде всего *tur-*, *otur-*, *jür-*, *jat-*), сочетания с которыми оказались наиболее подверженными грамматикализации. Структура и состав перифрастических глагольных образований в тюркских языках хорошо известны, и это облегчает определение первоначального облика таких форм, как узб. и узб. (диал.) *kel(a)japti*, *kelwotti*, *kelutti* (<*kela jotip turur* или *kelip jotip turur*), кирг. *kelet* (<*kele turur*), уйг. *keliwatidu* (<*kelip jatip durur*), шор. *kelča* (<*kelip čadyr*) ‘идет сюда’, ‘приходит’. Довольно прозрачной на этом фоне представляется этимология туркменской диалектной формы настоящего конкретного времени типа *geljetir* (<*gele jatyr*) и турецкой типа *gelijor* (<*gele jürür*)¹⁸. Ср. также: чуваш. *anapär ~ anappär* (<*apa tur-pär*) ‘мы спускаемся’¹⁹.

Наличие тенденций к обособлению некоторых перифрастических образований и развитию на их основе составной формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа вполне может пролить свет на историю формы типа *kelgil* ‘приди’ и заставить нас по-новому отнестись к неоднократно предпринимавшейся попытке сблизить аффикс *-yul ~ -gil* с глаголом *kyl-* ‘делать’²⁰, ср. узб. (диал.) *ovor* (<*olip jubor*) ‘передай’, *etvor*

¹⁵ О. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, стр. 173. Ср.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 53.

¹⁶ Подробное изложение этимологий аффикса *-rak* см. в работе: J. Eckmann. Türkçede *-raq, -rek* ekine dair. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten». Ankara, 1953, стр. 51, 52.

¹⁷ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка, стр. 186.

¹⁸ См.: K. Foy. Azerbajgânische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen. — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen», VI, Abth. II. Leipzig, 1903, стр. 159—160. Обзор литературы см. в работе: А. П. Поцелуевский. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948, стр. 5 и сл.

¹⁹ См.: Г. Е. Корнилов. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР. — В сб.: «Материалы по чувашской диалектологии», II. Чебоксары, 1963, стр. 142.

²⁰ См.: A. Caferoğlu. Türkçemizdeki *-gil ve -yul* emir eki. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten 1971», № 338. Ankara, 1971, стр. 9.

'скажи', ketvor 'уйди'²¹; туркм. (диал.) bereyoy 'дай', gäleyoy 'иди сю-да'²²; кум. ajtyr jiber-či 'ну-ка, скажи', tıgıy jiber-či 'ну-ка, стой'²³. Правда, на пути указанного сближения имеется много препятствий, самое серьезное из которых — отсутствие фактов служебного использования глагола *kyl-* в перифрастических образованиях, включающих деепричастия.

Нельзя забывать, что возникновение аффиксов не всегда происходило по формуле «самостоятельное слово > служебное слово > морфологический элемент». Нередко аффиксальные морфемы оказываются сложными, состоящими из двух или трех простых морфем. Разложение сложных морфем на простые вполне правомерно, но допустимо лишь при условии соблюдения всей строгости доказательств. Наблюдаемая в последнее время недооценка важности этого таит в себе опасность превращения этимологических поисков в занятие, научная ценность которого весьма сомнительна. В настоящее время ничто, кроме внешнего сходства, не дает повода рассматривать, например, аффикс множественного числа *-lag* как сочетание аналогичных по значению аффиксов *-la* и *-g* или *-l* и *-g*, аффикс дательного падежа *-ka* — как сочетание аффиксов *-k* и *-a*, аффикс исходного падежа *-dan* — как сочетание аффиксов *-da* и *-n* и т. п. Между тем разложение указанных аффиксов на составляющие их компоненты стало нередким в тюркологии и совершенно обычным в алтаистике приемом, «успешно» используемым в целях сближения разных по происхождению форм.

2. Несколько слов о задачах этимологического исследования аффиксальных морфем. Мы придерживаемся той точки зрения, что этимологизирование аффиксов не является самоцелью и что оно может быть оправдано лишь постольку, поскольку будет подчинено задачам сравнительно-исторического изучения родственных языков. К этимологическим разысканиям приходится обращаться как к вспомогательному приему получения информации о древнем состоянии форм, когда применение сравнительного метода оказывается почему-либо малоэффективным. Хотя восстановление архетипов посредством этимологизирования значительно уменьшает степень достоверности полученных результатов, едва ли следует пренебрегать им.

3. Ниже нами предлагаются этимологии аффиксов исходного и назывательного падежей. При этом мы считаем необходимым специально подчеркнуть, что эти этимологии не следует рассматривать как окончательные. Наши заключения — скорее рабочие гипотезы, а сам ход этимологических поисков весьма наглядно иллюстрирует то, о чем говорилось выше.

3.1. Аффикс исходного падежа представлен более чем тридцатью вариантами²⁴, объединяемыми в следующие группы: I. *-dan ~ -don ~ -dan ~ -tan ~ -ton ~ -nan ~ -non ~ -lan ~ -lon ~ -zan ~ -zon ~ -san ~ -son*; II. *-daŋ ~ -doŋ ~ -taŋ ~ -toŋ ~ -naŋ ~ -noŋ*; III. *-dyn (-din) ~ -dun ~ -tyn (-tin) ~ -tun*; IV. *-tan ~ -ttan ~ -ton ~ -tton*; V. *-dan ~ -tan ~ -ran*; VI. *-taj ~ -daj ~ -naj*.

Варианты первой группы, все или некоторые, встречаются в кыпчакских и огузских языках, в тувинском и узбекском, варианты второй груп-

²¹ См.: А. Ф. Фудомов. *Ўзбек тилида сўз ясаи йўллари ҳақида*. — «Труды Института языка и литературы им. А. С. Пушкина», I. Ташкент, 1949, стр. 41, 42.

²² См.: Х. Мухиев. *Нохурский диалект туркменского языка*. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1959, стр. 12.

²³ См.: Н. К. Дмитриев. *Грамматика кумыкского языка*, стр. 53.

²⁴ Аффиксы даны в твердоядных вариантах, кроме тех случаев, когда разграничение их по признаку велярности — палатальности вообще не имеет места.

пы — в алтайском, хакасском и шорском, третьей — в древнеуйгурском, староузбекском и современном уйгурском языках, в говорах кумыкского и других тюркских языков, варианты четвертой группы — в якутском, пятой — в чувашском, шестой — в говорах узбекского языка.

Разнообразие согласных в начале аффикса исходного падежа вызвано в основном ассимилятивными процессами и не требует объяснения²⁵. Не совсем ясна причина изменения конечного *n* в *ŋ* в алтайском, хакасском и шорском языках. По мнению В. А. Богородицкого, это изменение происходило под влиянием родительного падежа, «с которым исходный имеет некоторые точки семасиологического соприкосновения»²⁶. Наличие вариантов с широким и узким нелабиализованными гласными — *-dap ~ -tan* и *-dyn ~ -tyn* — является отражением древних расхождений в огласовке данного аффикса²⁷. Варианты с дополнительным *t* после основ на гласный в якутском языке, как считал В. В. Радлов, первоначально появились в пределах падежной парадигмы местоимений вследствие ассимиляции конечного *n* местоименных основ начальным *t* аффикса исходного падежа²⁸. С. В. Ястремский, сравнивая якутские формы с древнеуйгурскими типа *menŋdin* 'от меня', пришел к заключению, что первые образовались от формы родительного падежа (*-n > -t + -tan*)²⁹. Наиболее вероятно принадлежность формы на *-tan* к притяжательному склонению: «дополнительный» или «вставочный» *n* ассимилировался и вошел в состав падежного аффикса, затем форма притяжательного склонения получила статус простой (непритяжательной) формы³⁰.

Отсутствие автономной формы исходного падежа в памятниках рукописной письменности многие тюркологи восприняли как свидетельство ее позднего образования: из аффикса местного падежа *-da* и аффикса «модальности» *-n*³¹ (у Д. Синора и К. Г. Менгеса — древний урало-алтайский аффикс местного падежа или латива³²), из сочетания аффиксов местного и творительного (орудного) падежей³³, из сочетания аффикса местного падежа со словом *jaŋ* 'сторона'³⁴ или же из послелога *adyŋ* 'другой', 'кроме'³⁵. Иную позицию занял В. В. Радлов, не считавший от-

²⁵ Необычные изменения, ср. *d > n* в положении после гласного в башкирском языке, по-видимому, обусловлены сложными морфологическими ассоциациями. См.: Б. А. Серебренников. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 138.

²⁶ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд. Казань, 1953, стр. 159.

²⁷ По В. А. Богородицкому, и аффикс *-dyn ~ -tyn* — новообразование под влиянием родительного падежа (там же, стр. 159).

²⁸ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — «Записки АН», VIII серия, VIII. СПб., 1908, № 7, стр. 31.

²⁹ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 52.

³⁰ См.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 110.

³¹ См.: J. Benzing. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 96, 3. Leipzig, 1942, стр. 463. Ср.: W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, стр. 57; Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, II. Морфология. Казань, 1898, стр. 124.

³² D. Sinor. Un suffixe de lieu ouralo-altaïque. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XII, 1—3. Budapest, 1961, стр. 177; K. H. Menges. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — «Ural-Altaische Bibliothek», XV. Wiesbaden, 1968, стр. 110.

³³ См.: N. Poppe. Türkisch-tschuwaschische vergleichende Studien. — «Islamica», I, 4. Leipzig, 1925, стр. 421.

³⁴ См.: G. J. Ramstedt. Über die Struktur der altaischen Sprachen. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», LV2. Helsinki, 1951, стр. 96; К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 15.

³⁵ См.: W. Bang. Vorläufiges über der Herkunft des türkischen Ablativus. — «Ungarische Jahrbücher», V, 4. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 392—410.

древнетюркском языке. Во всех современных тюркских языках аффикс *-yağı ~ -kağı...* встречается в составе наречий. В отличие от него аффикс *-yağ ~ -kağ*, присоединяемый обычно к местоимениям, часто присутствует не только в наречиях, но и в падежной парадигме, ср. кар. *апаг* 'ему'; кум. *буаг* 'этому'; ног. (караног.) *тааг* 'мне', *сааг* 'тебе', *оуаг* 'ему'; тат. *моаг* 'этому', *ааг* 'ему' и т. д. В якутском языке форма на *-yağ* входит в парадигму притяжательного склонения имени: *аҕабытууаг* 'нашему отцу', *аҕауутууаг* 'вашему отцу', *аҕалагууаг* 'их отцу'.

В. В. Радлов рассматривал аффикс *-yağı ~ -kağı...* как сочетание двух компонентов, аффикса дательного падежа *-ya ~ -ka* и наречного аффикса *-ğı*, и считал, что в таком виде он вначале использовался для образования наречий, а затем, будучи выделенным как нечто единое, приобрел функции показателя направительного падежа³⁸. По мнению Э. В. Севортяна, аффикс *-yağı ~ -kağı...* образовался путем простого сочетания аффикса дательного падежа *-ya ~ -ka* с другим падежным аффиксом *-га ~ -гу*³⁹. По С. Дурану и Р. Р. Арату, аффикс *-yağı ~ -kağı...* — результат переразложения глагольных образований, точнее, деепричастий (ср. *taş-uk-ar-u > taşkağı*, *iç-ik-er-ü > içkerü*)⁴⁰, по Н. Х. Ишбулатову, — показатель древних причастных форм⁴¹, по Н. Каримову, — деепричастие от глагола *кага* 'смотреть'⁴². А. Боржаков, соглашаясь с тем, что первым компонентом рассматриваемого аффикса является показатель дательного падежа *-ya ~ -ka*, второй из них (*-ğı*) сближает со словом *ага*⁴³. Н. П. Дыренкова и А. З. Абдуллаев возводят *-yağı ~ -kağı...* к аналогичному по своему фонетическому облику самостоятельному слову *каг* (у) 'рука'⁴⁴.

Интерпретация аффикса *-yağı ~ -kağı...* как двусоставного не убедительна из-за отсутствия доказательств существования в тюркских языках наречного или падежного аффикса *-га ~ -гу*. Трудно также согласиться с тем, что данный аффикс появился вследствие переразложения или преобразования деепричастий. Более приемлема гипотеза Н. П. Дыренковой и А. З. Абдуллаева о развитии аффикса *-yağı ~ -kağı...* из самостоятельного слова. В пользу нее свидетельствует относительно широкая распространенность семантических переходов типа «рука > сторона» (ст.-азерб. *anıң saı kolına vardım* 'я пошел на его правую сторону'; азерб. диал. *äl* 'сторона'⁴⁵, ср. аффикс направительного падежа *-alla* в

³⁸ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 31, 32, 65.

³⁹ Э. В. Севортян. Категория падежа. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 60. См. также: О. В. Захарова. Дательно-направительный падеж в языке «Кутадгу билиг». — «Ученые записки филологического факультета Киргизского государственного университета», 3. Фрунзе, 1957, стр. 73; Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения). — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 68; K. H. Menges. The Turkic Languages and Peoples, стр. 11.

⁴⁰ S. Duran. Türkçede çihet ve mekân gösteren ek ve sözler. — «Türk dili araştırma-ları yillığı. Belleten». Ankara, 1956, стр. 4, 5; R. R. Arat. Türkçede çihet meihumu ve bunin ilgilii tabirler. — «Türkiyat mecmuası», XIV (ayrı basım). İstanbul, 1965, стр. 1.

⁴¹ Н. Х. Ишбулатов. Морфологические особенности казмашевского говора. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 131.

⁴² К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», стр. 8.

⁴³ А. Боржаков. Туркмен дилинде ат чалышмасы. — «Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук». Ашхабад, 1962, № 3, стр. 66.

⁴⁴ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 12; Ә. З. Абдуллаев. Түрк дилләриндә јөнлүк һал шәкилчисинин мәнәји һағғында. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Серия языка и литературы», Баку, 1969, № 3-4, стр. 116.

⁴⁵ См.: А. Ш. Садыгов. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 129.

чувашиком языке), а также то, что все известные аффиксы направительного падежа в тюркских языках образовались довольно поздно из самостоятельных слов.

Аффикс $-\gamma a\gamma \sim -ka\gamma$ — дальнейшее развитие аффикса $-\gamma a\gamma \sim -ka\gamma$.⁴⁶ В Банг, будучи уверенным в существовании автономной формы направительного падежа с аффиксом $-r$, сохранившейся у причастий типа $tabar$, $al\gamma$, $bil\gamma$ и $tar\gamma$, $al\gamma$, разлагал $-\gamma a\gamma$ на $-\gamma a$ и $-r$.⁴⁷

Большой интерес представляет вопрос об отношении к аффиксу $-\gamma a\gamma \sim -ka\gamma$ аффикса дательного падежа $-\gamma a \sim -ka$. По существу он был поставлен еще в конце прошлого столетия, и ответом на него явились попытки разложить аффикс направительного падежа на два односложных аффикса. Безусловно, есть основания связывать аффикс $-\gamma a \sim -ka$ с аффиксом направительного падежа: обращает на себя внимание не только внешнее сходство с последним, но и близость семантических функций, чем, кстати сказать, и было обусловлено постепенное вытеснение им аффикса $-\gamma a\gamma \sim -ka\gamma$ из числа продуктивных морфологических показателей. Однако аффикс $-\gamma a \sim -ka$ должен рассматриваться не как компонент аффикса $-\gamma a\gamma \sim -ka\gamma$, а как его разновидность, хронологически более поздняя, чем все другие разновидности, кроме $-a$ ($-\gamma a\gamma > -\gamma a\gamma > -\gamma a > -a$).⁴⁸ Характерно, что аналогичным изменениям подверглась форма направительного падежа в хакасском языке и его диалектах ($-sar\gamma > -sar > -s\bar{a} \sim -sa$).⁴⁹

В заключение вернемся к вопросу о степени целесообразности этимологического исследования аффиксальных морфем. Очевидно, уровень грамматикализации ряда морфологических элементов в тюркских языках таков, что материалы последних могут сыграть важную роль в изучении процесса образования грамматической формы вообще.

⁴⁶ См.: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 79.

⁴⁷ W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen. I. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, стр. 48 и сл.

⁴⁸ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 85. См. также: Ә. З. Абдуллаев. Түрк диалекттеринде жөнлүк жал шакылчисиини мәншәји һаггында, стр. 116.

⁴⁹ См.: Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, стр. 153, 157.

Н. Н. Джанашиа

ЗАЛОГИ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

(ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

Глаголы в азербайджанском языке по своему морфологическому строению делятся на две большие группы — первообразные (jaz-) и второобразные (jaz-dug-, jaz-yl-, jaz-yš-).

Цель настоящей статьи — попытаться раскрыть грамматическую сущность первообразных и соотносительных с ними второобразных глаголов и на основе этого рассмотреть вопрос о залогах в азербайджанском языке.

В азербайджанском языкознании образование глаголов от глаголов принято считать залогообразованием¹.

Из лингвистической литературы известно, что залог — это отношение действующего лица к действию².

Большинство исследователей азербайджанского языка определяют залог как отношение:

1) между субъектом и объектом с точки зрения совершения действия³;

2) действия к субъекту и объекту⁴;

3) между субъектом и объектом действия⁵.

Хотя в этих определениях усматривают три разных подхода к вопросу о залогах⁶, следует тем не менее отметить, что в главном авторы придерживаются единой точки зрения, а именно: отношения между субъектом и объектом осуществляются только через действие.

Приведенные выше определения залога и выделение на этой основе большого числа (5—7) залогов позволяют предположить, что каждому залогу должно соответствовать определенное отношение между субъектом, объектом и действием.

Однако нетрудно убедиться в несостоятельности подобного определения сущности залога, так же как и неоправданности выделения большого числа залогов.

¹ См.: А. А. Азер. Категория залога в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1955; «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», I. Морфолокија. Баку, 1966, стр. 130—148; Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 478—528; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 106—110.

² См.: Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 91; Ф. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 454.

³ «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», I, стр. 130.

⁴ А. А. Азер. Указ. раб.

⁵ «Грамматика азербайджанского языка», стр. 106.

⁶ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 454.

Сама природа первообразных глаголов и образованных от них второбразных форм, а также семантические изменения, связанные с последним процессом, не допускают существования пяти-семи различных видов отношений между действием, с одной стороны, и субъектом и объектом — с другой.

В азербайджанском языкознании существует также определение залога как отношения действия к грамматическому субъекту⁷.

Исключение объекта из определения сущности залога является совершенно закономерным, ибо объект, каким бы он ни был, не является постоянным признаком глагола и поэтому не может служить классификационной единицей. Однако, к сожалению, новое определение залога не выходит за рамки дефиниции, так как автор его также выделяет большое число залогов — четыре — и, следовательно, тем самым признает существование четырех видов отношений между действием и грамматическим субъектом. Однако автор нигде не указывает, каково же отношение между субъектом и действием в каждом отдельно взятом залоге. Исключая же из числа залогов так называемый основной залог, Э. В. Севортян невольно признает отсутствие в этих глаголах каких-либо отношений между грамматическим субъектом и действием.

Однако вряд ли кто-нибудь всерьез станет утверждать, что форма *jaz-dug-tag* характеризуется определенным отношением субъекта и действия, а форма *jaz-tag* лишена этой особенности, или же что форма *öl-dür-mäk'* относится к повелительному залогу потому, что для нее характерно определенное отношение между грамматическим субъектом и действием, а у *öl-mäk'* этого нет, и поэтому она не имеет залогового значения.

Авторы, определяющие залог как отношение между действием и субъектом и объектом, не принимают во внимание того решающего обстоятельства, что так же, как сами объекты бывают разными, так и отношения между ними и действием тоже носят совершенно различный характер, а главное — ни одна из этих особенностей не является постоянным признаком глагола вообще. У переходных глаголов могут быть одновременно или два объекта действия — прямой и косвенный, или же только один — прямой. У непереходных же глаголов прямого объекта нет вообще и наличествует один лишь косвенный объект.

При определении залога как отношения действия к субъекту и объекту имеется в виду, вероятно, объект того или иного глагола. Однако, выделяя определенную категорию и характеризуя ее природу, нельзя опираться на разнохарактерные факторы, не всегда свойственные глаголам вообще.

Классификация только тогда может быть объективной, строго последовательной и всеохватывающей, когда она строится, по возможности, на едином принципе, в данном случае на одном признаке, общем для всех проявлений глагола.

Таким общим признаком является отношение между действием и субъектом действия.

Азербайджанский глагол способен выразить три различных отношения между действием и грамматическим субъектом, представленным в глаголе соответствующим личным показателем. Эти отношения суть следующие:

1) действие субъекта переходит на прямой объект, представленный в форме неопределенного или винительного падежа;

⁷ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 454.

- 2) субъект испытывает действие, исходящее:
 - а) от самого субъекта,
 - б) от так называемого логического субъекта;
- 3) действие исходит от грамматического субъекта и происходит с самим же грамматическим субъектом.

Соответственно глаголы, выражающие первый тип отношения, являются глаголами действительного залога; глаголы, выражающие второй тип отношений, относятся к страдательному залогу; глаголы, выражающие третий тип отношений, — к среднему залогу⁸.

О том или ином залоге можно говорить лишь при наличии соотносительных форм с противоположным залоговым понятием: однако не все глаголы могут иметь все три залоговые формы⁹.

Хотя Э. В. Севортян и дает правильное определение залога, однако оно, как уже отмечалось выше, остается в рамках дефиниции. Распределенным им по четырем залогам глаголам соответствуют не четыре типа отношений между субъектом и действием, как это логически следует из предложенного количества залогов, а лишь три, и именно те, о которых мы уже говорили выше. Только эти типы отношений и способны выражать глаголы в тюркских языках вообще и в азербайджанском языке в частности.

Глаголами действительного залога следует считать все переходные глаголы, имеющие оппозиционные формы, выражающие соотносительные значения страдательного или среднего залогов.

К страдательному залогу относятся глаголы, образованные от глаголов действительного залога. Морфема страдательного залога выступает в виде фонологически обусловленных алломорф: -il, -yl, -ul, -ül; -in, -up, -up, -üp, -n (ver-il, az-yl, gög-ül, vur-ul, al-up, aqala-n и т. д.).

Глаголами среднего залога являются все первообразные непереходные глаголы, соотносимые с глаголами действительного и страдательного залогов: öl- (öldür-, öldür-ül-), g'äl- (g'ätir-, g'ätir-il-) и т. д.

Таким образом, не всякое глаголообразование является залогообразованием.

Аффиксы порядка {-duy} не приносят по сравнению с глаголами действительного залога ничего нового в отношения между субъектом и действием, а возникающие благодаря им характерные особенности можно квалифицировать как категорию каузатива, что отметил в свое время проф. А. Шанидзе¹⁰.

При глаголах с показателем {-iş} исходными формами служат как переходные, так и непереходные глаголы. При непереходных глаголах с наращиванием этого аффикса отношение между грамматическим субъектом и действием не меняется; действие приобретает характер совместного действия двух или более грамматических субъектов. При переход-

⁸ Н. Джанашиа. О некоторых категориях тюркского глагола. — «Тбилисский государственный университет. 6-я научная конференция аспирантов. 10—12 июня, 1952. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1952, стр. 64—65 (на груз. яз.); *его же*. О выражении потенциала в азербайджанском и турецком языках. — «Научная сессия филологического факультета Тбилисского государственного университета. 19—22 декабря 1955. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1955, стр. 22—23; *его же*. О выражении потенциала в азербайджанском и турецком языках. — «Труды Тбилисского государственного университета», т. 73, 1959, стр. 97—104; *его же*. Некоторые вопросы морфологии турецкого глагола. — Там же, т. 116, 1965, стр. 249—262.

⁹ Залоговые понятия могут выражаться также и супплетивно: gal-mag (средний залог) — buğax-mag (действительный залог).

¹⁰ А. Г. Шанидзе. Глагольная категория акта и контакта на примерах грузинского языка. — «Известия АН СССР», т. V, 1946, вып. 2, стр. 265—272; Б. А. Серебрянников. О залог в финно-угорских и тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 61—72.

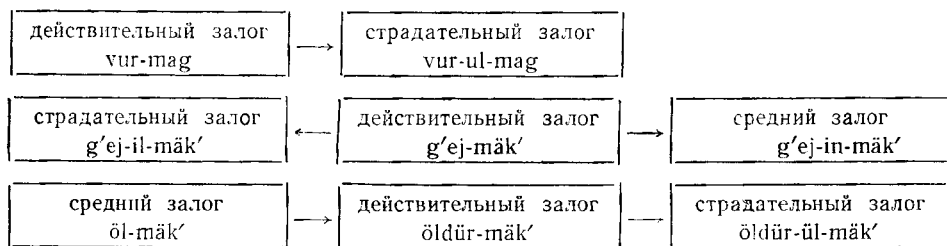
ных же глаголах с присоединением {-iš} глагол становится непереходным, меняется отношение между грамматическим субъектом и действием. Однако это отношение является таким же, как и при: 1) первообразных непереходных глаголах; 2) второобразных глаголах с {-iš}, образованных от непереходных первообразных глаголов. Действие, выраженное такими глаголами, носит характер взаимного действия между двумя или более лицами: *vug-uš-*, *ör-üş-* и т. д.

Это обстоятельство дает основание рассматривать подобные глаголы не как формы залога, а как формы особой категории глагола — категории взаимно-совместного действия, имеющей свой морфологический показатель и соответствующую функцию.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

В азербайджанском языке имеются три залога: 1) действительный, 2) страдательный, 3) средний. Они отличаются друг от друга как в плане выражения, так и в плане содержания. Помимо залогов, выделяются также самостоятельные глагольные категории взаимно-совместности и каузатива¹¹.

Образование и отношения залогов в азербайджанском языке можно представить в виде следующей схемы:

¹¹ Отдельные второобразные глаголы типа *almag—alyšmag*, *düşmāk'—düşünmāk'*, следует рассматривать как самостоятельные лексические единицы, залог которых зависит от наличия соотносительных залоговых форм.

Г. ДЕРФЕР

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ХАЛАДЖСКИЙ ЯЗЫК ДИАЛЕКТОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА?

В настоящей статье нам хотелось бы высказать свое мнение по поводу двух публикаций азербайджанского тюрколога Ф. Р. Зейналова¹. Поскольку обе статьи имеют почти идентичное содержание, то в дальнейшем изложении мы будем ссылаться на одну из них, а именно—опубликованную на страницах журнала «Советская тюркология».

Полемизируя с нами, Ф. Р. Зейналов утверждает, что халаджский язык не олицетворяет собой отдельной группы тюркских языков, а является лишь диалектом азербайджанского языка.

Прежде всего следует отметить, что свои возражения Ф. Р. Зейналов основывает только на трех наших прежних публикациях². Другие наши значительно большие по объему работы³, по-видимому, ему не были знакомы, и поэтому фактический материал, на котором базируются выдвинутые им положения, явно ограничен. Однако, как нам кажется, наиболее уязвимая сторона суждений Ф. Р. Зейналова — их недостаточная доказательность.

В качестве иллюстраций к сказанному можно привести следующий пример. Нами было отмечено, что халаджский язык, в отличие от азербайджанского, сохранил древнетюркское *t-*, не изменив его на *d-*, например: халадж. *tīl* 'язык' (= азерб. *dil*). Ф. Р. Зейналов же утверждает, что подобное явление имеет место и в азербайджанских диалектах (стр. 78). Однако приводимые им в подтверждение этого примеры (*tiš* 'зуб', *tüšmāk* 'упасть', *tüšmān* 'враг', *tükan* 'лавка' и т. п.) характеризуются следующими двумя особенностями:

- 1) во всех случаях первый слог оканчивается на глухой согласный;
- 2) некоторые примеры представляя собой заимствования; *tüšmān* < перс. *dušman*, *tükan* < перс. *dukkān* (< араб. *dukkān*).

Отсюда можно сделать не вызывающий сомнения вывод о вторичности *t-* в указанных примерах. Иноязычные заимствования совершенно четко обнаруживают первичность *d-*. Что же касается исконно тюркских слов (например, *tiš*), то можно предположить такое их разви-

¹ Ф. Р. Зейналов. Түрк дилләринин тәснифи пә «халач дили групп» мәсәләси. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия языка и литературы», 1972, № 3, стр. 38—47; *его же*. Об одном «древнем тюркском языке» в Среднем Иране. — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 74—79.

² См.: «Türk dili araştırmaları» yillığı. Belleteri», 1969 и 1970; «Вопросы языкознания», 1972, № 1.

³ «Khalaj Materials». Bloomington, 1971, 338 стр.; «Der Imperativ in Chaladsch». — «Finnisch-ugrische Forschungen». Helsinki, 39 (1972), стр. 295—340.

тие: др.-тюрк. *tiš* > староазерб. *dîš* (как и в староосманском) > азерб. диал. *tiš*. Таким образом, в основе последнего изменения лежит обычная ассимиляция: звонкий *d*- оглушается перед глухим согласным⁴.

Совершенно по-иному обстоит дело в халаджском языке (а также в других тюркских языках, например казанско-татарском), где сохранено первичное древнетюркское *t*-. Это подтверждается следующим:

1) в халаджском *t*- не может рассматриваться только как результат ассимиляции, поскольку он выступает также и в открытом первом слоге, и в оканчивающемся на звонкий согласный: халадж. *tālāq* 'селенка', *tāu* 'гора', *tāu* 'узкий' и т. д.; ср. казан.-тат. *talaq*, *tau*, *tar*;

2) в заимствованных словах, напротив, переход *d*- > *t*- не наблюдается даже перед глухими согласными; халадж. *dušmān* 'враг', *duk-kān* 'лавка', *duost* 'друг' и т. д.; ср. казан.-тат. *doşman*, диал. *dökān*, *duş*⁵.

Итак, налицо недвусмысленное различие между первичным и вторичным явлениями. И тот факт, что в диалектах азербайджанского языка встречается *t*- (вместо *d*-), не может служить основанием для отнесения халаджского языка к числу азербайджанских диалектов. Не следует пренебрегать тем, что только научный анализ явления может раскрыть его сущность. Метод же отождествления явлений на основе их простого внешнего сходства нельзя признать научным.

По аналогии могут быть приведены доказательства и для чередования *h*-/*q*-. Совершенно необходимо четко различать: первичный халаджский *h*, сохранившийся полностью начиная с пратюркского периода, *h* азербайджанского литературного языка, также первичный, однако сохранившийся не полностью, и *h*, встречающийся в диалектах азербайджанского языка, — вторичный. Можно привести следующие доказательства первичного характера халаджского *h*-⁶:

1) в халаджском языке никогда не встречается протетический *h*- в иноязычных заимствованиях: ср. явно вторичный *h*- в азербайджанских диалектах: *haftomobil* < русск. *avtomobil*', *haftobuz* < русск. *avtobus*;

2) если в некоторых тюркских языках первичный *h*- обнаруживается sporadически, то в соответствующих словах халаджского языка он присутствует всегда, например: азерб. лит. *hürk*- 'бояться' = халадж. *hirk*-;

3) монгольскому *h*- в халаджском также всегда соответствует *h*-, например: монг. *hürgü*- = азерб. *hürk*-, уйг. *hürkü*-, узб. *hurk*-, халадж. *hirk*-;

4) в начале слова *h*- и *ø*- (начальный гласный звук) имеют почти одинаковое распределение, и, следовательно, нельзя утверждать, что *h*- встречается только sporadически;

5) в производных словах распределение *h*-/*ø*- остается постоянным;

6) *h*- фиксируется по всему ареалу халаджского языка, несмотря на то, что некоторые из 47 диалектов последнего значительно отличаются друг от друга;

7) *h*- и *ø*-, встречающиеся в одинаковых позициях, являются разными фонемами, а не аллофонами одной фонемы;

⁴ См.: также нашу статью: «Ein altosmanisches Lautgesetz in Kurdischen». — WZKM, 62 (1969), стр. 250—263.

⁵ См.: *I. KecsKeméti*. H. Paasonen's tatarisches Dialektwörterverzeichnis. — JSFOu, 66, 3, 1966, стр. 16.

⁶ См. нашу статью, находящуюся в печати: «Eine seltsame alttürkisch-chaladsch Parallele. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten», 1973.

8) древнетюркские слова в одном из тибетских документов обнаруживают *h*- именно там, где и соответствующие слова халаджского языка; например: др.-тюрк. *hadaq* 'нога' = халадж. *hada;q*;

9) возможно, существование *h*- для древнетюркского языка может быть обнаружено косвенным путем.

Ошибочно также утверждение Ф. Р. Зейналова о том, что сохранившийся в середине халаджских слов согласный *-d-* якобы относится к диалектным особенностям азербайджанского языка. В книге «*Khalaj Materials*» (стр. 162 и сл.) нами приведено 15 примеров с *-d-*, которому во всех азербайджанских диалектах соответствует *-j-*: *hadaq* 'нога' (= азерб. *ajag*), *qudruq* 'хвост' (= *gujruq*), *qāduṇ* 'деверь' (= *gajyn*), *buod* 'рост' (= *boj*), *hadru* 'разный' (= *ajru*) и т. д. Ф. Р. Зейналов же указывает лишь единственное азербайджанское слово *adag*

'первые шаги ребенка', сохранившее, по его мнению, древнетюркское *-d-*. Однако это слово к древнетюркскому *adaq* 'нога' не имеет никакого отношения (здесь Ф. Р. Зейналов снова обратил внимание только на внешнее сходство, не проведя более глубокого анализа). Азербайджанское *adag* (кстати, известное не только в диалектах, но и в литературном языке⁷) представляет собой скорее образование от тюркского корня *ât-* 'шагать'⁸. Как известно, в юго-западных тюркских языках древнетюркское *-t-* после долгих гласных (*â, ô* и т. д.) переходит в *d*: др.-тюрк. *âtyṃ* 'мое имя' > тур., азерб. *adyṃ*, туркм. *âdyṃ*; точно так же: др.-тюрк. *ât-ym* 'шаг' > тур. *adyṃ*, азерб. *adyṃ* (архаичное) ~ *addyṃ*, туркм. *âdyṃ* (архаичное) ~ *âdim*. Следовательно, можно предположить: др.-тюрк. **ât-aq* > азерб. *adag*. (Тот факт, что *-d-* встречается в тувинском языке, например, *adaq* 'нога', ни о чем не говорит, поскольку тувинский удален на многие тысячи километров от халаджского и, естественно, не является диалектом азербайджанского языка).

Нельзя также признать верным утверждение, что халаджская морфология почти не отличается от азербайджанской. Например, императив в халаджском языке, имеющий десять (!) различных спряжений, весьма своеобразен и не находит эквивалента ни в одном другом тюркском языке⁹. Специфичны и личные окончания халаджского императива. Причем, если почти во всех тюркских языках личные окончания императива обычно более или менее легко возводятся к соответствующим древнетюркским, то лишь чувашский и халаджский языки обнаруживают особые формы. Ср. др.-тюрк. *käl-zün* 'пусть он придет' = азерб. *gäl-sin*, но чуваш. *kil-tër*, халадж. *jä-käl-tä*.

Специальная статья, охватывающая всю морфологию халаджского языка, будет опубликована нами в «*Current Trends in Altaic Linguistics*». Ниже мы сравним лишь обычные падежные окончания (после корня с гласным в ауслауте: *bāba* 'отец'):

Им. *bāba*

Род. *bāba* (=Им., как и в древнетюркском языке орхонских надписей)

Дат. *bāba-qa* (как в др.-тюрк. орхон.)

Вин. *bāba-j* (в большинстве же азербайджанских диалектов — *-ni*)

Лок. *bāba-ča* (как в др.-тюрк. орхон. *prolativ-terminalis*: *bel-čä* 'до бедра' и т. д.)

⁷ Х. А. Азизбеков. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965, стр. 21.

⁸ См.: М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 31.

⁹ Ср. нашу цитированную выше статью «Der Imperativ in Chaladsch».

Абл. *bāba-da* (как в др.-тюрк. орхон.).

Если отмеченные выше особенности склонения считать присущими лишь азербайджанскому языку, то можно равным образом все тюркские языки отнести к «азербайджанским диалектам».

Неверным (и опять основанным лишь на поверхностном сходстве) является вывод Ф. Р. Зейналова о том, что якобы в азербайджанских диалектах, как и в халаджском и древнетюркском языках, имеется аорист на *-jür*, встречающийся после корня на гласный (ср. др.-тюрк., халадж. *bāšla-jür* 'он начинает', но среднетюрк. *bāšla-r*, как почти и во всех современных тюркских языках).

Анализ соответствующих форм староазербайджанского языка, различных азербайджанских диалектов, а также близкородственных юго-западных тюркских языков раскрывает совершенно иную картину¹⁰. Мы различаем три периода развития форм аориста:

1) в староосманский период (в XIII—XV веках азербайджанский и турецкий языки были еще очень близки друг к другу) аорист после согласного имел форму $=Vr$, то есть в качестве гласного в аористе выступал не только $A=a/\bar{a}$ (например, *at-ag* 'бросает'), но, как и в древнетюркском, также I и U (например, *jat-ur* 'лежит'). После гласного аорист принимал форму $-r$ (древнетюркская форма *-jür* в староосманскую эпоху уже исчезла), например, у Насими (XIV в.) *istä-r* (Гәһрәмәнов, стр. 67), *охи-г* (там же, стр. 103), у Хатаи (XV в.) *söylä-r* (Рәһимов, стр. 169). Лишь постепенно в этот период возникают особые формы настоящего времени: прежде всего полная форма с *jöyür*, *jögür* 'идет' (Fundamenta, стр. 175), например, *dögä jögür* 'бьет', и наряду с ней форма с $-V$ *durur*, например, *arta-a durur* 'увеличивается' [последняя форма представлена у Насими: *edädür* (Рәһимов, стр. 59)], встречается она и в современных азербайджанских диалектах (Ширәлијев, стр. 220 и сл., Рүстәмөв, стр. 227—230), а также в туркменском языке]. Формы с *jöyür* еще относительно редки; по-видимому, они носили главным образом народно-разговорный характер (типа немецкого «*Er ist beim Angeln*»). Можно привести еще один пример, свидетельствующий о том, что в указанный период аорист еще имел вариант $-Vr$ (а не во всех случаях форму $-Ar$, как в современном азербайджанском): у Насими *ab gibi rävan gälür, jaš gibi rävan gedär* (Гәһрәмәнов, стр. 31); ср. тур. *gelir, gider*, но азерб. лит. *gälär, gedär*;

2) на переходной ступени (отчасти, вероятно, в народно-разговорном языке, не всегда обнаруживаясь у писателей, которые пользовались в основном консервативными формами), проявляется тенденция обобщения формы $-Ar$ для аориста (кстати, эта форма при односложных корнях была и без того наиболее часто встречающимся вариантом). Сказанное выше относится ко всем трем огузским языкам. В современном турецком, например, $-Ir$ сохранилось лишь в некоторых случаях после $-l$, $-r$ (а также при многосложных корнях), встречается даже *jat-ur > jat-ar*. В туркменском $-Ar$ также закрепилось, например: *holar, saqlanar*; ср. тур. *olur, saklanır* (см.: Fundamenta, стр. 314). То же наблюдается и в азербайджанском, ср. современные формы *olar, saxlanar*. [Форма же $-jAr$ после гласного в рассматриваемый переходный период, по-видимому, еще не существовала; во всяком случае, она представляла собой не более

¹⁰ Ниже мы ссылаемся на следующие работы: М. Ширәлијев. Азәрбајҹан диалектолокијасынын әсаслары. Бақы, 1962, стр. 220—234, 245—250; Р. Рүстәмөв. Азәрбајҹан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Бақы, 1965, стр. 212—233, 244—252; М. Рәһимов. Азәрбајҹан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Бақы, 1965; Ч. Гәһрәмәнов. Насими диванынын лексикасы. Бақы, 1970; «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 175, 304 и сл., 314.

ульгарн
3; ср.
-jäg и т
тившихс
ится суфф
м языкам
наприме
sāp и т. д
разному. Т
пример: ge
шное мно
Aјor, -ije
damenta,
и в йомуд
damenta,
эрсаринс
байджан
щее врем
актерны т
имер: üš
в, стр. 22
ффикс -j
диалекте
O > -jU
> -jIr, да
мер: у Ам
стр. 62, 1
Общее р
выпрос
ькоизол
формы в
участия
ny jог и т.
нае непре
гласных
обычный г
первом с
гласных:
сокращен
скаженн
[jI > -lj, п
о alyr 'бе
ать свою
единооб
А лишь
ичное
ени; так
ке -jIr вл
следняя ф
йджанские

См.: Н. В.
1966.

русская тюр

ульгарную форму, причем появившуюся очень поздно; см. ниже
 3; ср. у Тебризи (XVII в.) *söjlä-g* (Рәхимов, стр. 123), но не
 [ä-jäg и т. д.]. Форма настоящего времени *-V jorug*, предварительно
 ратившись (*-V jor*), сливается с предыдущим словом, то есть *-jor* ста-
 нется суффиксом. Здесь следует иметь в виду, что современным тюрк-
 и языкам в принципе не свойственны суффиксы с гласным *O* (= *o/ö*)
 , например, изменение: др.-тюрк. *säkiz on* > Кашгари *säksöp* > азерб.
äp и т. д.). В этой необычной ситуации огузские языки ведут себя
 азмому. Турецкий язык сохраняет *-jor*, нарушая гармонию гласных,
 ример: *gel-ijor* и т. д. Однако турецкие диалекты обнаруживают
 шное многообразие форм: *-(i)j* (< *-jo* < *-jor*), *-jo*, *-jor*, *-or*, *-r*, *-ejr*, *-jr*;
Ajor, *-ijer*, *-ier*, *-ajar*, *-ij*; *-AjIr*, *-Īr*, *-IjIr*, *-AjUr*, *-IjUr*, *-UjUr*, *-Ajor* (см.:
damenta, стр. 259 и сл., 269, 278). В туркменском литературном язы-
 в йомудском диалекте происходит превращение *-jor* > *-jĀr* (см.:
damenta, стр. 314); отсюда и салырское *-jĀ*, гокленское *-jĀ*. Архаич-
 эрсаринский диалект сохраняет *-jÖr*, *-jÖ*; сарыкский *-Ör*¹¹; наконец, в
 байджанском языке имеется целый ряд диалектов, которые и в на-
 щее время совершенно четко указывают на *-jOr*; в этом отношении
 истрны такие формы, как *-IjÖr* (гармония гласных не нарушается,
 ю эпоху имер: *üšü-jör*), *-Or*, *-er* (< *-ijör*) (см.: Рәхимов, стр. 220—225, Ширэ-
 стр. 67), в, стр. 223 и сл.). Позже часто наблюдается выпадение *-r*: *-(I)jO*, *-Oj*,
 р. 169). Суффикс *-jOr* мог бы быть праформой для современных азербайджан-
 настоящего диалектов. Наряду с этим встречается также переход *-jOr* (с необыч-
damenta, *O*) > *-jUr* (после согласного — *-Ur*, возможно, по аналогии с аористом
игуг, на- > *-jIr*, далее часто сокращаясь > *-(I)j* (после согласного *-Ir*, *-j*); на-
 влена у тур.: у Аmani (XVII в.) и Вагифа (XVIII в.) *dejir* 'говорит' (Рәхи-
 менных стр. 62, 108) = тур. *dijor*.

Общее развитие форм внутри огузских (юго-западных тюркских)
 ов прослеживается очень ясно, если рассматривать не только не-
 изолированных диалектных форм азербайджанского языка, а
 привести формы в совокупности: *-V jor* (с разным гласным предшествующего
 период причастия, например, в древнетюркском и староосманском: *ged-ä jor*,
 к в сов- *ly jor* и т. д.) > *-IjOr* (в некоторых диалектах, однако, *-Ajor*; во всяком
jaš gibi не непременно с обобщенным гласным — *I* или *A*) > *-IjOr* (с гармо-
 рб. лит. гласных) > *-IjUr* (а также *-AjUr*) ~ *-IjAr* (а также *-AjAr*), то есть
 ычный гласный *o* первого слога уступает место употребительным
 первом слоге гласным *A* или *U* > дальнейшие сокращения (стяже-
 гласных: *-ĭr* и т. д., выпадение *-j*: *-ör* и т. д., выпадение *-r*: *-jo*, *-jĀ*, *-j*).
 сокращения могут привести в конечном счете к возникновению весь-
 скаженных форм, например: *-V jorug* > *-V jor* > *-IjOr* > *-IjUr* > *-Ijĭr*
ji > *-Ij*, после гласного — *-j*. В частности, в развитии азербайджан-
 о *alyr* 'берёт' (настоящее время, тур. *alyor*) и т. д., вероятно, могло
 ать свою роль также то, что в староосманском гласные аориста бы-
 единообразными, например: *at-ar*, *atyl-ur*;

лишь в гораздо более поздний период имело место дальнейшее
 ичное взаимодействие между формами аориста и настоящего
 ени; таким образом, форма настоящего времени в азербайджанском
 е *-jIr* влияла на аорист, который после гласного принял вид *-jAr*
 ледняя форма, очевидно, очень современная, поскольку сами азерб-
 жанские диалекты еще часто обнаруживают после гласного просто

См.: Н. W. Brands. Studien zum Wortbestand der Türksprachen. Leiden, 1973, 96.
 11. «Азестская тюркология», № 1

-*r* (см.: Рәхимов, стр. 245, Ширәлијев, стр. 245—257 и т. д.)]. Этому мог содействовать и тот факт, что -*Ar* является причастием, а, следовательно, находится в одной парадигме, например, с -*Ap*. Такие причастные формы, как -*Ap* (после согласного) ~ -*jAp* (после гласного), весьма вероятно, могли сыграть здесь определенную роль (ср., например, у Насими *uğa-jan*). Точно так же влияет на аорист отрицательная форма 1-го лица ед. числа настоящего времени -*mIrAm*, в результате чего архаичное -*mAzAm* > -*mArAm*. (То же наблюдается, впрочем, и в туркменском. Следовательно, -*r*- является вторичным¹²). У Насими (см., например, Гәһрәманов, стр. 251) имеется еще *bilür gajrumazam* [часто в более ранней литературе — -*mApAm* (см.: Рүстәмов, стр. 245—248)]; только в современном литературном языке находим мы *almazam*, но *almaz* (в диалектах также *almaz*). Все это значительно сближает формы аориста и настоящего времени, например: *alaram, almazam* ~ *alyam, almyam*.

Таким образом, детальный анализ показывает, что мы имеем дело со сложным процессом постоянного сближения форм. Азербайджанские диалектные формы типа *bürjür*, внешне схожие с халаджским аористом *bāšlajur*, представляя собой вовсе не аорист, а формы настоящего времени и восходят не к др.-тюрк. -*jUr*, а к вспомогательному глаголу *jor*-. Сходные на первый взгляд формы не имеют никакого отношения друг к другу. В халаджском языке *bāšlā(j)jor* (настоящее время) и *bāšlajur* (аорист) четко разграничены. Здесь нет характерного для азербайджанского языка уподобления между формами настоящего времени и аориста; гласные аориста, будучи древнетюркскими, консервативны, так, например¹³, не только халадж. *hāt-ar* 'бросит' (др.-тюрк. *at-ar*) = азерб. *at-ar*, но и *bil-ir, bil-ür* 'знает' (др.-тюрк. *bil-ir*) = азерб. *bil-är* (у Насими еще *bil-ür*, см. выше), *jāt-ur* 'лежит' (др.-тюрк. *jāt-ur*) = азерб. *jāt-ar* и т. д.

Итак, совершенно очевидно, что азербайджанские формы являются прогрессивными, а халаджские — консервативными; азербайджанские формы аориста образованы аналогично формам настоящего времени и находятся под влиянием последних, соответствующие же халаджские формы не испытали подобного влияния. А это, в свою очередь, означает, что такая азербайджанская форма, как *bāšlajur* (аорист) является вторичной, а имеющая то же значение халаджская форма *bāšlajur* — напротив, первичной.

Подобные явления всегда следует рассматривать в их совокупности и динамическом развитии; только таким путем можно установить, что является первичным и более древним, а что — вторичным (не сравнимым с этим первичным); при этом кажущееся сходство само собой отпадает.

Сказанное может быть сформулировано в виде общего положения диалектической логики:

Если явление *X* наблюдается в двух системах *A* и *B*, то путем тщательного анализа следует определить, выполняет ли оно в обеих системах единую функцию *V* или, напротив, две разные функции *V* и *W* (иначе говоря: указывает ли *X* на первоначально единую функцию *V* или на две функции — *V* и *W*). Если же при этом обнаруживаются две разные функции *V* и *W*, то это означает, что *X* восходит к двум первоначально различным явлениям *X* и *Y*. В этом случае нельзя говорить о едином *X*, а следует рассматривать *X* и *Y* или, по меньшей мере, *X*₁ и *X*₂.

¹² Ср. противоположное мнение: Н. К. Дмитриев. Соответствие *p||d||r||z||ž||š*. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. М., 1955, стр. 324.

¹³ G. Doerfer. Der Imperative in Chaladsch, стр. 296.

На этом же основании могут быть легко опровергнуты и другие утверждения Ф. Р. Зейналова. Хотелось бы посоветовать нашему оппоненту обратить внимание на положение, лежащее в основе любого научного исследования: внешнее сходство еще ничего не доказывает.

В частности, сходство двух форм может быть лишь указанием на их возможную связь; однако это сходство не является еще доказательством существования такой связи. Цель ученого заключается не в том, чтобы фиксировать сходные формы и на этом основании выдвигать категоричные утверждения. Наличие сходных форм позволяет лишь задаться вопросом, не свидетельствует ли данное сходство о существовании определенной связи между формами; причем удовлетворительный ответ на этот вопрос можно получить только при помощи тщательно разработанной научной методики и детального, всестороннего анализа. Что касается метода, применяемого Ф. Р. Зейналовым, то он позволяет любой тюркский диалект (не только халаджский) отнести к числу «диалектов азербайджанского языка», поскольку последний имеет большое число диалектов, богатых самыми различными формами. Глубокий же, подлинно научный анализ позволяет доказать, что халаджский язык являет собой особую языковую группу¹⁴.

Перевел с немецкого Г. Кулиев.

¹⁴ Сказанному не противоречит и тот факт, что данная языковая группа включает лишь один язык. Так, например, единственным представителем особой группы тюркских языков является также чувашский язык. В данном случае важен не количественный, а качественный момент; те ярко выраженные характерные признаки, которые отличают рассматриваемую языковую группу от других.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Р. А. ГУСЕЙНОВ

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ И ТЮРКОЛОГИЯ

(К 80-летию со дня рождения)

Н. В. Пигулевская была выдающимся специалистом в области средневековой истории и филологии стран Востока. Долгие годы она стояла во главе советской историко-филологической школы сириологов¹. Среди научных направлений в востоковедении, которые привлекали внимание Н. В. Пигулевской как исследователя широкого научного профиля, была и тюркология, вернее один из ее разделов — си-ро-туркика; она пыталась выявить роль и место сирийцев² в истории культуры и письменности тюркских племен Средней и Центральной Азии.

Н. В. Пигулевская (Стебницкая)³ родилась 14 января 1894 г. в Петербурге в семье, из которой вышел ряд видных деятелей русской науки и культуры. В частности, ее дед

И. И. Стебницкий был известным русским географом и топографом, членом-корреспондентом Академии наук. Воспитанница Высших женских Бестужевских курсов и Восточного факультета Петроградского университета, она большую часть своей жизни посвятила научной деятельности в Институте востоковедения Академии наук СССР, где заведовала Кабинетом Ближнего Востока, и преподава-

¹ Сириология, как известно, является частью семитологии и занимается изучением культурного наследия автохтонного населения Сирии и Месопотамии. При этом особое внимание уделяется периоду раннего и развитого средневековья (истории самих сирийцев, их письменных памятников, истории расселения сирийцев и их многовековых контактов с другими народами).

² На обширной территории от Малой Азии до Дальнего Востока и от Закавказья до Индии сирийцы были известны как купцы и дипломаты, переводчики и врачи, царедворцы и миссионеры. Поэтому их можно было встретить в посольском поезде и торговом караване, во дворце вельможи и в хижине бедняка. В течение ряда столетий язык сирийцев был *lingua franca* Передней Азии.

³ Краткая научная биография Н. В. Пигулевской опубликована в следующих изданиях: «Народы Азии и Африки», 1963, № 6; «Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР», 1965, № 86; «Византийский временник», 1971, т. 31.

нию в ЛГУ, профессором которого оставалась вплоть до своей кончины в 1970 г.

По предложению академиков П. К. Коковцова и И. Ю. Крачковского в 1938 г. Н. В. Пигулевской была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации за совокупность работ по переводу и исследованию сирийских источников. В следующем году она получила степень доктора исторических наук за научное исследование сирийского письменного памятника VI в.⁴, содержащего также сведения о гуннах: об их опустошительных набегах на Малую Азию в IV в., о войне с ними Сасанида Пероза (457—484), о вмешательстве гуннов в династическую борьбу в Иране при шаханшахе Каваде (488—531), о гуннских наемниках в сасанидской армии и их боевом снаряжении.

За выдающиеся научные достижения Н. В. Пигулевская была избрана в 1946 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР. Следует особо отметить ее исследование, в основу которого были положены материалы сирийских источников VI в. — «Истории» Иоанна Эфесского и «Хроники» Захарии Ритора⁵. В этом исследовании автором рассматривались история взаимоотношений кушано-эфталитских государств с Сасанидской державой и Византийской империей, походы гуннов в Малую Азию в VI в., проникновение белых гуннов (эфталитов и кидаритов) в Закавказье, сношения Сасанидов с тюрками, жившими в Средней Азии. Весьма интересны приводимые в работе сведения о тюркских племенах, обитавших на Северном Кавказе и севернее его. Например, Захария Ритор пишет о «бургарах со своим языком», живших за Дербендскими воротами; он же упоминает сабиров и других воинственных кочевников, живших в палатках. Им приводятся свидетельства сирийцев, проводивших многие годы среди гуннов, о том, что в V в. албанские клирики во главе с епископом Арана Кардостом занимались просветительской и миссионерской деятельностью среди гуннов за Дербендской стеной. В результате они обучили некоторых из них грамоте и «выпустили там писание на гуннском языке». Публикация сирийского памятника VI—VII вв.⁶ позволила специалистам получить новые сведения о гуннах, живших за Дербендским проходом: об образе их жизни, вооружении, внешнем облике, обычаях, об их опустошительных набегах на Закавказье, Иран и Малую Азию. Там же приводится описание ворот, возведенных в Дербендском ущелье против «северного ветра» (так именует гуннов сирийский автор). В изданном позднее сирийском источнике XIV в.⁷ описан путь из Ханбалыка на запад, пролежавший через земли, населенные тюркскими и монгольскими племенами. В том же памятнике много места уделено событиям в государстве пльханов Хулагундов.

В течение многих лет Н. В. Пигулевская являлась вице-президентом Российского Палестинского общества и бессменным редактором «Палестинского сборника». Она неоднократно представляла советскую историко-филологическую науку на международных научных форумах, читала лекции в Сорбонне и Коллеж де Франс, состояла членом «Азиатского общества». Ее перу принадлежат почти 150 научных публикаций, среди которых — 10 монографий; исследования Н. В. Пигулевской издавались в ВНР, ГДР, ЧССР, СФРЮ, Франции, Иране, ФРГ, Японии.

⁴ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Пешу Стилита как исторический источник. М.—Л., 1940.

⁵ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.

⁶ Н. В. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском.—«Палестинский сборник», 1958, вып. 3.

⁷ «История мар Ябалахи III и раббан Саумы». Исследование, перевод с сирийского и примечания Н. В. Пигулевской. М., 1958.

Н. В. Пигулевская была ученым широкого творческого диапазона, в ней счастливо сочетались чуткий филолог и глубокий историк с тонким пониманием закономерностей исторического процесса. Благодаря этому ей впервые в советской исторической науке удалось дать определение способа производства ближневосточных обществ раннего средневековья, установить пути и формы разложения рабства и становления феодализма в странах Ближнего Востока в переходную между античностью и средневековьем эпоху. Проведенные ею исследования вскрыли несостоятельность распространенного представления о застойности истории народов Востока и показали единство исторического развития стран Запада и Востока. Совместно с академиком В. В. Струве Н. В. Пигулевская разработала периодизацию истории народов Востока, взяв за основу особенности их социально-экономического развития. Вместе с тем в ряде работ Н. В. Пигулевская затронула многие этнографические проблемы Закавказья, Средней Азии и Балкан. Немало внимания было уделено ею взаимоотношениям Сасанидского государства и Византийской империи с гуннами, процессу образования государственности у гуннских племен, их переходу к оседлости и возникновению у них письменности.

Н. В. Пигулевская отдавала много сил и энергии также подготовке кадров научных работников в различных областях востоковедения, в том числе и для республик Советского Востока.

В обширный круг научных интересов Н. В. Пигулевской входили помимо сириологии и византиноведения также иранистика и арабистика, кумрановедение и сабеистика, кавказоведение и тюркология. Детальное исследование ряда письменных памятников позволило ей сделать ряд интереснейших открытий, в том числе и в тюркологии.

В области сиро-туркики Н. В. Пигулевская продолжала исследования академика Д. А. Хвольсона и своего учителя академика П. К. Коквцова, осуществивших сложную и трудоемкую работу по прочтению и публикации сиро-тюркских эпиграфических памятников, открытых в Семиречье (Средняя Азия) во второй половине XIX в.⁸ и привлечших внимание выдающихся тюркологов академиков В. В. Радлова и Ф. Е. Корша⁹. Теперь уже благодаря работам Н. В. Пигулевской и других ученых, доподлинно известно, что в течение V—XIV вв. влияние сирийской культуры и письменности на тюркские племена было весьма значительным. Подтверждением этому могут служить, в частности, сиро-тюркские письменные памятники, содержащие записи живой тюркской речи того времени, а потому имеющие большое значение для изучения средневековых тюркских наречий Средней и Центральной Азии, в первую очередь их фонетики и лексики. Среди подобных памятников важное место принадлежит тюркским рукописям, написанным сирийским алфавитом.

В начале XX в. при раскопках города тангутов¹⁰ Хара-Хото (Монголия) экспедиция известного исследователя Центральной Азии П. К. Коз-

⁸ См., например: Д. А. Хвольсон. Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье. — «Восточные заметки». (Сборник Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета). СПб., 1895; П. К. Коквцов. К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья. — «Известия имп. Академии наук», серия VI, 1909, № 11.

⁹ Ф. Е. Корш. О турецком языке семиреченских надгробных надписей. — «Древности восточные», 1889, т. I, ч. 1; W. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des im Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. — «Memoires de l'Académie imp. des sciences de St.-Petersbourg», série VIIe, t. XXXVII, Nos. 8, 1890.

¹⁰ Тангутское государство возникло в X в. и просуществовало до 1227 г., когда было покорено Чингис-ханом. В начале XI в. оно объединяло ряд мелких княжеств северо-западной окраины Китая, а в 30-х годах того же столетия тангуты захватили долину Эдзингола на юге пустыни Гоби, где возник г. Идзинай, известный также под монгольским названием Хара-Хото.

лова нашла рукописи, в числе которых находился уникальный сиротюркский фрагмент. Этот письменный документ был изучен Н. В. Пигулевской, которая доложила о нем 29 июня 1935 г. на заседании Рукописного отдела Института востоковедения Академии наук СССР, а несколько лет спустя опубликовала результаты своих наблюдений¹¹. Об интересе, проявленном мировой тюркологией к находке, свидетельствует публикация этой работы Н. В. Пигулевской на французском и японском языках. Впоследствии, в 60-х годах, Н. В. Пигулевская снова занялась исследованием фрагмента, ибо, как она писала, «в настоящее время, когда вопрос о языке и письменности древних тюрков вызывает особенно большой интерес, представилось необходимым еще раз вернуться к вопросу о воспроизведении тюркской речи в... сиротюркском фрагменте из Хара-Хото»¹².

Фрагмент, состоящий из тринадцати строк, представляет собой один из немногих и редких образцов сиротюркских рукописей, появление которых явилось закономерным результатом культурной и миссионерской деятельности сирийцев-несториан среди тюрков Средней и Центральной Азии. Отвечая на вопрос, что могло побудить тюрков обратиться к сирийскому письму, Н. В. Пигулевская указывает, что это, по-видимому, следствие перехода в несторианство какого-нибудь социального слоя тюрков или целого тюркского племени, находившегося под сильным влиянием сирийской культуры. Фрагмент является частью рукописной бумажной книги XII—XIII вв., переведенной с сирийского и предназначенной для тюрков, принявших несторианство. В соответствии с традицией семитского письма тюркский текст написан справа налево.

Таким образом, если до XX в. были известны только эпиграфические памятники Семиречья, написанные на тюркском языке сирийским алфавитом, то в начале XX столетия был обнаружен тюркский рукописный текст, подтвердивший применение сирийского письма также и для книг. Вместе с тем указанный сиротюркский фрагмент и сиротюркские эпиграфические памятники свидетельствуют о широком распространении и глубоком проникновении сирийской культуры в среду тюркских племен Средней и Центральной Азии.

Н. В. Пигулевская отмечает, что фрагмент как сирийская транскрипция тюркского текста представляет выдающийся интерес с точки зрения его палеографии и лексики. Не случайно она обратила внимание также на особенности воспроизведения в нем тюркской речи. Одновременно ею была подчеркнута трудность транскрибирования тюркских слов сирийским письмом, ибо в последнем 22 буквы, тогда как в тюркском звуков больше, что видно из нижеследующей таблицы.

Сирийские буквы		Знаки фрагмента	Значение букв во фрагменте
𐤀	(ʿаин)	𐤀	к
𐤁	(каф)	𐤁	к
𐤂	(ламед)	𐤂	л/б
𐤃	(садэ)	𐤃	ч

¹¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские и сиротюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — «Советское востоковедение», 1940, № 1.

¹² Н. В. Пигулевская. Еще раз о сиротюркском. — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова». М., 1966, стр. 229.

Так, к особенностям графики фрагмента относится использование сирийских букв *‘аин* и *каф* с дополнительным знаком для передачи тюркского взрывного велярного *к* [*каф* (𐤊) арабского алфавита]. Другая особенность — воспроизведение посредством буквы *ламед* с дополнительным знаком тюркского звука *л/б*. Для передачи звука *ч*, отсутствующего в сирийском, использована буква *садэ*, так же как в сиро-тюркских эпиграфических памятниках¹³. Эта буква в сирийском произносилась как пронзительное спирантное *с*.

Н. В. Пигулевская обратила внимание и на другие особенности фрагмента. Так, к сирийским словам и именам собственным механически приписаны флексии тюркского склонения:

Сирийская форма		Тюркская форма	
mešihā	‘мессия’	mešihāniḡ	‘мессии’ (род. падеж)
z’uḡā	‘малый’	z’uḡāka	‘малому’ (дат. падеж)

Характерно также смешение (комбинация) слов обоих языков: *tš’ita bitig* ‘книга историй’; в этом выражении первое слово сирийское — «истории» (мн. число), а второе — тюркское — «книга» (ед. число).

К сожалению, фрагмент дефектен, что не позволило дать его связную дешифровку; поэтому возможно прочесть лишь отдельные слова (существительные, прилагательные, местоимения) и выражения:

Строка	Транскрипция	Значение
1	kuč ba (kač ba)	‘чего стоит?’
2	tāmiz	‘беспорочный’
4	aryk	‘чистый, хороший, святой’
4	ädgü kilinčlik	‘добродетельный’
6	atlyk	‘известный, именитый’
7	bitig	‘книга’
7	biziḡ	‘мы’
8	öziḡ	‘сам’

Говоря об особенностях фрагмента, Н. В. Пигулевская сопоставляет его с сиро-тюркскими надписями Семиречья и приходит к заключению, что система передачи тюркских слов сирийским алфавитом в тюркоязычной среде была в значительной мере общей, независимо от места создания памятника, его назначения и характера. Во всяком случае, такой вывод правомерен для дошедших до нас и изданных сиро-тюркских памятников письменности Средней и Центральной Азии. К тому же Н. В. Пигулевская считает, что тюркский язык фрагмента родствен языку тюркских текстов из Турфана и тюркских эпиграфических памятников из Семиречья. С другой стороны, сиро-тюркский фрагмент из Хара-Хото — единственная известная нам рукопись, имеющая параллели лишь в сиро-тюркских надписях Семиречья, в которых тюркские слова также транскрибированы сирийским алфавитом, а сирийские слова получили тюркские флексии¹⁴.

¹³ См.: П. К. Кокорцов. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1906, т. XVI, вып. 4; *его же*. К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья. — «Известия имп. Академии наук», сер. VI, 1909, № 11; Р. А. Гусейнов. Тюркское *Гошт* в сирийском источнике. — «Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР», 1965, № 86; Ч. Джумагулов. Язык сиро-тюркских (несторпанских) памятников Киргизии, Фрунзе, 1971.

¹⁴ Н. В. Пигулевская. Памятники сирийской письменности. — «Вестник Академии наук СССР», 1968, № 2, стр. 72.

Таким образом, фрагмент сохранил особенности средневековой тюркской речи и написания тюркских слов, что служит подтверждением существования в Средней и Центральной Азии вплоть до XIV в. сиротюркской литературы и письменной традиции.

О тюркологических интересах Н. В. Пигулевской свидетельствует также ее обстоятельная рецензия на хорошо известный тюркологам и византиноведом труд Д. Моравчика¹⁵, представляющий собой свод сведений византийских авторов о средневековых тюркских племенах. Здесь, в частности, приводятся в греческой передаче тюркские имена собственные, этнонимы, топонимы и термины с указанием источников, много места отводится сохранившимся языковым материалам. Второй том труда так и озаглавлен «Сохранившиеся данные языков тюркских народов в византийских источниках». Автор концентрирует свое внимание на сообщениях об изучении в Византийской империи тюркских языков в целях общения с тюрками, на тюркских словах и выражениях, встречающихся в византийских источниках в транскрипции. Д. Моравчик характеризует также тюркские слова, их транскрипцию и ту форму письменной традиции, в которой они дошли. Н. В. Пигулевская указывает, что автор переводит слова, приведенные в греческой транскрипции, или цитирует из источника весь контекст, в котором эти слова встречаются. Словарь составлен по принципу конкорданции с приведением всех разночтений и вариантов. Приложены также указатель, составленный в форме аналитического обзора материала, индекс тюркских, болгарских, венгерских и других родственных форм.

Н. В. Пигулевская высоко оценила работу, сделанную Д. Моравчиком, назвав ее выдающимся трудом и ценным вкладом в изучение тюркских народов.

В заключение следует подчеркнуть, что сиротюркская тематика, привлекавшая в свое время пристальное внимание Н. В. Пигулевской, получила в дальнейшем развитие в работах ее учеников и последователей, успешно сочетающих в своих исследованиях сирнологию с тюркологией.

¹⁵ Н. В. Пигулевская. Выдающийся труд по источниковедению. *G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd 1—2.* Berlin, 1958 (Zweite Auflage). — «Палестинский сборник», 1960, вып. 5.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

В. Г. КОНДРАТЬЕВ

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ДЕШИФРОВКИ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

15 декабря 1893 г. Вильгельм Томсен, крупный специалист в области общего языкознания, доложил на заседании Датской Королевской Академии наук о результатах произведенной им дешифровки рунической письменности. Параллельно работавший с ним русский тюрколог Василий Васильевич Радлов 19 января 1894 г. на заседании Петербургской Академии наук прочитал свой перевод памятника в честь Кюль-Тегина. Дешифровка рунической письменности имела огромное значение как для тюркского языкознания, так и для исторической науки.

Первые упоминания рунических надписей относятся к концу XVII в. В 1692 г. бургомистр Амстердама Н. Витзен на основании полученных из русских источников данных сообщил, что в Сибири найдено несколько изображений и надписей из неизвестных букв. Видный картограф С. Ремезов составил в 1696 г. две карты, на одной из которых им был указан «камень Орхон». Видимо, в обоих случаях речь идет о тюркской рунике. Первые же научные сведения о рунических надписях сообщил шведский офицер Иоганн Страленберг, попавший в плен во время Полтавской битвы и долго живший в Сибири¹. В 1793 г. несколько таких надписей опубликовал путешественник и естествоиспытатель П. С. Паллас. В 1818 г. Г. И. Спасский напечатал в журнале «Сибирский вестник» сочинение «Древности Сибири», приложив к нему таблицу всех известных в то время рунических надписей. Извлечение из этого сочинения (с приложением надписей) было переведено на латинский язык и вышло отдельной книгой в 1823 г. Тем самым к нему получили доступ ученые других стран.

В конце XIX в. было организовано несколько экспедиций с целью изучения рунических памятников. Особое значение имела экспедиция Н. М. Ядринцева, который обнаружил в 1889 г. в Монголии, на берегу реки Орхон, в урочище Кошо Цайдам, две большие стелы с двуязычными (китайскими и руническими) надписями. Это были памятники в честь Кюль-Тегина и Бильге-кагана. Как писал видный русский востоковед В. Р. Розен, «открытием драгоценных памятников орхонской долины наука обязана всецело Николаю Михайловичу Ядринцеву»². Открытие Н. М. Ядринцева повлекло за собой организацию еще двух экспедиций. В тот же район в 1890 г. была направлена финская экспедиция под ру-

¹ Ph. J. Strahlenberg. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730.

² В. Р. Розен. Suum Cuique. — «Записки Восточного Отделения императорского Русского Археологического общества (ЗВОРАО)», т. VIII, вып. III—IV. СПб., 1894, стр. 324.

ководством А. Гейкеля и в 1891 г. — русская во главе с В. В. Радловым. Издание атласов надписей, явившееся результатом этих экспедиций, позволило приступить к дешифровке рунической письменности. Как признавал сам В. Томсен, только памятники, открытые Н. М. Ядринцевым, сделали возможной дешифровку рунических надписей³.

Дешифровкой, как было сказано выше, занимались одновременно и В. Томсен и В. В. Радлов. В. Томсен сконцентрировал свое внимание на самых больших и полных надписях — в честь Кюль-Тегина и Бильге-кагана. Сравнивая как целые отрывки текста, так и отдельные строки, он пришел к заключению, что надписи следует читать справа налево. При дешифровке В. Томсен исходил из тех условий, в которых встречаются отдельные знаки, слова, орфографические варианты одних и тех же слов, а также из китайских надписей (хотя китайские и рунические надписи совершенно самостоятельны и не зависимы друг от друга). В. Томсен определил число знаков в надписях. Их оказалось 38. Это позволило ученому предположить, что руническая письменность написана алфавитом, в котором знаки для одного и того же звука различаются в зависимости от его звукового окружения. Затем В. Томсен попытался установить знаки для гласных звуков. Он предположил, что в комбинации знаков ХУХ знак У должен обозначать гласный, при условии, если знак Х — согласный, и наоборот. В результате тщательного сопоставления подобных рядов знаков исследователю удалось определить знаки, обозначающие гласные *о-и, ё-й*. Изучение сочетаемости этих знаков с другими показало, что согласный звук в зависимости от сопровождающего его гласного выражается различными знаками и, следовательно, язык надписей подчиняется закону гармонии гласных. Сличение орфографических вариантов одних и тех же слов и статистические наблюдения за употреблением различных знаков позволили сделать некоторые предположения об их характере. Стало очевидным, что некоторые знаки обозначают комбинации согласных. В тюркском тексте часто встречается слово *täŋgi*. В. Томсен сумел правильно прочесть его. При расшифровке он исходил из того, что это слово — известное и тюркскому, и монгольским языкам, обозначает «бог», «небо». Далее В. Томсену удалось правильно прочесть слова *kültigin* и *bilgä*, сопоставив их с китайскими словами *kieu-te-gin* и *bi-kia*. Он исходил при этом из того, что китайский язык не допускает согласного в конце слога и, следовательно, в китайских соответствиях звук *l* опущен. После прочтения этих двух слов стало возможным прочесть еще одно часто повторяющееся слово *türk* (в китайском *tü-küe*). Таким образом, стало очевидным, что язык надписей тюркский. Установив значение девяти знаков, В. Томсен сумел расшифровать весь алфавит.

Нисколько не умаляя роли В. Томсена в деле дешифровки тюркской рунической письменности, следует все же подчеркнуть, что основной вклад в дело глубокого и всестороннего исследования памятников рунической письменности внесли русские тюркологи и прежде всего В. В. Радлов⁴.

В 1892—1903 гг. в России был издан ряд фундаментальных трудов по руническим памятникам. Особо следует указать серию «*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*» (St.-Pb., 1894—95), в которой В. В. Радлов дал четыре последовательных варианта перевода памятников из Кошо-Цайдама, Онгинского памятника и некоторых мелких рунических надписей. Исключительное значение имеет исследование В. В. Радлова «*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge*» (St.-Pb., 1897), представ-

³ См.: В. Р. Розен. Указ. раб., стр. 332.

⁴ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 235—238.

ляющее собой полное систематическое описание фонетики, морфологии и частично синтаксиса памятников Кюль-Тегину, Бильге-кагану и Онгинского памятника. Труд В. В. Радлова по справедливости можно считать одной из самых важных работ, посвященных грамматическому строю языка рунических надписей. Многие положения, выдвинутые в этом исследовании, не утратили своего значения и в наши дни (например, эволюция глухих согласных в звонкие, генетические связи языка памятников и современных огузских языков, происхождение ряда аффиксов).

В 1899 г. В. В. Радлов издал текст, транскрипцию и перевод еще одного крупного памятника — в честь Тоньюкука⁵. В дальнейшем он посвятил исследованию грамматического строя и совершенствованию перевода рунических, а также древнеуйгурских памятников серию статей под общим названием *Alttürkische Studien* (St.-Pb., 1909—1912). Труды В. В. Радлова сыграли огромную роль в изучении рунических памятников и явились основой для дальнейших исследований в этой области. И это в связи с высоким уровнем развития тюркологии в России конца XIX в. было вполне закономерно.

Большой вклад в дело изучения языка тюркской рунической письменности внес ученик В. В. Радлова Платон Михайлович Мелиоранский⁶. Его магистерская диссертация «Памятник в честь Кюль-Тегина» (ЗВРАО, 1899, т. XII, вып. II, III, IV) представляет собой новый, исправленный вариант перевода памятника. До сих пор не утратили ценности комментарии к переводу, в которых П. М. Мелиоранский излагает ряд очень интересных наблюдений по фонетике (в связи с графикой), морфологии и лексике⁷. Работа П. М. Мелиоранского считается классической⁸. Можно без преувеличения сказать, что достижения русских тюркологов в области изучения древнетюркских рунических памятников являются важным этапом в развитии мировой тюркологии.

В небольшой статье не представляется возможным сколько-нибудь полно осветить историю изучения памятников тюркской рунической письменности⁹. Мы отметим лишь некоторые наиболее значительные работы и укажем основные направления исследований.

Лингвисты-тюркологи продолжали работу по прочтению вновь открываемых памятников. В 1896—1897 гг. в бассейне реки Талас (Казахстан) было найдено пять камней с руническими надписями. Эти надписи перевели и издали В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, А. Гейкель, Ю. Намет и С. Е. Малов. В 1909 г. экспедиция финского алтаиста Г. Рамштедта обнаружила в Монголии два рунических памятника: памятник из Суджи и памятник в честь уйгурского хана Моюн-чур. Оба памятника были изданы в 1913 г.¹⁰ Выдающийся алтаист В. Л. Котвич в 1912 г. открыл в Монголии, в местности Ихэ-Хушоту, большую надгробную стелу с надписью в честь тардушского бека Кули-чур. Эта надпись впоследствии была им издана совместно с А. Н. Самойловичем¹¹. В 1914—1918 гг.

⁵ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St.-Pb., 1899.

⁶ А. Н. Самойлович. Памяти П. М. Мелиоранского. — ЗВРАО, 1907, т. XVIII, стр. 01—024; А. Н. Кононов. П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 16—23.

⁷ А. М. Щербак. П. М. Мелиоранский и памятники тюркской письменности. — «Тюркологический сборник, 1972». М., 1973, стр. 29—32.

⁸ А. Н. Кононов. П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — Там же, стр. 13.

⁹ Подробную библиографию см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 181—211; Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности. Алма-Ата, 1971, стр. 367—376.

¹⁰ G. Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», vol. XXX, 1913—1918, № 3, стр. 3—63.

¹¹ W. Kotwicz et A. Samoilowitch. Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie Centrale. — «Rocznik orientalistyczny», t. IV, 1928, стр. 60—107.

в Восточном Туркестане было найдено несколько рунических рукописей (на бумаге), изучением которых занялся В. В. Радлов. В дальнейшем были обнаружены более мелкие рунические надписи в Киргизии, Туве и Монголии¹².

Некоторые из ранее открытых памятников переиздавались с новыми вариантами переводов. Особенно велики в этом заслуги ученика В. В. Радлова Сергея Ефимовича Малова, который «сохранил и развил традиции русских тюркологов в области изучения памятников уйгурско-го и особенно рунического письма, создав своими трудами необходимый фундамент для их дальнейшего углубленного изучения»¹³. Следует прежде всего отметить такие его большие работы, как «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951), «Енисейская письменность тюрков» (М.—Л., 1952), «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (М.—Л., 1959).

Среди работ, появившихся за рубежом, можно отметить исследование В. Томсена *Altürkische Inschriften der Mongolei* («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd 78, Leipzig, 1924—1925, стр. 121—175). Переводу памятников рунической письменности посвящен опубликованный в Стамбуле большой труд турецкого ученого Намыка Оркуна «Eski Türk Yazıtları» (I, 1936; II, 1939; III, 1940; IV, 1941), в котором использованы переводы В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, В. Томсена, Г. Рамстедта.

Важной областью изучения рунических памятников является исследование их фонетики и грамматического строя. Начало этому было положено работами русских тюркологов В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского. Заслуживают быть отмеченными исследование В. Томсена «Tungica» (Helsingfors, 1916), в котором затрагивается ряд вопросов грамматического строя, и работа А. фон Габэн «Altürkische Grammatik» (Leipzig, 1950), посвященная в основном древнеуйгурским памятникам, но включающая и описание грамматических форм, зафиксированных в рунических памятниках. Следует упомянуть также исследование Талата Текина, представляющее собой очерк грамматики языка рунических памятников¹⁴.

Особенно большой размах изучение грамматического строя и лексики языка рунической письменности получило в нашей стране. Крупные работы в этой области принадлежат В. М. Насилову¹⁵, И. А. Батманову¹⁶, Г. Айдарову¹⁷. Трудно переоценить значение такого капитального труда, как «Древнетюркский словарь» (Л., 1969), в котором наиболее полно отражена лексика рунических надписей и в ряде случаев даются уточненные переводы многих мест памятников.

Следует подчеркнуть, что в последние годы язык рунической письменности интенсивно изучается в наших тюркоязычных республиках: Казахстане (работы Г. Агманова, С. Аманжолова, Г. Айдарова,

¹² С. Г. Кляшторный. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии. — «Тюркологический сборник, 1972». М., 1973, стр. 254—264.

¹³ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России, стр. 240.

¹⁴ См.: А. Н. Кононов. [Рец.:] Talat Tekin. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington. Published by Indiana University, 1968, 419 стр. (Uralic and Altaic Series, 69). — «Вопросы языкознания», 1970, № 4, стр. 141—145.

¹⁵ В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960.

¹⁶ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959; И. А. Батманов, Э. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная древняя енисейка. Фрунзе, 1962.

¹⁷ Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.

М. Джолдасбекова, А. Есенгулова, А. Ислямова), Киргизии (работы К. А. Аширалиева, И. А. Батманова), Азербайджане (работы Ю. М. Мамедова, А. А. Раджабова), Башкирии (работы М. А. Ахметова). Большое место в этих исследованиях занимает, в частности, проблема отношения языка памятников к современным тюркским языкам (работы Г. Айдарова, С. Аманжолова, К. А. Аширалиева, М. А. Ахметова, М. Джолдасбекова, Ю. М. Мамедова, А. А. Раджабова).

Обширную область в исследовании рунических памятников как в нашей стране, так и за рубежом представляет их историографическая интерпретация, начало которой было положено выдающимся русским востоковедом В. В. Бартольд¹⁸. В первую очередь здесь следует отметить труды А. Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.» (М.—Л., 1946) и С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» (М., 1964). Использование марксистско-ленинской методологии позволило советским ученым занять ведущее положение в изучении рунических памятников как исторических источников.

За восемьдесят лет в деле исследования тюркских рунических памятников сделано многое, но ряд вопросов еще ждет своего решения. Изучение древнетюркских памятников достигло той ступени развития, на которой необходимо критическое переиздание и составление свода всех известных текстов¹⁹. Не все ясно до сих пор в переводах, спорными остаются многие вопросы фонетики. Нет достаточной ясности и в таком важном вопросе, как отношение языка рунической письменности к современным тюркским языкам, а также к языку древнеуйгурских памятников. Большой интерес представляет дальнейшее исследование рунических памятников как исторического источника. Таким образом, советским тюркологам—лингвистам и историкам—предстоит еще значительная работа по дальнейшему изучению рунических памятников, восьмидесятилетие дешифровки которых мы сейчас отмечаем.

¹⁸ Подробнее см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники., стр. 7—16.

¹⁹ С. Г. Кляшторный. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии, стр. 264.

А. Б. КОШКАРОВ

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРАХ ТИПА СГС, ГСГ

(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)*

В настоящей статье исследуются акустические характеристики фриктивных согласных современного казахского литературного языка с использованием метода анализа речевых спектров, разработанного в Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи МГПИИЯ им. М. Тореца¹.

На основании целого ряда спектральных исследований звукового состава различных языков нами было постулировано, что спектры фриктивных согласных казахского языка (как и спектры всех звуков любого языка) несут информацию (в квазистационарных участках) об акустической структуре фонем (о фонемном инварианте), по типу которой они реализованы².

Как пишут многие авторы, извлечение различительных признаков корреспондирующих фонем из реальных звуков возможно только статистическим путем³. Однако и репрезентативная форма метода структурного анализа речевых спектров казалась нам оправданной, поскольку одной из основных задач исследования являлось описание имеющихся в современном казахском языке фриктивных согласных, а не определение математически точных акустических параметров и различительных признаков. Именно такой подход характерен для работ большинства исследователей (в частности, Г. Фанта, Дж. Фланагана, М. А. Сапожкова, С. Н. Ржевкина, Р. Мегрелишвили, И. Г. Жгенти, А. А. Исенгельдиной, Л. В. Бондарко и др.). В связи с этим число дикторов было ограничено пятью казахами, репрезентантами современного литературного казахского языка.

Артикуляция звуков казахского языка, в частности фриктивных согласных, почти не изучена. Значительный объем экспериментальной работы не позволил нам отдельно исследовать артикуляцию фриктивных согласных. Однако близость (на слух) фриктивных согласных казахского языка к соответствующим звукам русского и некоторых за-

* Работа выполнена в ЛЭФ и ПР МГПИИЯ им. М. Тореца под руководством проф. В. А. Артемова. Консультант по казахскому языку — академик Академии наук Казахской ССР С. К. Кенесбаев.

¹ См.: В. А. Артемов. Метод структурного анализа речевых спектров, 1958 (машинопись).

² См.: В. А. Артемов. Об интоне и интонационном инварианте. — В сб.: «Интонация и звуковой состав». М., 1965.

³ См. Программу VII Международного конгресса фонетических наук. Монреаль (Канада), 22—28 августа 1971 г.

падноевропейских языков позволила воспользоваться существующими описаниями артикуляции фрикативных согласных других языков, постоянно привлекая для проверки данные наблюдений за артикуляцией звуков казахского языка.

Известно, что при артикуляции звуков любого языка возникают явления, представляющие собой строго упорядоченную систему формообразований (*Gestalten, patterns*), способствующую распознаванию этих звуков. Соответственно было выдвинуто предположение, что спектры фрикативных согласных образуют своеобразные акустические структуры, которым должны быть присущи признаки, характерные не только для всех фрикативных согласных в целом, но также для их групп и каждого фрикативного согласного в отдельности. Иначе говоря, спектры фрикативных согласных должны обладать общефрикативными, групповыми и индивидуальными признаками⁴.

После проведения пробных записей было отобрано пять дикторов-мужчин, носителей современного казахского литературного языка, в возрасте 18—25 лет, студентов вузов. Это обусловило, в частности, значительное совпадение акустических характеристик их произношения.

В качестве аудиторов выступили пять лингвистов.

Как известно, экспериментальный материал должен быть репрезентативен и изоморфен системе изучаемого языка⁵. Нами была применена матричная методика составления экспериментального материала, разработанная в ЛЭФ и ПР⁶. В результате экспериментальный материал составили 133 сочетания звуков в произнесении пяти дикторов. В итоге было получено 665 спектрограмм. Поскольку каждый фрикативный согласный произносился несколько раз (звук /s/ — 130, /z/ — 105, /ʃ/ — 125, /ʒ/ — 85, /ɣ/ — 45, /x/ — 15, /f/ — 15, /v/ — 10, /h/ — 15 раз), появилась возможность элементарно-статистической обработки полученных данных.

Экспериментальный материал исследования — 82 структуры типа ГСГ, 38 структур типа ГСГ, а также семь двухсложных и пять трехсложных слов, произносившихся с назывной интонацией, — был записан на магнитофонную ферромагнитную пленку.

Запись производилась в студии, полностью изолированной от шумов, сотрясений и электрических помех. Звуковая реверберация была равна 17%. Использовался измерительный микрофон (конденсаторный) марки «МК-5» с полосой неискажаемых частот — от 20 гц до 20 кгц. Электрические импульсы посредством микрофона были записаны на магнитофон. Для ввода информации в спектрограф применялся магнитофон типа «МЭЗ-28».

Диапазон частот спектрографа — от 80 до 12050 гц. Число параллельных фильтров — 48. Динамический диапазон спектрографа — 32 дб. Погрешности спектрографа: а) по амплитуде — $\pm 10\%$, б) по частоте — $\pm 2\%$.

⁴ Об использовании принципа структурности речевых спектров см.: В. А. Артемов. Экспериментально-фонетическое изучение звукового состава и интонации языка. — «Фонетический сборник, I». Тбилиси, 1959; его же. Метод структурного анализа речевой интонации. М., 1962.

⁵ См.: Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. К вопросу о методике исследования фонемного состава языка. — В сб.: «Материалы colloквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи». М., 1966.

⁶ См.: В. А. Артемов. Экспериментально-фонетическое изучение звукового состава и интонации языка. — «Фонетический сборник, I»; его же. Метод структурного анализа речевой интонации.

Для обработки данных, проходившей в пять этапов, был применен также и элементарно-статистический метод.

Первый этап состоял из: а) первичного прослушивания; б) монтажа записи; в) записи на спектрографе; г) первичного считывания.

Второй этап включал обработку данных по каждому диктору в отдельности: а) нахождение устойчивых участков спектров фрикативных согласных; б) составление таблиц по данным резонансных частот (РЧ); в) составление таблиц по данным интенсивности; г) составление таблиц по данным длительности звучания; д) определение точки отсчета.

Третий этап: составление сводных таблиц и графиков по интенсивности и длительности звучания.

Четвертый этап: поиски точки отсчета путем сопоставления спектров устойчивой части фрикативных согласных.

Пятый этап: выявление структурных соотношений между резонансными частотами (РЧ), а также определение общих, групповых и индивидуальных РЧ для фрикативных согласных казахского языка.

В итоге были составлены 133 таблицы по РЧ (каждая таблица отражала данные по реализации одного сочетания пятью дикторами), шесть сводных таблиц: четыре по РЧ, одна по интенсивности, одна по длительности и гистограмма длительности в зависимости от позиции анализируемых звуков. Были также составлены отдельные таблицы по интенсивности и длительности для каждого сочетания и диктора.

В результате проведенного исследования было получено экспериментально обоснованное описание спектров фрикативных согласных современного казахского языка и выделены акустические признаки, общие для всех фрикативных согласных современного казахского языка.

Наиболее общим акустическим признаком фрикативных согласных казахского языка является наличие максимумов резонансных частот: 1640 гц, 3670 гц, 7400 гц. Следовательно, общим для всех них структурным соотношением резонансных частот является: 1:2,2:4,5 при точке отсчета 1640 гц.

Эксперимент позволил также определить акустические признаки, позволяющие подразделить фрикативные согласные казахского языка на четыре группы:

1) свистящие /s, z/, которым присуще отношение РЧ—1:(1,1):1,5:2,2:(2,7):4,5:(4,9):6,3⁷;

2) шипящие /š, ž/, характеризующиеся отношением РЧ—1:(1,1):1,5:2,2:(2,4):2,7:(3,2):3,5:(3,8):4,5;

3) велярные /ɣ, x/ и фарингальный /h/; им присущи отношения РЧ—1:1,5:2,2:(3,2):3,5:4,5:(4,9):5,3:(6,3);

4) губно-зубные /f, v/; они характеризуются структурными соотношениями РЧ—1:1,5:(2,0):2,2:4,5:6,3.

Удалось установить в результате эксперимента также совпадения и расхождения характерных для фрикативных согласных значений резонансных частот (или формантных областей) с данными других исследователей (см. таблицу 1, в которой сопоставляются наши результаты спектрального анализа с данными Г. Фанта, М. А. Сапожкова, Р. Мегрелишвили, Л. В. Бондарко, И. Крендалла, Е. Тингауза):

а) поскольку фрикативные согласные образуются турбулентным источником — шумовым генератором, они характеризуются наличием высоких резонансных частот;

⁷ Члены отношений, заключенные в скобки, соответствуют значениям резонансных частот, близких к предыдущим или последующим. Эти члены нами не учитываются.

Таблица 1
Сопоставительная характеристика спектров фрикативных согласных по экспериментальным данным различных исследований

Фрикативные звуки	Наши данные	Г. Фант	М. А. Сапожков	Р. Мегрелишвили	Л. В. Бондарко	И. Крендалл	Е. Тингауз
Резонансные частоты (формантные области) в герцах.							
s	s = 1640—8750 s' = 1640—10300	s, s' = 6000—9000	s = 800—4000 s' = 1000—8000	5400—10100	s = 3500 и выше s ⁰ = 2500 и выше	270—4000—8000	180—1500 5500—8700
z	z = 200—9500 z' = 250—10300	z, z' = 5000—10000 z = 1100—8000 z' = F ₂ = 7400		100—7600	F ₁ = 500 F ₂ = 1100—1400 F ₃ = 2000—2500	240—2200 5600—7400	7400 и выше
ʒ	ʒ = 1640—7400 ʒ' = 1640—9500	F ₁ = 1600 F ₂ = 8000	ʒ = 300—6000 ʒ' = 300—2000	2200—6800	ʒ = 1000 и выше ʒ ⁰ = 7000—800	180—2200—5000	
ʒ	ʒ = 110—7400 ʒ' = 200—8050	F ₁ = 200—300 F ₂ = 2400—3200		100—7600		ʒha (dʒ) = 334—2600—4200	7400 и выше
x	1640—10300	F ₁ = 1800—4050 F ₂ = 8000	300—4000				
f	1640—11150	2400—7400 в расчетах спектров до 9000	f = 800—10000 f' = 400—8000	800—10100	f ⁰ = 1500 f' = 2000 f = 1000 и выше	300—3200 6400—7400	
v	300—10300	F ₁ = 500 F ₂ = 8000		100—6800		300—3000—3200	7400

б) средние резонансные частоты (1090, 1180, 1930, 2090 *гц*) встречаются, хотя и не так регулярно, в каждом спектре всех фрикативных согласных;

в) увеличение произносительной энергии, как показывают спектры фрикативных согласных, наблюдается в области средних и высоких частот;

г) звонкие фрикативные согласные казахского языка так же, как и других языков, характеризуются наличием частоты основного тона.

Близость полученных данных спектрального анализа с данными других авторов объясняется сходством артикуляции фрикативных согласных в различных языках. Совпадения особенно отчетливо видны при сравнении с данными Г. Фанта (см. табл. 1).

Сдвиги в спектральной динамике при анализе по резонансным частотам выступают яснее, чем при их рассмотрении по формантным областям. Преимущество методики анализа по РЧ, по сравнению с анализом по формантам⁸, состоит, во-первых, в том, что анализ по РЧ выявляет более тонкие спектральные различия между исследуемыми звуками. Во-вторых, принцип структурного анализа спектрограмм по резонансным частотам, то есть определение структуры их отношений, позволил нам выявить РЧ не только общие для всех фрикативных согласных, но и присущие отдельным группам согласных, а также каждую из РЧ в отдельности, несмотря на вариативность абсолютных значений некоторых составляющих. Этой возможностью не располагали исследователи, производившие формантный анализ спектров.

Интересно отметить, что некоторые авторы сами указывают на неточность анализа по формантным частотам; например, М. А. Сапожков пишет: «Ряд исследований показал неточность оценки большинства согласных звуков по формантным частотам»⁹.

Удалось обнаружить достаточную константность квазистационарной части спектров исследуемых звуков, независимо от позиции, то есть независимо от гласных, окружающих фрикативные согласные.

Пожалуй, следует отметить только некоторые изменения в устойчивой части спектра фрикативного согласного в соседстве с губными переднеязычными гласными. Но и в этом случае речь идет не о коренном изменении спектра, а лишь о появлении дополнительных РЧ в области низких, реже — высоких частот. Константность квазистационарной части спектров фрикативных согласных отмечена и в исследованиях других авторов.

Например, Л. В. Бондарко, произведя спектральный анализ фрикативных согласных русского языка при помощи сонографа «Видимая речь», приходит к выводу о том, что «...частотные характеристики согласного, несмотря на отмеченные колебания, никогда не бывают настолько разнообразны, чтобы можно было говорить о несопоставимости полученного от всех дикторов. Сравнение спектрограмм показывает, что и область максимальной концентрации в спектре согласного, и формантная структура гласного, и характеристики переходного участка от согласного к гласному во всех случаях однотипны. Индивидуальные отклонения вызывают лишь необходимость рассматри-

⁸ Разумеется, если под формантой понимать большую или меньшую по объему совокупность положенных рядом резонансных частот. Как известно, разные авторы по-разному определяют понятие «форманты».

⁹ М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи. М., 1963, стр. 265.

вать те или иные характеристики звуков на материале одного и того же диктора, но не ставят под сомнение типичность общего направления изменений»¹⁰.

В нашем эксперименте наблюдалась достаточная однозначность спектральных картин фрикативных согласных и у различных дикторов. При отборе дикторов для эксперимента соблюдались следующие принципы: а) отсутствие у дикторов каких-либо функциональных или органических дефектов речи; б) одинаковый уровень образования (в нашем случае все пять дикторов имеют филологическое образование); в) произнесения дикторов должны быть сходными между собой и находиться в соответствии с правилами орфоэпии современного казахского литературного языка.

Вероятно, строгое соблюдение этих принципов также в какой-то мере обусловило однозначность полученных результатов.

Вместе с тем не следует забывать, что в подаче экспериментального материала отдельными дикторами имеются и расхождения, даже в общей точке отсчета — 1640 гц. В некоторых случаях наблюдаются колебания в пределах 1090—1180 гц.

Однозначность, наличие общей тенденции в спектрах отдельных фрикативных согласных у всех дикторов позволили нам проанализировать произнесения всех пяти дикторов, топографически обобщив их спектрограммы.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПЕКТРОВ НЕКОТОРЫХ ФРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА И СПЕКТРОВ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СОГЛАСНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПО Г. ФАНТУ)

Спектр звука /s/. Спектр этого звука русского языка (в эксперименте участвовал один диктор) характеризуется Г. Фантом как высокочастотный с граничной частотой в 10000 гц. Зубная и преальвеолярная артикуляция этого звука порождает F_2 в области 1400—1800 гц¹¹, что совпадает с нашей РЧ=1640 гц.

По Г. Фанту, основная масса произносительной энергии звука /s/ сосредоточена в пределах 4000—10000 гц. Наши данные также говорят о том, что более интенсивные РЧ появляются именно в пределах 3670—11150 гц. Ср. табл. 2 и рисунки¹².

Таблица 2

Данные Г. Фанта	1500	2400	3100	4400	—	6800	—	8000	—	—
Наши данные ¹³	1640	2440	3670	4010	—	6250	—	8750	—	11150

¹⁰ Л. В. Бондарко. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. Докт. дисс. Л., 1968, стр. 86—87.

¹¹ См.: Г. Фант. Анализ и синтез речи. Новосибирск, 1970, стр. 113.

¹² Нумерация рисунков с данными Г. Фанта приводится по его книге «Акустическая теория речеобразования» (М., 1964, стр. 240—241): рис. 85 — /ia/, /i'a/, рис. 86 — /va/, /v'a/, рис. 87 — /sa/, /s'a/, рис. 88 — /za/, /z'a/, рис. 89 — /xa/, рис. 90 — /ša/, рис. 91 — /ž'a/. В таблицах даются приблизительные значения частот, взятые с указанных рисунков.

¹³ Приведены значения резонансных частот спектра /s/yz в произнесении третьего диктора.

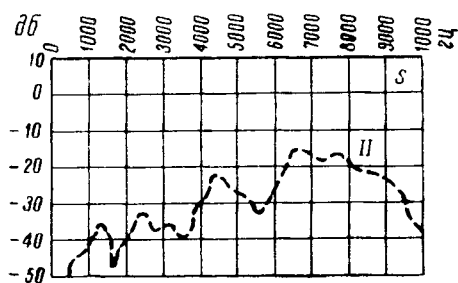
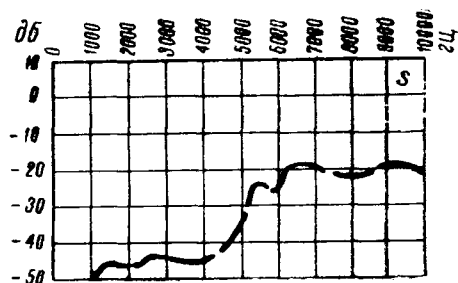

Рис. 87 (Г. Фант).

Наши данные.

Таким образом, сопоставление наших данных с данными Г. Фанта обнаруживает сходство спектров /s/ в основных характеризующих этот звук областях. Наблюдаются лишь незначительные отклонения в области низких резонансных частот, что, по-видимому, можно объяснить внеязыковыми факторами.

Спектр звука /z/. По Г. Фанту, спектры звонких фрикативных могут иметь очень широкий диапазон формантных областей (от F_0 до F_4), но с меньшей общеспектральной интенсивностью и с более низкой частотой F_0 , чем спектры глухих фрикативных¹⁴. Сходная картина наблюдается и в наших данных. Ср. табл. 3 и рисунки.

Таблица 3

Данные Г. Фанта	1100	2400	3500	4600	—	—	—	8000	—	—
Наши данные ¹⁵	1090 1640	2400	3670	4390	—	—	—	8750	—	—

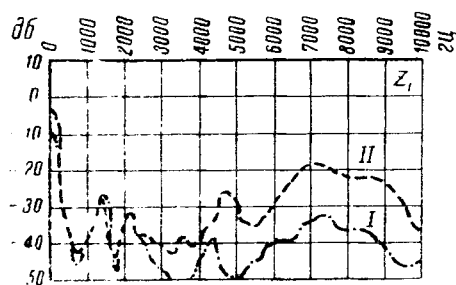
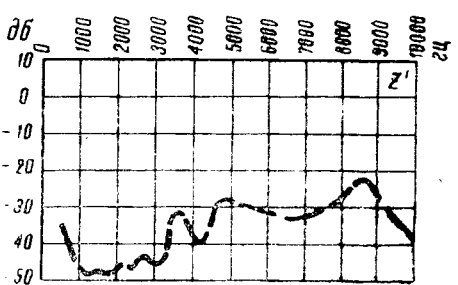

Рис. 88 (Г. Фант).

Наши данные.

Таблица показывает, что точного совпадения наших данных с данными Г. Фанта нет, однако можно с уверенностью говорить о сходстве спектральных характеристик звука /z/ в русском и казахском языках. Любопытно, что данные Г. Фанта для длительных зубных и нёбных фрикативных звуков, по свидетельству самого автора, хорошо сходятся с данными Хейнца¹⁶, исследовавшего английские фрикативные согласные.

¹⁴ Г. Фант. Анализ и синтез речи, стр. 112—113.

¹⁵ В таблице приведены значения РЧ спектра /z'/ в сочетании /z'/ör в произнесении пятого диктора.

¹⁶ J. M. Heinz. Fricative consonants. MIT Acoustics Lab. Quarterly Rep., April-June, 1 (1957).

Спектр звука /š/. Для артикуляции звука /š/, по Г. Фанту, характерно наличие резонатора относительно большого объема спереди от места артикуляции¹⁷. В связи с этим в спектре /š/ появляются отдельные форманты в более низких частотах, чем при артикуляции /s/. Аналогичная картина наблюдается и в спектрах звука /š/ в казахском языке. Верхние высокие резонансные частоты несколько сдвигаются в сторону средних резонансных частот. В результате этого верхний предел РЧ, за исключением нескольких случаев, не превышает 7400 гц.

По Г. Фанту, в спектре /š/ первая форманта появляется на частоте 1650 гц, вторая — между 2000—3000 гц, третья—4800 гц, четвертая — 5500—6000 гц, пятая — 8000 гц.

Ср. табл. 4 и рисунки.

Таблица 4

Данные Г. Фанта	1640	2500	—	4800	5600	—	—	8000	—	—
Наши данные ¹⁸	1640	2440	—	4390	5750	—	7400	—	—	—

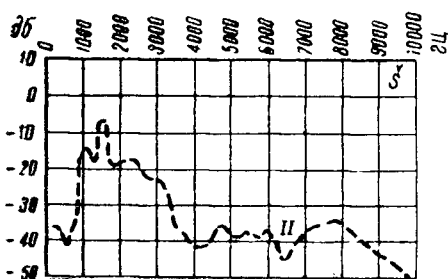
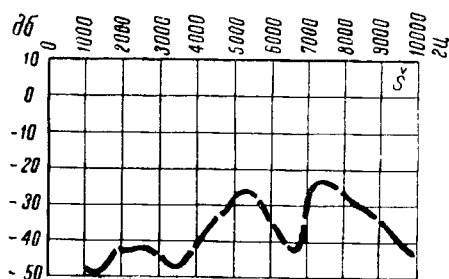

Рис. 90 (Г. Фант).

Наши данные.

По нашим данным, спектр звука /š/ в сочетании /š/ŭт характеризуется теми же областями концентрации максимальной произносительной энергии.

Спектр звука /ž/. Сопоставление полученных в нашем исследовании резонансных частот спектров /ž/ с данными Г. Фанта свидетельствует о большом сходстве спектров /ž/ в русском и казахском языках. В спектре звука /ž/, по Г. Фанту, прежде всего выделяется основной тон частотой около 200 гц. В сопоставляемом спектре звука /ž/ в сочетании /ž/ŭк' казахского языка, по нашим данным в произнесении второго диктора, основной тон расположен в частотном интервале 110—350 гц. Максимальное значение первой форманты (РЧ) в спектре /ž/, по Г. Фанту, равно 1500 гц (в нашем исследовании — 1640 гц), второй — 2400 гц (2440), третьей — 3400 гц (3670), четвертой — 4500 гц (4390), пятой — 6000 гц (7400), шестой — 7400 гц.

¹⁷ Г. Фант. Анализ и синтез речи, стр. 112.

¹⁸ Приведены значения РЧ спектра /š/ŭт в произнесении пятого диктора.

Ср. табл. 5 и рисунки.

Таблица 5

Данные Г. Фанта	1500	2400	3400	4500	—	6000	7400	—	—	—
Наши данные	1640	2440	3670	—	—	6250	7400	—	—	—

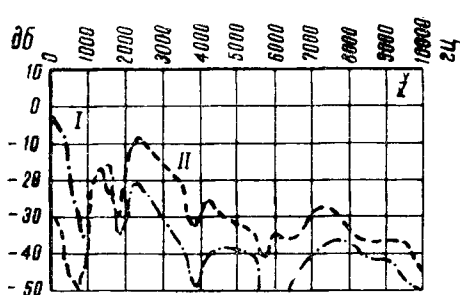
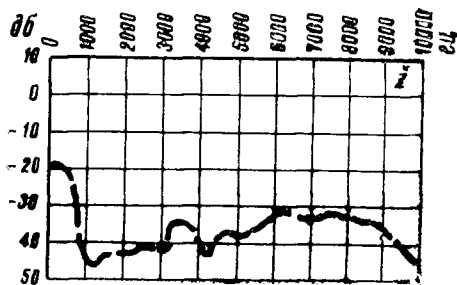

Рис. 91 (Г. Фант).

Наши данные.

Спектр звука /f/. По Г. Фанту, «шумовой спектр фрикативного /f/ очень гладкий и имеет низкую интенсивность. Он обычно ограничивается частотами от 1500 *гц* до верхнего предела в 10 *кгц*»¹⁹. Эта характеристика звука /f/ близка к нашим данным.

В спектрограмме Г. Фанта в области низких частот появляется частота, равная основному тону, чего не наблюдалось в наших спектрах звука /f/. Максимальное значение амплитуды интенсивности первой форманты, по Г. Фанту, равно 1650 *гц*, второй — 2400 *гц*, третьей — 3400 *гц*, четвертой — 4000 *гц*, пятой — 5000 *гц*, шестой — 6400 *гц*, седьмой — 8300 *гц*.

Ср. табл. 6 и рисунки.

Таблица 6

Данные Г. Фанта	100	1650	2400	3400	4000	5000	6400	—	8300	—	—
Наши данные ²⁰	—	1640	2260	3370	—	5270	6800	—	8050	—	10300

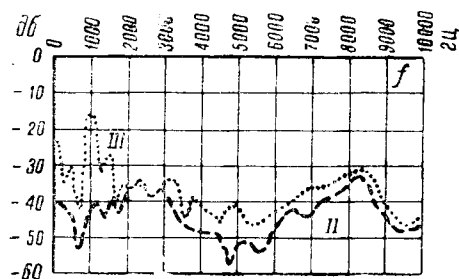
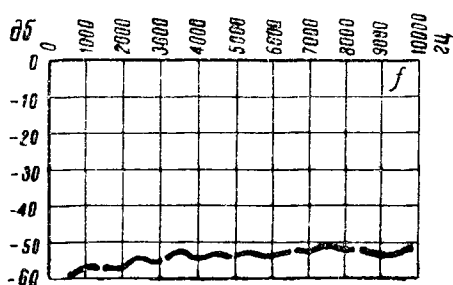

Рис. 85 (Г. Фант).

Наши данные.

¹⁹ Г. Фант. Анализ и синтез речи, стр. 112.

²⁰ Приведены значения РЧ спектра /f/ason в произнесении третьего диктора.

По нашим данным, в спектре /f/ не наблюдается четвертая по порядку резонансная частота, равная, по Г. Фанту, 4000 гц. Зато в области высоких частот появляется РЧ=10300 гц, отсутствующая в спектре звука /i/, по Г. Фанту.

Спектр звука /v/. «Для идентификации фонемы,—пишет Г. Фант,—также, по-видимому, решающим моментом является голосовой источник... Удаление шумовой компоненты сказывается больше на натуральности, чем на разборчивости этого звука.

Однако из структурно-типологических соображений все же следует считать /i/ и /v/ минимальной парой»²¹.

Сопоставление спектров звука /v/ со спектрами, полученными Г. Фантом, говорит прежде всего о совпадении количества РЧ (по пяти). Совпадают также и места расположения некоторых РЧ. Первая РЧ звука /v/, по Г. Фанту, находится в области 700—800 гц, в нашем же исследовании она равна 1640 гц. Вторые РЧ, по данным Г. Фанта и по нашим данным, почти совпадают — 2200 и 2400 гц. Третья РЧ звука /v/, по нашим данным, сдвинута в сторону более высоких частот (3670 гц) по сравнению с данными спектра /v/ по Г. Фанту (3000 гц). Четвертая РЧ спектра /v/, по Г. Фанту, равна 6000 гц, а по нашим данным — 7400 гц. Пятая РЧ звука /v/, по Г. Фанту, находится в полосе частот от 8000 до 8200 гц; по нашим данным, она равна 9500 гц.

Ср. табл. 7 и рисунки.

Таблица 7

Данные Г. Фанта	700—800	2200	3000	—	—	6000	—	8200	—	—
Наши данные ²²	110	2400	3670	—	—	—	7400	—	9500	—

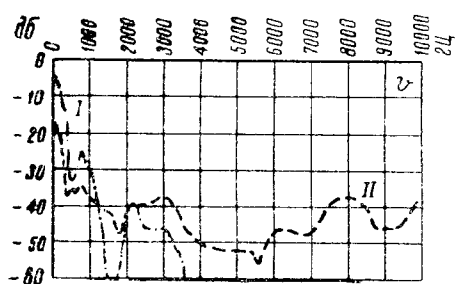
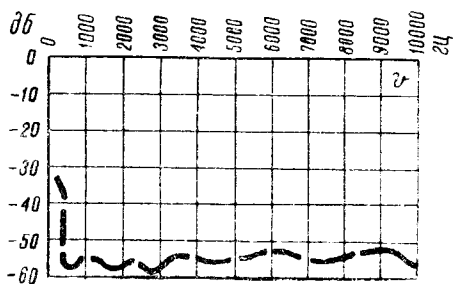

Рис. 86 (Г. Фант).

Наши данные.

Спектр звука /x/. По Г. Фанту²³, наиболее интенсивные максимумы произносительной энергии в спектре русского /x/ расположены в области 1400—3600 гц. Область же шумовых составляющих, то есть высоких частот, менее интенсивна.

Наши же данные обнаруживают в спектре казахского /x/ обратную картину. Начиная с РЧ=1640 гц до РЧ=7400 гц максимумы их энергии постепенно растут. В то же время энергия граничной РЧ=9500 гц не-

²¹ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования, стр. 195.

²² Приведены значения РЧ спектра /v/агоп в произнесении первого диктора.

²³ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования, стр. 240—241.

сколько понижается. Первая форманта звука /х/, по Г. Фанту, равна 1400 гц, а по нашим данным, первая РЧ равна 1640 гц.

Ср. табл. 8 и рисунки.

Таблица 8

Данные Г. Фанта	1400	2200 2600	3000 3600	4800	—	—	—	8000	—	—
Наши данные ²⁴	1640	—	3670	4390	5750	—	7400	—	9500	—

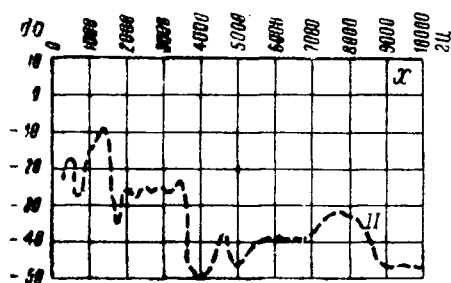
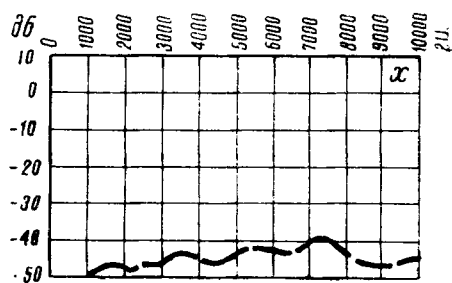

Рис. 89 (Г. Фант).

Наши данные.

Таким образом, проведенный нами эксперимент позволил, в частности, определить общие, групповые и индивидуальные спектральные характеристики фрикативных согласных, установить наличие вполне константных квазистационарных участков в их спектре (независимо от позиционных условий), а также влияние на них соседних гласных в позициях СГ, ГСГ, ГС.

В заключение хотелось бы отметить необходимость проведения специального изучения артикуляции звуков казахского языка, в том числе и фрикативных согласных. Это внесло бы дальнейшие необходимые уточнения в исследуемую проблему.

²⁴ Приведены значения РЧ спектра /х/ат в произнесении первого диктора.

Э. А. УМАРОВ

НОВОНАЙДЕННЫЙ СЛОВАРЬ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НАВОИ

Начиная с XVI века поэтические произведения Алишера Навои получили особенно широкое распространение как среди тюркоязычных, так и среди персоязычных народов. Это повлекло за собой появление большого числа тюркско-персидских словарей, облегчающих понимание произведений великого поэта. К числу таких словарей относятся «Абушка», «Чагатайско-персидский словарь» Фазлуллахана, «Бадаи-ал-лугат» Та-ли Имани Гератского, словарь Фатх Алихана Каджарского, «Санглях» Мехдихана и др. Некоторые из этих словарей уже давно исследованы, другие ждут своих исследователей.

Узбекский ученый А. Мадаминов обнаружил остававшийся до последнего времени неизвестным тюркско-персидский словарь в стихах «Нисоби Навоий». Словарь размещен на полях рукописи «Хамсы» Алишера Навои, переписанной неизвестным каллиграфом в 1571 году (стр. 202б, 203а, 203б)¹. По-видимому, автор составил его для облегчения понимания текста произведения поэта. Судя по палеографическим данным, словарь написан намного позже самого текста «Хамсы», почерком *наста'лик*, причем довольно небрежно. Однако совершенно очевидно, что автор словаря был образованным человеком, хорошо знавшим персидский и староузбекский языки.

Составитель словаря приводит на персидском языке точные и квалифицированные пояснения староузбекских слов. Стремясь быть лаконичным, он каждое староузбекское слово передает персидским эквивалентом, например: *ilik'*—*däst*. В тех же случаях, когда эквивалент не удается отыскать, дается описательный перевод: *bu'ra* — *gavu k'öhi*. Для соединения текста в единое целое автор использует связку *äst*, глаголы *amädän* и *šudän*.

Ниже воспроизводится полный текст словаря в транскрипции.

Позволим себе сделать несколько замечаний к тексту словаря. В связи с отсутствием некоторых рифм можно предположить, что строки 16, 18, 54 и 56 опущены. Плохая сохранность рукописи не позволяет прочесть некоторые слова; последние заменены в тексте многоточием (строки 14, 62, 66, 71, 72, 75). После слов, неясных по смыслу, поставлен в скобках вопросительный знак. Слово *šic'uk* почему-то записано автором в форме *šik'šuk*. Слово *yämz* им ошибочно определяется как тюркское и сопровождается персидским соответствием *padani* 'невежество'. Есть все основания полагать, что в строке 47 должно быть сло-

¹ Хранится в рукописном фонде Музея литературы им. Алишера Навои Академии наук Узбекской ССР.

во як 'один'. В строке 58 неправильно написан синоним слова ādāb — jūk'ūtmāk', у Навои — jūk'ūnmāk'. К словам jan'uliy и mundak (строки 22 и 23) в качестве персидского эквивалента дается in'cinin, между тем как первому из них больше соответствовало бы персидское šabīx.

NISOBİ NAVOI

1. Telbā devanāu čučuk širin
2. Tučtayan āst k'asāi čubin
3. Tegrā ātraf yāmz nadani
4. Meng xal āst ajnāk' (?) pešani
5. Sarmra nam čun ujat amād
6. Baz mani zud bat amād
7. Kōryon kalāvu ilik' šud dāst
8. Bijik' amād bālāndu kuji pāst
9. Ōra (?) kāvam šud, singil hahār
10. Jaš šud bāčāu jatliy duxtār
11. Kājn (?) šuk'ufa āst, kōzalan yāvya
12. Ulk'u bangi sāg āst, dadān āda
13. K'ešu asib, ātlāsu — deba
14. āst, emgāk' āst žāfa
15. Jandi gārdid šudu sōnar dāraz
16.
17. Ōzāni amād māk'an, k'ōb bisjar
18.
19. Šud tāyaful ujalā, pānbāh jurun
20. K'in kāzau kan šud xun
21. Pānba amād mamuy, kujaš xuršid
22. Jan'uliy amād čunin, ārman umid
23. Mundak amād čunin, tang āžāb
24. Bārast šud nami čāmān, tun šud šāb
25. Šud kujūn girdibadu zindā tirik'
26. Čun ölük' murdāu durušt — usruk'
27. Aka dadār šudu, šarik' örtak
28. On'čunon āndaku un'čunin mundak
29. Jūbar amād firistu tartdi k'āšid
30. Jandi bārgāšt āst, sōrdi māk'id
31. Asru bisjar gāštu usruk' māst
32. Örtādi söxt gāštu bardur xāst
33. Tölu purgāštu barčā xāst hāmā
34. Māvž k'ölak'u k'āštānāst k'ama
35. Tugān amād girihi tugān šud day
36. Jarumak rāvšānijū k'ōh šud tay
37. At šud namu jat beganā
38. Ču buzuy gāšt nami vājranā
39. Bangzād čarlādi, k'ujdi söxt
40. Bitdi šud nāvištu tik'di dōxt
41. Katiy amād ču sāxtu fel kiliy
42. Ja k'āman amād suvar atliy
43. Šud kārakči hārami, tevā šutur
44. Ču xāčr ušturu duly šud pur
45. Muldur amād billuru tālx — āččiγ
46. K'eng amād fārahu zārd — sariγ
47. Čun du k'ās šud ikkavu (jak) šud biraw
48. Čar k'ās tōrtavu se k'ās šud učav
49. Ald pešu bārabār āst — ötru
50. Jiylāmak girjāu xāndā šud k'ulgu
51. Šāpok amād māgas teri šud pōst
52. Gōspānd āst kuju bōz ečkōst
53. Čun bōri gurk' šudu sigon — bašak
54.
55. Šud ušak rezā jašurun — pinhan
56.
57. Čun jilan mar šudu čajan ākrāb
58. Tapuk āst digār juk'unmāk' ādāb
59. Ank'ābut āst baz örgamči
60. K'utvol āst baz kōryanči
61. Sārkut baz nimxördā šinas
62. Jn'čunin nest bōjla emās.
63. Telmurub bakti xirā k'ard nigah
64. Xan ču šah amādu čerik' sipah
65. Ustuxan šud sōngāk'u burun āvvāl
66. Čun bārī karu žādāl
67. Ičk'ar šud dārun berun šud taš
68. Xāst pājvandu sang taš, ulaš
69. Kāvya dālv āstu reša šud kārniš(?)
70. Ayiz amād dāhanu dāndan — tiš
71. Bārgi jābrayū matuy
72. nāvķ'ārāst tapuy
73. Jazuy amād gunahu elāk' bānd
74. Jalyan šud duruyū uyul fārzānd
75. Buγa gavu k'ōhi lāli
76. Jūkari šud sirištu uluy šud k'ālan.

Ж. КАКУК

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕНГРИИ

Широкое развитие тюркологических исследований в Венгрии обусловлено историческими связями венгерского и тюркоязычных народов. В рамках общей проблемы урало-алтайского языкового родства важное место занимает вопрос языковых связей тюрков с уграми.

Венгерско-тюркские экономические и культурные контакты берут свое начало в V веке н. э. Развиваясь на протяжении многих столетий, претерпевая изменения на различных исторических этапах, они сохранились до наших дней.

Эти контакты, зародившиеся в период, когда венгерский народ только обретал свою государственность, оказали значительное влияние на общественную, культурную жизнь и язык предков современных венгров. Связи тюркоязычных народов с венграми, поселившимися в конце IX в. в Карпатском бассейне, продолжались и после прихода на территорию современной Венгрии в XI в. узов и печенегов, а в XIII в. — куманов и калызов. С XVI в. в течение 150 лет часть Венгрии находилась под властью османских турок, что также повлияло на культуру и язык страны.

Все это обусловило относительно раннее (XVI в.) появление в Венгрии первых тюркологических исследований. Тюркология стала ядром венгерского востоковедения, в круг интересов которого в последующем вошли монгольский, тунгусо-маньчжурские, тибетский, китайский, осетинский, арабский, персидский, армянский и другие языки.

В центре внимания венгерских тюркологов всегда стояли проблемы венгерско-тюркских языковых связей. Венгерские ученые и сегодня считают своей основной задачей исследование тюркологических проблем в свете истории Венгрии. Разумеется, решить эти проблемы можно только привлекая результаты тюркологических исследований, проводимых и в других странах.

Проблемы венгерской тюркологии были изложены Ю. Неметом в 1963—1964 гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания»¹. Предлагаемый обзор охватывает исследования, проводившиеся венгерскими тюркологами в последующее десятилетие.

1. ТЮРКО-ВЕНГЕРСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как известно, на протяжении четырех веков (середина V—конец IX в.) венгерские этнические группы, выделившиеся ранее из угорских племен, жили в окружении тюркоязычных и других кочевых или полукочевых племен на территории, расположенной к северу от Кавказа. Вен-

гры поддерживали экономические отношения с тюркоязычными народами, входившими в состав Западного тюркского, Булгарского и Хазарского царств. История венгерского народа тесно связана с историей тюркоязычных народов и не может быть до конца изучена и понята в отрыве от нее.

1. Исторический фон. Первые сведения о происхождении хуннов, огузов, аваров, булгар, хазар и других народов, сменявших друг друга в Восточной Европе на различных этапах исторического развития, содержатся в китайских и византийских источниках, создававшихся на двух крайних полюсах движения кочевых народов. Это движение зарождалось на Востоке, близ Китая, и докатывалось до восточноевропейских территорий и Византии.

Венгерские исследователи часто обращаются к данным китайских источников, содержащих ценные сведения о взаимосвязях китайцев с восточноевропейскими народами. Большую роль в культурном развитии среднеазиатских кочевых народов сыграло иранское влияние, исследование которого имеет решающее значение для правильного понимания истории культуры этих народов².

Сведения о различных тюркоязычных племенах начинают появляться в византийских источниках начиная с V в. Эти сведения отлично использовал Д. Моравчик в своей широко известной книге «Byzantino — Turcica». В этом ценном труде собраны и скомпонованы результаты исследований автора, проводившихся на протяжении пятидесяти лет. Следует отметить также работы Д. Моравчика о византийско-венгерских связях, в которых также содержатся интересные сведения об отношениях между Византией и тюрками³.

Сведения по ранней истории Венгрии и венгерско-тюркских связях содержатся в ряде мусульманских источников. К. Цегледи в своих работах пользуется комплексным методом, сопоставляя данные западных источников с византийскими, а также сирийскими, арабскими, иранскими, греческими, латинскими, еврейскими, армянскими и другими. Такое сопоставление проливает свет на целый ряд спорных вопросов: связь между европейскими и азиатскими хуннами, происхождение огузов, аваров, калызов, хазар⁴. Особое внимание К. Цегледи уделяет хазарам, игравшим наиболее значительную роль в жизни и истории венгерских племен. Под руководством ученого кафедры арабских языков Будапештского университета готовится новое издание мусульманских источников.

Большой интерес для истории венгров представляют *Magna Hungaria* и их пребывание в Башкирии. Хотя эти проблемы по сей день еще окончательно не решены, исследования Л. Лигети, Л. Рашони и Ю. Немета сделали немало в этом направлении. Л. Рашони высказал мысль, например, что ряд башкирских гидронимов имеет венгерское происхождение; Л. Лигети обнаружил среди названий венгерских племен, существовавших в монгольский период, этноним *başyird*; Ю. Немет установил, что число совпадающих названий венгерских и башкирских племен доходит до пяти. Не меньший интерес представляет вопрос совпадения названий *tağyag* и *mişer*. Нет сомнения в том, что все эти проблемы могут быть разрешены на основе данных древнерусских источников⁵.

2. Экономическое, политическое, культурное влияние. Известно, что в Европе венгров, появившихся здесь в IX веке, относили к тюркским народам. Это объясняется тем, что метод ведения хозяйства, общественные отношения, военная организация, характерные черты духовной и материальной культуры имели соответственно много общего с тем же у кочевых или полукочевых тюркских племен.

Целый ряд исследований в венгерской тюркологии посвящен изучению влияния тюркских народностей на формирование живших в их окружении венгерских этнических групп. На этот вопрос проливает свет изучение конкретных исторических условий. Причем при отсутствии или недостаточности данных в этой области могут быть использованы соответствующие сведения о народах, находившихся в тот период в аналогичных исторических условиях. Так, например, в тюркских надписях можно найти соответствия ранним формам многочисленных венгерских личных имен, титулов, названий племен. В уйгурских же древних юридических документах можно найти сведения, характеризующие особенности общественного уклада народа, обладавшего развитой культурой. Древние тюркские заимствования в венгерском языке свидетельствуют о том, что тюркоязычные племена той далекой эпохи применяли сельскохозяйственные орудия, занимались скотоводством. Картину жизни хазар — одного из этих племен — воссоздает в своих работах А. Барта, использовавший в своих выводах результаты археологических изысканий⁶.

На основе подобного комплексного исследования написана статья, посвященная военной терминологии номадов среднеазиатских степей, а именно — названиям оружия и конской упряжи. В статье дана новая периодизация военной истории кочевых племен, а также прослежена история появления у них лука, стрел, седла и стремени⁷.

По всей вероятности, значительным событием в венгерской тюркологии явится издание исследований Ю. Немета об организационной структуре тюркских и венгерских племен, а также выход в свет новой редакции его основного труда: «Формирование венгров, обретших родину» (Будапешт, 1930). Готовится к изданию работа Д. Ласло по истории раннего венгерского общества, в которой использованы также данные, полученные советской археологией.

Убедительным свидетельством влияния культуры тюркских народов на венгерскую культуру являются сохранившиеся до нашего времени рунические венгерские надписи, исследование которых является важнейшей задачей наших тюркологов. Сравнительно недавно были обнаружены новые надписи в городе Надь-Сент-Миклош и предпринята попытка их расшифровки как памятников древнего венгерского языка. Поэтому понятен тот большой интерес, с которым венгерские тюркологи следят за открытиями новых письменных памятников в Монголии и Советском Союзе. Для выяснения происхождения венгерских рунических письменных памятников особое значение имеют находки на территории бывшего Хазарского каганата, ибо, как предполагают, именно здесь далекие предки венгров усвоили рунику. В планах венгерских тюркологов — дальнейшее исследование и сопоставительное изучение тюркской руники в венгерских, а также в восточноевропейских и западносреднеазиатских письменных памятниках⁸.

Необходимо упомянуть исследование еще одной специальной области ранней истории венгерского народа, тесно связанной и с тюркологией, а именно — изучение памятников древних верований венгров и шаманства. Венгерский ученый В. Дюсеги в результате многолетней работы обнаружил и убедительно доказал совпадение многих элементов древних верований венгров и народностей Сибири. В своих исследованиях он использовал фольклорные материалы народов Монголии и Сибири⁹.

3. Древнетюркские заимствования в венгерском языке. Изучение тюркских заимствований в венгерском языке, относящихся к тому времени, когда венгры еще не обрели свою современную родину, является тра-

диционной областью венгерской тюркологии. Работы, посвященные этой проблеме, представляют несомненный интерес и имеют важное значение для всей мировой тюркологической науки.

Наиболее ранние венгерские письменные памятники, датированные XI веком, носят фрагментарный характер, и лишь с конца XII в. сохранились письменные памятники со связными текстами. Тюркские же слова заимствовались венгерским языком еще в VI—IX вв. и, таким образом, являются единственными «свидетелями» эпохи, предшествовавшей обретению венграми родины и формирования венгерского языка, ибо этот период является недостижимым для финно-угорского сравнительного языкознания, а письменные памятники того времени не сохранились. Эти заимствования отражают также лексику западных древнетюркских языков, письменные памятники которых также не дошли до нас.

После выхода в свет в 1912 г. обстоятельной монографии З. Гомбоца¹⁰ новые обобщающие труды по этой теме в последующие десятилетия не появлялись, несмотря на большое количество накопленных материалов. В настоящее время венгерские тюркологи приступили к этой работе.

Одновременно в венгерских периодических языковедческих изданиях регулярно печатаются статьи по этимологии тюркских лексических заимствований, а также по общим вопросам этой проблемы. Г. Барци исследует фонетические изменения тюркских заимствований в процессе усвоения их венгерским языком; Л. Лигети анализирует эти заимствования на общем алтайском и тюркском лингвистическом фоне; Ю. Немет изучает названия племен и культурно-исторические связи; М. К. Палло исследует главным образом глагольные заимствования; Е. Мор прослеживает связи с кавказско-иранскими языками. Отрадно, что молодые венгерские ученые-тюркологи также включились в разработку этой проблемы¹¹.

В последние годы вышли из печати первые два тома историко-этимологического словаря венгерского языка и словарь финно-угорских лексических элементов в венгерском языке¹². В последнем среди слов с сомнительным финно-угорским происхождением немало таких, которые можно предположительно, однако с большим основанием, отнести к древнетюркским заимствованиям. Словарь предлагает исследователям богатый материал, характеризующий отношения финно-угорских и тюркоязычных народностей. Два тома историко-этимологического словаря содержат свыше двухсот слов явно или условно тюркского происхождения. Специфика словаря не позволяет подробно останавливаться на тюркской этимологии этих слов, но несмотря на это, указанное издание имеет важное значение и в этом отношении, поскольку словарь создан на основе обширной специальной литературы, начиная с известных работ З. Гомбоца и кончая новейшими тюркологическими исследованиями, появившимися как в Венгрии, так и за рубежом.

Хотя в последних работах венгерских тюркологов, посвященных монголо-чувашиским языковым связям и болгарским надписям Поволжья, и не отводится места собственным исследованиям древних тюркских лексических заимствований в венгерском языке, однако эти работы немало способствуют изучению данного вопроса. Фонетические противоречия, обнаруживаемые в заимствованных словах, находят объяснение в истории развития болгарского и чувашского языков¹³.

II. ДРЕВНИЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Выше уже говорилось нами об огромном значении для постижения ранней истории венгерского народа глубокого знания истории древних тюркских народов и их письменных памятников. Особенно важно с этой

точки зрения изучение письменных памятников древнетюркского языка, во многом способствующее выяснению общественно-политической структуры, характерной для венгерских племен того времени, а также болгарских надписей Поволжья, дающих представление о тюркском языке чувашского типа, из которого была заимствована венгерским языком большая часть древних тюркских слов.

Венгерскими тюркологами изучаются также древнеуйгурский, хорезмийский языки и армяно-кыпчакские письменные памятники.

Первым венгерским исследователем древнеуйгурского языка был А. Вамбери. В наши дни в рамках сотрудничества между академиями наук ГДР и Венгрии венгерские тюркологи принимают участие в обработке еще не изданной полностью берлинской коллекции «Тюркских Турфанских текстов». Помимо уже частично опубликованных буддийских памятников¹⁴ наши исследователи подготовили к печати некоторые уйгурские письменные памятники ламаистского содержания.

Вышла в свет серия монографий, посвященных официальным документам и китайско-уйгурским глоссариям школы переводчиков эпохи Мин¹⁵. В этих глоссариях уйгурские слова представлены также в китайской транскрипции, более точно отражающей фонетические особенности слов. Изучение материала глоссариев в настоящее время продолжается.

Одному из памятников хорезмийского языка — переводу поэмы «Гулистан» Саади, выполненному Сейфом Сараи (XIV в.), — посвящена монография А. Бодроглигети, основу которой составляет подробная обработка словарного состава памятника. В ряде статей рассматриваются отдельные вопросы лексики и грамматики памятников хорезмийского и мамелюкско-кыпчакского языков (XIII—XVI вв.)¹⁶.

Для изучения кыпчакских племен, живших на территории Венгрии, важное значение имеет наряду с мамелюкско-кыпчакским и армяно-кыпчакский язык. Армянская транскрипция, в которой записаны кыпчакские тексты, позволяет лучше и точнее их фонетически интерпретировать. Язык армяно-кыпчакских письменных памятников представляет собой переходную ступень между языком «Codex Cumanicus» и современным татарским. В то же время эти памятники представляют собой ценные исторические источники об армянах и их взаимоотношениях с тюрками. Наибольшую важность представляет издание отрывка из Каменецкой хроники¹⁷.

Венгерские тюркологи (Г. Кун, Ю. Немец, Д. Дьерфи) уже много лет проявляют интерес к литературным и языковым особенностям «Codex Cumanicus». В своей недавно опубликованной работе, посвященной этому памятнику, А. Бодроглигети при анализе его персидского языкового материала использует сравнительно-исторический метод¹⁸.

III. КЫПЧАКСКО-ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА В ВЕНГРИИ

Венгры еще в период миграции были связаны с кыпчакско-тюркскими племенами. Общеизвестно, что переселение венгров на ныне занимаемую ими территорию было вызвано набегами печенегов, вытеснивших венгерские племена из Этелькезы. Постоянная вражда между печенегами и их соседями в X—XI вв. привела к раздробленности печенежских племен, часть которых также переселилась на территорию современной Венгрии. К концу XII в. печенеги уже полностью слились с ранее расселившимися здесь венграми. На этот процесс, в частности, указывают большей частью сохранившиеся до наших дней личные имена и топонимы. Так, среди венгерских топонимов на территории, в отдаленные времена заселенной печенегами, встречается и топоним Besenjö 'печенег'. Исследование исто-

рии и языка этих переселившихся печенегов является одной из важных задач венгерской тюркологии¹⁹.

Другая кыпчакско-тюркская народность—куманы (половцы) сыграла намного более значительную роль в венгерской истории. Когда в 1223 г. монголы разгромили объединившихся русских и половцев, западные половецкие племена вошли в состав венгерского королевства и приняли христианство. Однако вскоре они вновь отделились от Венгрии. После татарского нашествия эти племена по инициативе венгерского короля вторично присоединились к Венгрии и поселились на территории между Дунаем и Тиссой, а также за Тиссой. Половцы сыграли большую роль в укреплении венгерского войска. В XIV—XV вв. они окончательно перешли к оседлому образу жизни и стали заниматься земледелием. Половцы, так же как и яссы, переселившиеся одновременно с ними в Венгрию, продолжали пользоваться предоставленными им привилегиями вплоть до XIX в. Они сохраняли свой родной язык, по всей видимости, вплоть до XV в., а затем стали постепенно утрачивать его и полностью ассимилировались. Однако по сей день обнаруживаются у их потомков этнические особенности половцев, реликты их языка сохранились в личных именах, топонимах, заимствованных словах, диалектизмах. Сохранились также и некоторые письменные памятники их языка, дошедшие до нас, правда, в искаженном виде.

Среди работ, посвященных данной проблеме, наряду с известными западноевропейскими и восточными имеется целый ряд ценнейших исследований русских и советских ученых, ранее нашими тюркологами не использовавшихся²⁰.

В большинстве случаев куманские заимствования в венгерском языке невозможно отделить от слов, вошедших в венгерский язык в более раннюю эпоху. Лишь в некоторых случаях удается использовать тот или иной фонетический или культурно-исторический критерий, позволяющий провести такую дифференциацию. В историко-этимологическом словаре венгерского языка этот факт всегда отмечается особо.

Венгерский диалект, на котором говорят современные куманы, сохранил немало черт куманского языка. Они обнаруживаются главным образом в лексических пластах, особенно тесно связанных с прежним образом их жизни и подвергшихся наименьшим изменениям в процессе исторического развития, в частности, в названиях животных и растений. Поэтому перспективной является инициатива молодых венгерских исследователей по систематическому сбору исконно куманских личных имен и топонимов на территории между Надькуншага и Кишкуншага²¹.

Наиболее значительным куманским письменным памятником в Венгрии является куманский текст молитвы «Отче наш». Проблема его происхождения до сих пор еще не решена, хотя исследования и ведутся. В последнее время удалось записать поговорки, на первый взгляд совершенно лишенные смысла. Не исключено, что они восходят к древним куманским поговоркам, полным характерной для этого фольклорного жанра народной мудрости.

В венгерской истории сыграла заметную, хотя и менее значительную роль третья кыпчакско-тюркская этническая группа — крымские татары. Крымское ханство, входившее в состав Османской империи в XVI—XVII вв., не раз выступало на стороне турок в войнах против венгров. Вторжения крымских татар могли иметь следствием и определенное языковое влияние: некоторые венгерские слова, ранее считавшиеся заимствованными в XVI—XVII вв. из турецкого языка, на самом деле имеют татарское происхождение. Этот вопрос продолжает изучаться.

IV. ТУРКИ В ВЕНГРИИ

Агрессивная политика Турецкой империи в XV—XVII вв. заметно сказалась на истории Венгерского государства. Завоевав Балканы, турки вторглись и в Венгрию, захватив центральную часть страны на целых полтора столетия (Будинский вилайет турецкой империи) и навязав восточной части, Трансильвании, вассальную зависимость. Именно к этому периоду, можно сказать, и относится зарождение венгерской тюркологии. Сложившаяся историческая ситуация требовала практического знания турецкого языка, которым в то время многие в Венгрии владели. Тогда же стали создаваться первые турецкие словари, грамматики и т. п.

1. Исследования по истории языка. Благодаря венгерской орфографии недостаток турецких письменных памятников, записанных арабской графикой, не воспроизводящей гласных, был устранен в тех из них, которые были транскрибированы посредством венгерской графики. Немаловажное значение имеет и то, что система гласных фонем венгерского языка близка к турецкой (отсутствует лишь велярный звук *i*), гармония гласных и ассимиляция являются характерными и для венгерской фонетики, и т. д. Таким образом, турецкие письменные памятники, транскрибированные при помощи венгерской графики, дают наиболее верную картину звуковой системы турецкого языка. Добавим, что в венгерском языке XVI—XVII вв. имелось около восьмисот широкоупотребительных турецких слов, зафиксированных в венгерских памятниках того же периода. Кроме того, в венгерских источниках зафиксировано около восьмисот ограниченно употреблявшихся турецких просторечных слов, личных имен и топонимов. Все это позволяет воссоздать основные черты турецкого языка XVI—XVII вв.²²

В числе первых европейцев, записывавших венгерским алфавитом турецкие тексты, были: переводчик Мурад (настоящая фамилия его не дошла до нас, но известно, что он был венгром), Б. Георгиевич, венгросербского происхождения, Балинт Балаши, первый великий венгерский поэт, переводивший турецкие стихи на венгерский язык и сам написавший несколько стихотворений на турецком языке. Не так давно были подготовлены к печати и изданы два объемистых труда XVII в.: *Dictionarium turcico-latinum* (Viennae, 1668) Миклоша Иллешхази и *Colloquia familiaria Turcico Latina, seu status turcicus loquens* (Coloniae Branderburgicae, 1672) — Йакаба Харшани Надь.²³ Последняя работа особенно ценна тем, что написана на боснийско-турецком (балкано-турецком) языке и в ней представлен богатый исходный материал для исследования истории тюркских диалектов на Балканах. Не менее важна она и для изучения турецких лексических заимствований в венгерском языке, так как непосредственным источником этих заимствований служил язык не азиатских турок, а балканских тюркоязычных этнических групп и славян, принявших ислам. В специальном корпусе, включающем турецкие элементы в венгерском языке, использованы материалы из вышеназванных изданий и предпринята попытка определить фонетические особенности среднетурецкого языка на основе венгерских элементов и турецких заимствований в балканских языках.²³

Письменные памятники армянского языка также создают возможность фонетически реконструировать турецкие тексты. В настоящее время венгерские ученые изучают относительно поздние памятники, написанные кириллицей, и турецкую грамматику, составленную на латинском языке итальянским автором в XVII в. Ценные данные о языке XVII—XVIII вв. содержит турецкий словарь неизвестного исфаханского автора.²⁴

2. Исторические исследования. В период турецкого господства часть Венгрии, как уже отмечалось, входила в состав турецкой империи и имела соответствующую систему государственного управления. Здесь действовали турецкие административные и хозяйственные органы, делопроизводство велось так же, как и в любой другой провинции империи. Эти материалы делопроизводства, административная переписка и документация представляют особенную ценность, ибо сохранившиеся венгерские источники, относящиеся к той же эпохе, весьма немногочисленны. Историческая ценность указанных памятников была осознана еще в прошлом веке, и венгерские ученые тогда же приступили к их собиранию и изданию. Работа в этом направлении велась довольно успешно, чему во многом способствовала разработка Л. Фекете методических основ ее осуществления. В настоящее время готовится к печати его труд, посвященный персидской палеографии. Важную работу, начатую Л. Фекете, после него продолжают его ученики.

На основе обработанных к настоящему времени источников уже можно достаточно полно представить себе характерные черты общественно-бытового уклада той эпохи. Венгерскими тюркологами делается немало также в области подготовки к изданию источников, освещающих различные этапы истории восточноевропейских народов. Они регулярно печатаются в сборниках издания «Восточные источники»²⁵.

Одновременно с изданием исторических источников продолжается исследование истории, а также истории культуры, литературы, искусства (главным образом архитектуры и музыки) эпохи турецкого господства. Например, Л. Тарди изучается история двухсотлетней дипломатической борьбы Венгрии за создание направленного против турок союза французов, итальянцев, русских, немцев и поляков²⁶. А. Г. Фехер использует иллюстрационные материалы тюркских хроник для установления места и воспроизведения условий, в которых происходили важнейшие события венгерской истории²⁷.

3. Дальнейшее развитие взаимоотношений между турками и венграми. Ликвидация турецкого господства привела к установлению качественно новых отношений между Турецкой империей и Венгрией. Турки стали оказывать венграм поддержку в их борьбе за независимость против Австрии и даже предоставляли политическое убежище вождям национально-освободительного движения. Это обстоятельство не осталось бесследным и в истории венгерской тюркологии. Верным спутником князя Ференца Ракоци II, эмигрировавшего в Турцию, был один из выдающихся представителей венгерской литературы Келемен Микеш, написавший там свои «Письма из Турции». Новый критический текст этого произведения, дающего достаточно полное представление об общественно-политической жизни турецкого общества той эпохи, вышел в свет в 1966 г. В связи с приближающимся трехсотлетием со дня рождения Ференца Ракоци венгерские и турецкие тюркологи совместно готовят к изданию другие литературные памятники, относящиеся к тому же периоду.

Национальный герой Венгрии Лайош Кошут провел два года в эмиграции в Турции и за это время изучил турецкий язык. Он написал ряд работ по турецкому языку, в том числе сохранившуюся в рукописи турецкую грамматику, содержащую интересные данные по истории языка. Другими Кошута по эмиграции были написаны грамматические очерки турецкого языка, подготовлены глоссарии, составлен небольшой сборник турецких народных песен и т. д. Из всего этого богатства пока изданы только материалы по «тайному» (эзоповскому) языку, представляющие определенный интерес для изучения турецкого фольклора²⁸.

V. СОВРЕМЕННЫЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Исследование в Венгрии современных тюркских языков обусловлено главным образом необходимостью решения проблем венгерского языкознания. Так, изучение древних тюркских заимствований требует привлечения материала чувашского языка, исследование связей с куманами и печенегами — данных кыпчакско-тюркских языков и т. д.

Венгерские работы по современным тюркским языкам посвящены главным образом диалектологии и реже — истории того или иного языка.

1. Диалектологические исследования. Венгерским исследованиям в области турецкой диалектологии положил начало И. Кунош. Направление послевоенных исследований было определено Ю. Неметом, уделявшим особое внимание балканским тюркским диалектам. Ю. Немет считал, что изучение этих диалектов может способствовать решению спорных проблем развития турецкой устной речи в Венгрии. Благодаря работам этих ученых турецкая диалектология стала одной из ведущих областей венгерской тюркологии. К наиболее значительным диалектологическим работам прошлых лет относятся описания тюркских диалектов Видина (Болгария) и Охрида (Македония). В первой использованы результаты многолетнего исследования фольклорных материалов, а во второй подробно характеризуется один из западнобалканских диалектов²⁹.

В области исследования кыпчакских языков результаты менее заметны, но и здесь проводятся две работы большого масштаба. Начата обработка обширного материала по языкам казанских и крымских татар, мишарей, башкир, караимов, собранного И. Куношем (около пяти объемистых томов) в лагерях для военнопленных во время первой мировой войны. На основе богатого фольклорного материала, собранного среди добруджанских татар, составляется словарь добруджанско-татарского языка (около 30 тыс. слов)³⁰.

Изучению узбекского, уйгурского, саларского языков во многом способствовали научные экспедиции. К ранее опубликованным статьям о саларском языке прибавились материалы по уйгурскому фольклору. Готовится работа по кураминскому, найманскому и мангытскому диалектам узбекского языка и огузо-узбекским диалектам Хорезма³¹.

Следует отметить сравнительные исследования, проводимые по монгольско-тюркскому фольклору, посвященные изучению общих черт фольклора сибирских народов. В скором времени будет издана на венгерском языке антология народной поэзии сибирских народов, включающая образцы алтайской, хакасской, шорской, сибирско-татарской и тувинской поэзии, составленная частично на основе не публиковавшихся до сих пор материалов³².

2. Исследования по истории языка. В этой области, несомненно, наиболее значительными являются работы по истории чувашского языка. В них рассматриваются чувашские заимствования в финно-угорских языках, татарские, башкирские, древнерусские лексические заимствования в чувашском языке, дается периодизация истории чувашского языка и исследуются письменные памятники последнего³³. Определенный интерес, на наш взгляд, представляют издания древнейших письменных памятников якутского языка и сравнительно недавно опубликованная статья о взаимосвязях узбекского и таджикского языков³⁴.

3. Литературоведение. Следует отметить, что наиболее развитой областью венгерской тюркологии является лингвистика, литературоведение пока еще не имеет заметных успехов. Влияние тюркоязычной литературы на венгерскую хотя и прослеживается в ранней венгерской поэзии,

в фольклоре XVI—XVII вв., в произведениях Балинта Балаши, но все же не столь отчетливо, как в области языка.

Однако турецкая литература в Венгрии изучалась; сложились даже некоторые традиции в этой области. В наши дни особенно возрос интерес к современной прогрессивной турецкой литературе. На венгерском языке изданы произведения видных турецких писателей и поэтов: Сабахаттина Али, Яшара Кемалья, Азиза Несина и других, выпущены в свет сборники турецкой поэзии и прозы. Одной из главных задач венгерских тюркологов-литературоведов является углубление и расширение наших знаний в области литературы тюркоязычных народов Советского Союза³⁵.

VI. ИСТОРИЯ НАУКИ

В отличие от других областей науки венгерская и русская ориенталистика имеют давние связи. С первых лет своего существования Венгерская Академия наук установила контакты с Российской Академией наук. Научные отношения с русскими тюркологами поддерживали венгерские ориенталисты Ш. Кереши-Чома, А. Регули, Е. Дешко, П. Хунфалви, А. Вамбери, Й. Буденц, Г. Балинт, Г. Кун, Б. Мункачи, И. Кушон, Й. Зичи, З. Гомбоц, Д. Алмаши, В. Прюле, Д. Месарош, Ю. Немет. Эти контакты значительно укрепились и расширились в советское время. Сотрудничеству русских и венгерских ориенталистов посвящен изданный в 1962 г. содержательный обзор³⁶.

Изучение восточных языков в Венгрии началось уже в середине прошлого века. В 1846 г. впервые был введен курс восточных языков в Пештском университете, а с 1849 г. началось серьезное изучение восточных языков, продолжающееся по настоящее время. Виднейший венгерский тюрколог прошлого века А. Вамбери, получив звание профессора, возглавил созданную в 1870 г. кафедру восточных языков (ныне кафедра тюркской филологии), ставшую центром тюркологических исследований. Под руководством выдающихся ученых — А. Вамбери, Й. Тури, Ю. Немета, Л. Фекете, Л. Лигети — формировалась венгерская тюркологическая наука. В честь столетнего юбилея кафедры был издан сборник статей венгерских и зарубежных тюркологов, открывающийся обзором славного векового пути венгерской тюркологии³⁷.

Оценка выдающегося вклада венгерских ученых в тюркологию дается в глубокой статье Ю. Немета, посвященной научной деятельности З. Гомбоца³⁸.

В юбилейных статьях, помимо обзора творчества того или иного ученого, обычно приводится и библиография его трудов³⁹. Несомненную пользу принесет издание полной библиографии венгерской тюркологии, составленной по тематическому принципу⁴⁰.

В заключение следует отметить еще одну область работы венгерских ориенталистов. Восточное Собрание Венгерской Академии наук включает многочисленные тибетские, монгольские, древнееврейские, арабские, персидские и тюркские рукописи. Сейчас они исследуются, и вскоре впервые в Венгрии будет издан каталог арабских и персидских рукописей этого Собрания. Можно надеяться, что издание каталога тюркских рукописей тоже не заставит долго себя ждать.

1. Ю. Немет. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 126—136; его же, Общие проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — Там же, 1964, № 6, стр. 119—125. См. также: Г. Бетленфалви. Венгерские работы по ориенталистике 1959—1964 гг. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 161—168.

2. *H. Ecsedy*. Uigurs and Tibetans in Pei-t'ing (790—791 A. D.). — АОН, 1964, XVII, стр. 83—104; *её же*. Old Turkic Titles of Chinese Origin. — Там же, 1965, XVIII, стр. 83—91; *её же*. Trade-and-War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century. — Там же, 1968, XXI, стр. 131—180; *её же*. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire. — Там же, 1972, XXV, стр. 245—262; *J. Harmatta*. Irano Turcica. — АОН, 1972, XXV, стр. 263—273.

3. *Gy. Moravcsik*. Byzantium and the Magyars. Бр., 1970; *её же*. *Studia Byzantina*. Бр., 1967.

4. *K. Czeglédy*. Čoyay-quzi, Qara-qum, Kōk-ōng. — АОН, 1962, стр. 55—69; *её же*. Šarkel. An Ancient Turkish Word for «House». — «Aspects of Altaic Civilization». Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, 23. Bloomington, 1963, стр. 23—31;

её же. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig [=Миграция кочевых народов с Востока на Запад]. Бр., 1969 (КСсК, № 8); *её же*. Pseudo-Zscharias Rhetor on the Nomads. — St.Turc, стр. 133—148; *её же*. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations. — АОН, 1972, XXV, стр. 275—281.

5. *L. Ligeti*. Gyarmat és Jenő [=Gyarmat и Jenő]. — В кн.: «Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből» [=«Очерки по истории венгерского языка»]. Бр., 1963, стр. 230—239; *её же*. A magyar nép mongolkori nevei (magyar, baskir, király) [=Названия венгерского народа в период монгольского нашествия (венгерский, башкирский, король)]; *L. Rásonyi*. Baskurt ve Macar Yurtlarında Ortak Coğrafi Adları üzerine. — «X. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler 1963'ten ayıribasım». Ankara, 1964, стр. 105—112; «Napkelet felfedezése. Julianus, Plano Carpini és Rubruk útjelentései» [=Открытие Востока. Путевые записи Юлиануса, Плана Карпини и Рубрука]. Изд. *Gy. Györffy*. Бр., 1965; *J. Németh*. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. — ALH, 1966, XVI, стр. 1—21; *её же*. Magyar und Miser. — АОН, 1972, XXV, стр. 293—299; *J. Erdélyi*. Fouilles archéologiques en Bachkirie et la préhistoire hongroise. — АОН, 1972, XXV, стр. 301—312.

6. *A. Bartha*. A IX—X. századi magyar társadalom [=Венгерское общество IX—X веков]. Бр., 1968; 2-е изд., 1973 (Перевод на английский язык находится в печати); *её же*. Kijev és Itil [Киев и Итил]. — «Történelmi Szemle». Бр., 1964, № 2, стр. 223—254; *её же*. Wirtschaftsgeschichte und Wörter. — ALH, 1971, XXI, стр. 105—119; *её же*. Истоки венгерской культуры X века. — В сб.: «Проблемы археологии и древней истории угров». М., 1972, стр. 118—127.

7. *K. Köhalmi*. Sibirische Parallelen zur Ethnographie der Geheime Geschichte der Mongolen. — «Mongolian Studies». Бр., 1970, стр. 247—264; *её же*. A steppek nomádja lóháton, fegyverben [=Конные и вооруженные степные кочевники]. Бр., 1972 (КСсК, № 12). (Издание на немецком языке готовится к печати); *её же*. Drei alte innerasiatische Benennungen des Waffengürtels. — St.Turc. Бр., 1971, стр. 267—279.

8. *J. Németh*. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts in Eastern Europe. — ALH, 1971, XXI, стр. 1—52; *I. Vásáry*. Runiform Signs on Objects of the Avar Period. — АОН, 1972, XXV, стр. 335—348.

9. *V. Diószegi*. A sámánhit emlékei a magyar népi műveltségben [=Памятники шаманства в венгерской народной культуре]. Бр., 1958; *её же*. Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Herausgegeben von V. Diószegi. Бр., 1963; *её же*. A pogány magyarok hitvilága [=Верования венгров-язычников]. Бр., 1967 (КСсК, № 4).

10. *Z. Gombocz*. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — MSFOu. 1912, XXX.

11. *G. Birczi*. — АОН, 1965, XVIII, стр. 47—54; там же, 1972, XXV, стр. 383—390. St.Turc, стр. 39—46; *L. Ligeti*. — МНУ., 1965, LXI, стр. 281—289. «Studia Slavica», 1966,

XII, стр. 249—258 (bilincsek 'кандалы'), МНУ., 1966, LXII, стр. 385—389 (ido 'время'), МНУ., 1967, LXIII, стр. 427—441 (bélyeg 'тавро', terem 'зал', bér 'оплата'), МНУ., 1968, LXIV, стр. 75—78 (harang 'колокол'), МНУ., 1969, XLV, стр. 136—144 (gyorág 'сушеница'), там же, стр. 412—421 (orsó 'веретено'); *J. Németh*. — АОН, 1965, XVIII, стр. 55—60 (gyalu 'рубанок'), ALH, 1965, XV, стр. 79—96 (tar-ka 'пестрый'), «Nyelvtudományi

Erteke zésék», № 38, стр. 188 (kőgő 'рыхлый'); *M. Palló*. — НУК, 1963, LXV, стр. 180—184, там же, 1970, LXXII, стр. 431—436, там же, 1972, LXXIV, стр. 197—199, 427—434, МНУ., 1972, LXVIII, стр. 294—298, АОН, 1967, XX, стр. 11—118, там же, 1972, XXV, стр. 405—412, УАЖб., 1964, XXXV, стр. 56—63, там же, 1970, XLII, стр. 46—52, St.Turc., стр. 375—383; *E. Moór*. — НУК, 1963, LXV, стр. 413—

423 (bor 'вино', szőlő 'виноград'), там же, 1965, LXVII, стр. 139—142 (úr 'господин').

MNy., 1972, LXVIII, стр. 150—159, 275—285 (betű 'буква', könyv 'книга'); *его же*. Die Ausbildung des ungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte. — ALH, 1959, IX, стр. 117—186, 1960, X, стр. 388—421; *I. Vásáry*. — MNy., 1969, LXV, стр. 462—466 (ászok 'лежень'), там же, 1973, LXIX, стр. 88—92 (ondó 'течение, слизь'); *I. Mándoky*. — AOH, 1972, XXV, стр. 391—404 (bütü 'кончик', kozma 'гарь').

12. «A magyar nyelv történeti etimológiai szótára» [= «Историко-этимологический словарь венгерского языка»]. Главн. ред. *L. Benkő*, ред. *L. Kiss, L. Papp*, т. I. А—Гу. Бр., 1967, т. II. Н—О. Бр., 1970. (Тюркские статьи словаря составила Жужа Какук, редактор—*J. Ligeti*); «A magyar szókészlet finnugor elemei» [= «Финно-угорские элементы в лексике венгерского языка»]. Главн. ред. *Gy. Lakó*, ред. *K. Rédei*, т. I. А—Гу. Бр., 1967, т. II, Н—М. Бр., 1971.

13. *A. Róna-Tas*. Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai (A nyelvrokonság elmélete és a csuvas-mongol nyelvviszony) [= Основы изучения алтайского языкового родства (Теория языкового родства и чувашско-монгольские языковые отношения)] (докторская диссертация); *его же*. On the Chuvash Guttural Stops in the Final Position. — StTurc., стр. 389—400; *A. Róna-Tas, S. Fodor*. Epigraphica Bulgarica. A volgai Bolgár-török feliratok [= Поволжско-булгарские надписи]. Szeged, 1973 (Studia Uralo-Altaica, I. Universitas Szegediensis de Attila József pominata); *K. Rédei, A. Róna-Tas*, Bulgar-Turkic Loanwords in Proto-Permian (на венгерском языке). — NyK., 1972, LXXIV, стр. 281—298.

14. *G. Hazai, P. Zieme*. Ein uigurisches Blockdruckfragment einer Einleitung zum Vajracchedikā-sūtra. — AOH, 1968, XXI, стр. 1—14; *G. Hazai*. Ein Buddhistisches Gedicht aus der Berliner Turfan-Sammlung. — AOH, 1970, XXIII, стр. 1—21.

15. *L. Ligeti*. Un vocabulaire sino-ouigour des Mings. Le Kao-tch'ang houan yi-chou du Bureau des Traducteurs. — AOH, 1966, XIX, стр. 117—199, 257—316 (напечатано также в: «Dissertationes Asiae Interioris», № 11. Бр., 1966; *его же*. Documents sino-ouigours du Bureau des Traducteurs. — AOH, 1967, XX, 253—306, там же, 1968, XXI, стр. 45—108; *его же*. Glossaire supplémentaire au Vocabulaire sino-ouigour du Bureau des Traducteurs. AOH, 1969, XXII, стр. 191—243 (напечатано также в: «Budapest Oriental Studies», № 2, 1969).

16. *A. Bodrogligeti*. A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'di's Gulistān (Sayf-i Sarāyī's Gulistān bi't-Turkī). Бр., 1969; *его же*. On the Prosody of 'Alī's Qiss-i Yūsuf. — AOH, 1966, XIX, стр. 79—97; *его же*. Islamic Terms in Eastern Middle Turkic. — AOH, 1972, XXV, стр. 355—367; *его же*. A Grammar of Mameluke-Kipchak. — StTurc., стр. 89—102.

17. *E. Schütz*. An Armeno-Kipchak Print from Lvov. — AOH, 1961, XIII, стр. 123—130; *его же*. Armeno-Kipchak Texts from Lvov (A. D. 1618). — AOH, 1962, XV, стр. 291—309; *его же*. An Armeno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars of 1620—1621. Бр., 1968 (BOH, № XI); *его же*. Armeno-kiptschakische Ehekontrakte und Testamente. — AOH, 1971, XXIV, стр. 265—300; *его же*. Remarks on Initial *d-* in Kipchak Languages. — AOH, 1972, XXV, стр. 369—382; *S. Vásáry*. Armeno-Kipchak Parts from the Kamenets Chronicle. — AOH, 1969, XXII, стр. 139—189.

18. *A. Bodrogligeti*. The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus. Бр., 1971 (BOH, № XVI).

19. *G. Györffy*. Monuments du lexique pechténègue. — AOH, 1965, XVIII, стр. 73—81; *его же*. Sur la question de l'établissement des Petchénègues en Europe. — AOH, 1972, XXV, стр. 283—291.

20. *L. Rásonyi*. Les noms toponymiques comans du Kiskunság. — ALH, 1957, VII, стр. 73—146; *его же*. A Kiskunság középkori helyneveihez [= К средневековым названиям местности Кншкуншаг]. — MNy., 1966, LXII, стр. 164—170; *его же*. Les antroponymes comans de Hongrie. — AOH, 1967, XX, стр. 135—149.

21. *E. Mándoky*. Some Dialectal Words of Cumanian Origin to Be Found in Great Cumania (на венгерском языке). — NyK, 1971, LXXIII, стр. 365—386.

22. *J. Németh*. Die türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Бр., 1970 (BOH, № XIII); *G. Hazai*. Das osmanisch-türkische im XVI. Jahrhundert. Untersuchungen an den Transcriptionstexten von Jakab Nagy de Harsány. Бр., 1973 (BOH, № XVIII).

23. *S. Kakuk*. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVIe et XVIIe siècles. Les éléments osmanlis de la langue hongroise. Бр., 1973 (BOH, № XIX).

24. *E. Schütz*. The Turkish Loanwords in Simeon Lehaci's Travel Accounts. — AOH, 1967, XX, стр. 307—324; *его же*. Jeremia Celebis türkische Werke (Zur Phonetik des Mittelosmanischen). — StTurc, стр. 401—430; *G. Hazai*. Ein kyrillischer Transkriptionstext des Türkischen. — «Studia Slavica», 1966, XII, стр. 173—179; *A. Bodrogligeti*. On the Turkish Vocabulary of the Isfahan Anonymous. — AOH, 1967, XX, стр. 15—43.

25. *J. Káldy-Nagy*. The Administration of the Sanjaq Registrations in Hungary. — АОН, 1968, XXI, стр. 181—223; *его же*. Statistische Angaben über den Warenverkehr des türkischen Eroberungsgebiets in Ungarn mit dem Westen in den Jahren 1560—1564. — «Annales Univ. Sci. Budapestensis, Sectio Historica», XI, стр. 269—341; *его же*. Harács-szedők és ráják. Török világ a XVI. századi Magyarországon [=Собиратели хараджа и райя. Турецкий мир в Венгрии XVI века]. Бр., 1970 (КСК, № 9); *его же*. Magyarországi török adóösszeírások [=Турецкие налоговые документы в Венгрии]. Бр., 1970; *его же*. Kanuni devri Budin tahrir defteri (1546—1562). Ankara, 1971; *K. Hegyi*. The Terminology of the Ottoman-Turkish Judicial Documents on the Basis of the Sources from Hungary. — АОН, 1965, XVIII, стр. 191—203; *E. Vass*. Türkische Beiträge zur Handelsgeschichte der Stadt Vác (Waitzen) aus dem 16. Jahrhundert. — АОН, 1971, XXIV, стр. 1—39; *его же*. Zwei türkische Führenlisten von Ráckeve und Dunaföldvár aus den Jahren 1562—1564. — АОН, 1972, XXV, стр. 451—464.
26. *L. Tardy*. Régi magyar követjárások Keleten [=Путешествия венгерских послов на древний Восток]. Бр., 1971 (КСК, № 11).
27. *G. Fehér*. Hungarian Historical Scenes Recorded in Turkish Chronicle Illustrations. — АОН, 1972, XXV, стр. 475—490.
28. *Zs. Kakuk*. Kossuth kéziratai a török nyelvről [=Рукописи Кошута о турецком языке]. Бр., 1967 (КСК, № 3); *ее же*. Les manuscrits inédits de Kossuth sur la langue turque. — АОН, 1969, XXII, стр. 81—105; *ее же*. Über die türkische Blumensprache. — АОН, 1970, XXIII, стр. 285—295.
29. *J. Németh*. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion. Бр., 1965 (БОН, № X); *S. Kakuk*. Le dialecte turc d'Ohrid en Macédoine. — АОН, 1972, XXVI, стр. 227—282.
30. *S. Kakuk*. Poésie populaire tatare recueillie par I. Kúnos. — АОН, 1963, XVI, стр. 83—97; *E. Mándoky*. Devinettes tatars de Bulgarie. — АОН, 1968, XXI, стр. 369—379; *его же*. Chants šing des Tatars de la Dobrudja recueillis en Bulgarie. — StTurc., стр. 331—348.
31. *S. Kakuk*. Chants ouïgours de Chine. — АОН, 1972, XXV, стр. 415—429; *E. Dobos*. An Uzbek-Qipčaq Tale from Qarabau. — АОН, 1973, XXVII.
32. *L. Lőrincz*. Parallelen in der mongolischen und altaitürkischen Epik. — StTurc., стр. 321—330; «Sámándobok szóljatok! A szibériai oslakosság népköltészete» [=«Пусть звучат шаманские барабаны! Народная поэзия древнего населения Сибиря». Под ред. К. Кéхалми]. Бр., 1973.
33. *A. Róna-Tas*. Beszámoló csuvas tanulmány u tamról [=Сведение о моей научной командировке к чувашам]. — МТА I. Oszt. Köz. 1966, 23, стр. 325—334. См. также примечание 13.
34. *G. Kara*. Le glossaire yakoute de Witsen. — АОН, 1972, XXV, стр. 431—440; *Zs. Telegdi*. Török nyelvi hatás a tadzsikban [=Влияние тюркского языка на таджикский]. — NyK, 1971, LXXIII, стр. 208—216.
35. Конспект лекций: *H. Bicari*. Türk Edebiyatı. Т. I. Başlangıçtan Tanzimata Kadar Türk Edebiyatı. Бр., 1969; т. II. XIX-uncu Yüzyıl Edebiyatı. Бр., 1973; готовится издание т. III.
36. *L. Rásonyi*. Связи между венгерскими и русскими востоковедами (на венгерском языке с резюме на русском и английском языках). Бр., 1962. Publicationes Bibliothecae Academiae Scientiarum Hungaricae, № 26.
37. «Studia Turcica». Ed. *L. Ligeti*. Бр., 1971 (БОН, № XVIII); *S. Kakuk*. Cent ans d'enseignement de philologie turque à l'Université de Budapest. — StTurc., стр. 7—28.
38. *J. Németh*. Zoltán Gombocz. Ein ungarischer Sprachforscher (1877—1935). — ALH, 1972, XXII, стр. 1—40.
39. О Ю. Немете: *L. Ligeti*. — АОН, 1960, XI, стр. 5—9; *S. Kakuk*. — StTurc., стр. 18—23; *Gy. Székely*. — «Annales Universitatis Scientiarum Budapestensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Linguistica». Т. III, 1972, стр. 3—30; О Л. Фекете: *K. Czeglédy*. — АОН, 1961, XIII, стр. 3—8; *S. Kakuk*. — StTurc., стр. 23—25.
40. *J. Moravcsik*. Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalistisch-ungarischen Beziehungen. 1914—1925. — KCSA II, стр. 199—236; *L. Rásonyi*. Ungarische Bibliographie... 1926—1934. — KCSA I. Kieg, стр. 1—66; *T. Halasi-Kun*. Bibliographie der ungarländischen Turkologie. Бр., 1935 (рукопись). См. также: «Hungarian Publications on Asia and Africa, 1950—1962. A. Selected Bibliography». Compiled by *E. Apor* and *H. Ecsedy*. Edited by *L. Bese*. Бр., 1963. Тематическая библиография с 1935 года по настоящее время составляется сотрудниками кафедры тюркской филологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ALH* — Acta Linguistica Hungarica,
AOH — Acta Orientalia Hungarica,
BOH — Bibliotheca Orientalis Hungarica,
Bp. — Budapest,
KCsK — Kőrösi-Csoma Könyvtár [= Библиотека им. Кőröси-Сомы],
MNy — Magyar Nyelv,
NyK — Nyelvtudományi Közlemények,
StTurc. — Studia Turcica. Ed. L. Ligeti. Budapest, 1971.
-

РЕЦЕНЗИИ

В. Д. АРАКИН НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
ДМИТРИЕВ (1898—1954)

СТРИЯ «ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ УЧЕНЫЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА». № 42.
ИЗД-ВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1972, 88 стр.

Читая и пересчитывая эту небольшую по объему, но с любовью и исключительной научной добросовестностью написанную книгу, невольно вспоминаешь слова А. С. Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Книга посвящена педагогической, научно-исследовательской, научно-организационной и общественной деятельности выдающегося тюрколога и слависта Николая Константиновича Дмитриева. разносторонняя деятельность которого в течение тридцати трех лет была связана с учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями Москвы, Ленинграда, Баку, Уфы, Казани и некоторых других городов нашей страны.

Начало служебной деятельности Николая Константиновича Дмитриева относится к 1921 г., когда он «был избран на должность младшего научного сотрудника Восточной секции Научно-исследовательского института языка и истории литературы» (стр. 9).

Именно в это время, в начале двадцатых годов, наука в нашей стране вступала в новый, послеоктябрьский этап своего развития. Перед ней открывались новые горизонты и возможности.

Перед весьма в ту пору малочисленным отрядом тюркологов были поставлены грандиозные задачи, входившие в программу культурной революции на Советском Востоке, в частности, реформа письменности (замена арабского алфавита), создание новых алфавитов для бесписьменных тюркских языков, разработка новых учебных программ и учебных пособий для средней и высшей школы и т. п.

Н. К. Дмитриев стал одним из активнейших участников этой напряженной работы, развернувшейся в Москве, Ленинграде, Кисло, в столицах республик Советского Востока, где были созданы новые востоковедные учебные заведения и исследовательские учреждения. Молодой Н. К. Дмитриев вел и большую научно-организационную работу, о которой подробно рассказывается в рецензируемой книге (стр. 9—15).

Обширный круг научных интересов Николая Константиновича Дмитриева, подробно и обстоятельно анализируемый в книге В. Д. Аракина, охватывает фонетику и фонологию, морфологию и синтаксис, лексикологию и лексикографию, диалектологию и фольклор тюркских народов. И во всех этих областях ученый достиг значительных результатов.

Н. К. Дмитриев — один из немногих русских тюркологов, умевший благодаря напряженной и самоотверженной работе создать свою научную школу, которую прошли почти все ныне здравствующие тюркологи старшего и среднего поколений.

Наряду с бесспорными и многими достоинствами книги В. Д. Аракина, в ней есть и ряд упущений. Так, в тщательно составленной библиографии трудов Н. К. Дмитриева (стр. 72—86) не упомянуты две его работы:

1) «Предисловие и грамматические заметки». — В кн.: С. Г. Церуннан. Курс османских разговоров, т. I. М., 1924, 588 стр. Стеклографическое издание Московского института востоковедения¹. Эти «Заметки» являются ранней тюркологической работой Н. К. Дмитриева, в которой он впервые сформулировал свои основные воззрения на грамматику турецкого языка, получившие в дальнейшем развитие в других его грамматических исследованиях;

2) «Из истории русского кумыковедения». — «Вестник Академии наук СССР», 1948, № 5, стр. 107—108.

На стр. 47 говорится об изучении Н. К. Дмитриевым кумыкского языка «совместно с С. Алаудиновым». В действительности же сотрудником и информантом

¹ О «Курсе» С. Г. (К.) Церуннана «с грамматическими заметками начинающего тюрколога Н. К. Дмитриева» упоминает А. Н. Самойлович в своей книге «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка». Л., 1925, стр. 4. — Книга С. Г. Церуннана давно стала библиографической редкостью.

Н. К. Дмитриева в его занятиях кумыкским языком был кумык Алауддин Аджакевич Сатыбалов, в ту пору студент Ленинградского Восточного института.

Следует внести уточнения и в даты рождения и смерти С. Г. Церуниана (1860—1931) на стр. 8 и А. Е. Крымского (1871—1942) на стр. 18. Попутно уточняем также, что рецензия на «Строй турецкого языка» (стр. 76, № 61) была опубликована в жур-

нале «Советское востоковедение», т. II.

Книга В. Д. Аракина, обстоятельно прослеживающая творческий путь, пройденный Н. К. Дмитриевым в науке, представляет собой прекрасную дань памяти выдающегося ученого-тюрколога и, несомненно, будет с интересом прочитана всеми, кому дорога история нашей науки.

А. Н. Кононов

Х. КОР-ОГЛЫ. ТУРКМЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М., ИЗД-ВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА», 1972, 285 стр.

Рецензируемая монография — по-существу первый обобщающий труд, посвященный культуре туркменского народа.

Книга задумана как учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов и педагогических вузов, однако значение ее благодаря широкому охвату исторического, этнографического, фольклорного и литературного материала и высокому теоретическому уровню выходит далеко за пределы поставленной задачи.

Х. Г. Кор-оглы на основе марксистско-ленинской методологии всесторонне исследует сложные процессы зарождения и развития национальной литературы туркмен, издревле заселявших часть Средней Азии. Развитие туркменской литературы с древнейших времен до наших дней рассматривается в непосредственной связи с генезисом и конкретной историей огузско-туркменских племен как в периоды их разрозненности, так и последующей консолидации.

Достоинством труда является и то, что автор, исследуя отдельные периоды становления туркменской литературы, прослеживает культурные связи туркмен-огузов с территориально близкими им другими тюркоязычными и ираноязычными народами. Глубоко анализируются также процесс взаимосвязи туркменского фольклора и литературы, роль фольклора в становлении многих литературных жанров, что имеет немаловажное значение для изучения туркменской литературы, одной из специфических особенностей которой является синкретичность ее развития в прошлом.

Анализируемый материал четко систематизирован хронологически. Периодизация туркменской литературы проведена автором впервые, хотя она и была объектом специальных исследований на протяжении последних четырех десятилетий.

Автор справедливо замечает, что трудность периодизации объясняется не только скудностью материала, но и отсутствием единого мнения в вопросе о национальной принадлежности крупных памятников лите-

ратуры и культуры далекого прошлого, что, в свою очередь, связано с недостаточной изученностью этногенеза тюркоязычных народов. Поэтому Х. Г. Кор-оглы избирает единственно верный путь, строя периодизацию с учетом исторических и социально-экономических условий развития туркменского общества, нашедших отражение в художественном творчестве, и выделяет три периода становления туркменской литературы:

1) до XVIII в. На протяжении этого периода туркменские племена Средней Азии были тесно связаны с соседними народами благодаря общности социально-бытового уклада, литературы и культуры;

2) от XVIII в. до победы Великой Октябрьской социалистической революции. В этот период в недрах патриархального общественного строя развивались новые тенденции: сплочение племен, стремление туркмен к консолидации, проникновение в общественную жизнь новых, более прогрессивных идей;

3) после победы Великой Октябрьской социалистической революции (советская литература).

Соответственно предложенной периодизации книга делится на три большие главы: I. «Литература до XVIII в.»; II. «Литература XVIII — начала XX в.»; III. «Советская литература».

Материал, охватываемый первой главой, оценивается автором с правильных методологических позиций. Х. Г. Кор-оглы подчеркивает роль туркменского народа в развитии культуры и литературы на Переднем Востоке: «...сельджукская культура, вобравшая в себя культуру многих народов, не могла создаваться без участия туркмен, составлявших главную силу власти. Не исчезла она и с ликвидацией династии» (стр. 7).

Данная глава составляет один из самых обширных и сложных разделов книги и во многом по-новому ставит и решает ряд проблем. К таковым, в частности, относится вопрос о связи древнего устно-поэти-

ческого творчества с дастным эпосом и классической письменной литературой. Здесь же впервые четко проводится грань между эпосом древнейшего населения Средней Азии и литературой туркмен. При этом исследователь не упускает из поля зрения и вопросы взаимодействия культур народов, живших на территории Туркменистана. Автор справедливо отмечает, что классическая литература туркмен, как и туркменское народное творчество, испытывали не только формальное, но и тематическое влияние персидской, таджикской и азербайджанской литератур и фольклора. Одновременно происходило и немалое обратное влияние. Именно таким взаимодействием объясняется, в частности, двуязычие многих туркменских поэтов XVIII и последующего столетия — Андалиба, Азади, Махтумкули, Зелили.

Интересно и данное автором новое толкование некоторых фольклорно-мифологических образов, учитывающее их связи с доисламской религией и древней культурой аборигенов (двойственность образа дэва в туркменском фольклоре, обусловленная влиянием древнейших мифологических представлений ираноязычных народов, живших на территории Туркменистана).

Значительное место в главе отводится характеристике древнего эпического творчества туркмен-огузов и более позднего — романического, влиявшего на литературу вплоть до XVIII в. Исследователь именно здесь справедливо усматривает истоки национальной традиционной культуры.

В разделе о героическом эпосе «Огузнаме» автор выделяет в туркменском фольклоре сочетание двух культур — тюрко-огузской и иранской. На основе историко-филологического анализа Х. Г. Кор-оглы приходит к заключению, что уйгурское (первое) «Огузнаме» — героический эпос огузско-туркменских племен — было создано в VI в., а не в IX—X вв., как это предположил А. М. Шербак. Автор считает, что «Огузнаме» — «эпический памятник древних тюрков, вошедший в себя многое из эпической истории всех тюркских каганатов, в особенности из истории каганата, во главе которого стояло племя уйгуров (VIII в.)» (стр. 26).

На основе анализа всех двенадцати сказаний «Книги моего деда Коркута» Х. Г. Кор-оглы устанавливает время создания памятника. Автор выделяет ранний, центральноазиатский период развития огузского героического эпоса, известного по легендам, преданиям и отдельным фрагментам не дошедших до нас полностью сказаний. Этот период соответствует эпохе первобытно-общинного строя. Окончательное же формирование эпоса ученый относит к XI—XII вв., то есть ко времени переселения огузов на запад, главным образом в Азербайджан, где был совершен переход к новой общественной формации — феодализму. Однако нельзя согласиться с автором, когда он, анализируя идейно-художественную основу

эпоса, объясняет возникновение ряда эпических мотивов влиянием сказок, а также относит некоторые сказания к жанру богатырской сказки. В частности, автор утверждает, что шестое «Огузнаме», вошедшее в себя местные легенды и предания, по характеру своего сюжета напоминает богатырскую сказку. Такое сопоставление вряд ли оправдано. Кроме того, автор не раскрывает своего отношения к еще не решенному в фольклористике вопросу: что древнее — сказка или эпический сюжет?

Интересно и во многом по-новому строится анализ героического эпоса «Героглы», широко известного не только туркменам, но и азербайджанцам, узбекам, казахам, таджикам и другим народам Ближнего и Среднего Востока. Исследователь проводит четкую дифференциацию, указывая на архаическую версию, созданную на первоначальной родине туркмен-огузов, и более позднюю — «Кероглы», западную (азербайджанско-турецкую). Такой вывод вытекает из особенностей сюжета и образов.

Автор приводит интересные данные из исторических документов XVI в., подтверждающие историзм эпического ядра эпоса и образа героя-повстанца Кероглы, возглавившего «движение джалалидов» во время крестьянских войн (XVI—XVII вв.) в Анатолии. Столь же обоснованны выводы о месте и времени создания туркменского «Героглы», об исторических прототипах главного героя и его сподвижников. При этом подчеркивается, что эпос в его разном национальных версиях охватывает несколько исторических эпох жизни многих народов.

Значительный интерес представляет раздел главы, посвященный туркменскому дастанному эпосу. По мнению автора, этот фольклорно-литературный жанр у туркмен, как и у других среднеазиатских народов, имевших тесные многовековые связи с Ираном, вообрал в себя все жанровые особенности дастанов древних иранцев, аборигенного населения восточного и северо-восточного Ирана и Средней Азии. Закономерно и разделение дастанов по характеру сюжета на две тесно связанные между собой группы: тюрко-огузскую и восходящую к литературе на фарси. Кроме того, дастаны дифференцируются и по типу творчества: 1) индивидуальные и 2) народнопоэтические дастаны, восходящие к сказкам и легендам того или иного народа. Индивидуальные дастаны имеют «книжное происхождение», сюжеты их зачастую заимствовались из классической литературы других народов, и многие из них при поэтическом переложении подверглись фольклоризации (например, дастан «Лейли и Меджнун»). Фольклоризацию общево восточных литературных сюжетов автор объясняет отсутствием у туркмен вплоть до XX в. книгопечатания. Анализ идейной основы и художественно-образной системы дастанов подтверждает правильность предложенной автором классификации.

Историзмом в оценке явлений характеризуется последний раздел главы, посвященный туркменской письменной литературе V—XIII вв., вплоть до монгольского нашествия. Говоря о раннем этапе становления и развития туркменской литературы, Х. Г. Кор-оглы исходит из трех основополагающих исторических посылок: 1) литературные памятники этого периода — наследие всех тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана; 2) в идейно-тематическом отношении тюркоязычная литература в этот период еще не отделялась от персоязычной, хотя и отличалась сугубо национальными чертами; 3) дидактическое направление в литературе, наметившееся с XII в. под влиянием мусульманского духовенства, позднее уступило место мистическому аскетизму.

Автор убедительно показывает, что монгольское нашествие не смогло подавить многовековую культуру покоренных народов Средней Азии. В период с XIV по XVII вв. расширилась тематика литературы, развились новые жанры и формы: эпическая поэзия, лирика, элегические стихи, канцоны, романтические дастаны, историографическая и мемуарная литература в прозе. Туркменская литература по-прежнему сохраняла связь с персоязычной и тюркоязычной литературами соседних народов. В результате возникновения идейно-тематическая общность, складывались единая образная система и даже единый подход к подбору образных средств. Автор справедливо усматривает причину такого явления в сродстве социально-экономической системы на территории всей Средней Азии и большей части Ирана, Афганистана, Индии, находившихся в тот период под общей эгидой Тимуридов.

Существенной особенностью развития туркменской литературы, по мнению исследователя, явилась взаимосвязь ее с литературой народов, не подвергшихся монгольским завоеваниям. Огузы-туркмены, переселившиеся незадолго до монгольского нашествия на запад, в Малую Азию, участвовали в создании там тюркоязычной литературы, продолжая в то же время писать на арабском языке и фарси. Автор придает большое значение деятельности поэтов Хисам ад-дина Туркмана (XIII в.), Бурхана Сиваси (XIV в.) из племени салор в Хорезме, азербайджанского поэта Насими (XIV в.), оказавшего огромное влияние на туркменскую литературу.

Вторая глава книги посвящена характеристике последующего этапа развития туркменской литературы, охватывающего XVIII — начало XX в. Противоречивость и сложность творческого процесса, порожденные социально-экономическими условиями жизни туркменского общества этого периода, находят подлинно историческое освещение.

Х. Г. Кор-оглы правомерно выделяет в туркменской поэзии XVIII — начала XX в.

два направления — религиозное и светское, показывает социально-исторические условия, на почве которых они возникли. Так, на религиозном направлении в поэзии отразилось то, что в туркменском обществе древние мифологические представления (в особенности шаманизм) легко уживались с исламом. Второе направление — светское — представлено социально-бытовыми и любовно-лирическими стихами, что также находит свое объяснение.

Автор проследивает связь литературы с суфизмом — идеологией средних и мелких слоев земледельцев, в частности с накшбандизмом, наиболее сильно отразившемся и творчестве выдающегося туркменского поэта Махтумкули.

Краткие очерки, посвященные отдельным крупнейшим представителям туркменской литературы, насыщены интересным материалом и содержат много новых фактов. Следует отметить очерки о творчестве Махтумкули, Зелили и Сеиди, о ниниствовавшим певце «черни» Кемине — остролове, любимце сельчан и скотоводов, об Андалибе, о Молланепесе.

Х. Г. Кор-оглы показывает связь творчества этих и других поэтов с классической поэзией народов Средней Азии и с фольклором. По мнению автора, особенно тесно с народно-поэтическим творчеством связана поэзия Мырата Талыби и Магрупи. Автор раскрыл народную основу дастана Магрупи «Юсуф и Ахмед».

О взаимосвязи культур говорят прослеженные в дастане Магрупи традиции героического эпоса узбеков, с которыми огузы были тесно связаны до своего переселения на запад. Сходство деталей сюжета и отдельных мотивов туркменской поэмы «Юсуф и Ахмед» и героической узбекской поэмы «Алпамыш» объясняется тем, что и туркменский, и узбекский эпосы восходят к древнему памятнику «Китаби Деде Коргут». На основе анализа поэмы «Юсуф и Ахмед» автор приходит к выводу, что Магрупи создал свою поэму на основе фольклорного источника.

Можно не согласиться лишь с отдельными оценками особенностей творчества некоторых поэтов. Так, автор считает, что Андалиб — создатель интимной лирики — «не свободен от шаблонов восточной средневековой поэзии», и ссылается при этом на повторение «набивших оскомину поэтических образов»: влюбленный, например, сравнивается с соловьем, разлученным с розой. Однако этому утверждению противоречит приведенное здесь же двустишие, где дается аллегорический образ возлюбленной по имени Гюль (Роза):

«Стенание по Гюль и разлука с ней

Подсказали мне сочинить дастан о Юсуфе и Зылыхе» (стр. 151).

Данный пример скорее свидетельствует о самобытной трактовке Андалибом традиционного образа, использование которого — дань классической поэтической традиции —

было широко распространено среди поэтов — современников Андалыба. Закономерность подобного явления признается и самим автором на предыдущих страницах его книги.

Не раскрыто с достаточной ясностью и утверждение, что Молланепес в любовной лирике «чередует шаблонные образы с народно-поэтическими» (стр. 166).

Заключительная глава книги посвящена туркменской советской литературе. Х. Г. Кор-оглы рассматривает развитие литературы социалистического реализма по этапам, с первых лет ее становления до наших дней. Соответственно этому дается следующая периодизация: период становления (1917—1929 гг.); литература 30-х годов; литература периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); литература послевоенных лет.

Автор справедливо утверждает, что первый этап становления туркменской советской литературы характеризовался обращением народных шакиров, таких, как Молламурт, Дурды Клыч, Байрам-шахир, к новой проблематике. Однако тогда их творчество еще не выходило за пределы традиционных жанров и форм. Поэты более молодого поколения (Ата Салих, Кермолла) придали поэзии революционную направленность, но и они придерживались традиционных форм.

В 20-е годы начали свою деятельность поэты и писатели, ставшие впоследствии популярными, — Берды Кербабаяв, Караджы Бурунов, Якуб Насырлы, создавшие в своих произведениях образ героя нового времени — советского человека, строителя социалистического общества. В 20—30-х гг. в туркменской литературе появляются новые жанры — повести, пьесы. Параллельно продолжают существовать и развиваться и традиционные жанры — повесть, короткий бытовой рассказ. Автор останавливается на проблеме связи туркменской советской литературы с классическим литературным наследием и подчеркивает значительное влияние русской литературы, особенно писателей — представителей социалистического реализма, на творчество писателей Советской Туркмении. Стремление писателей быть как можно ближе к народу, сделать свое твор-

чество понятным широкому читателю делало необходимым сохранение традиционных жанров. Так, основоположник туркменской прозы Агахан Дурдыев создавал свои первые произведения по типу народных сатирических сказок, рассказов и анекдотов.

В 30-е годы одной из ведущих проблем туркменской литературы становится проблема создания типических образов. Писатели вплотную подходят к решению больших социально-этических задач, к обобщенному показу явлений действительности. В литературу Советской Туркмении пришел в те годы отряд писателей, «ме литературное мастерство формировалось в гуще жизни». Х. Г. Кор-оглы всесторонне разбирает произведения прозаиков Хаджи Исмаилова, Нурмурада Сарыханова, поэтов Шалы Кекилова, Ораза Тачназарова, драматурга Ходжанепеса Чарыева.

В туркменской поэзии и прозе военных лет ведущими становятся темы защиты Родины, советского патриотизма, героики подвига. Анализируя стихи Ата Салиха, Кара Сейтлиева, Рахмета Сейидова, Амана Кекилова, прозаические произведения Х. Исмаилова, Н. Сарыханова, Ата Каушутова, автор справедливо отмечает рождение поэтических жанров: агитационно-плакатного, лирико-патриотического, лиро-эпического. Широкое развитие в годы войны получил жанр героической поэмы.

Очерк о литературе послевоенных лет автор посвящает разбору творчества известных туркменских писателей — Ата Каушутова, Амана Кекилова, Хаджи Исмаилова, Хыдыра Дерьяева. Характерным для туркменской литературы этого периода он считает выдвижение на первый план историко-революционной тематики и рождение романа-эпопеи — нового жанра «большой литературы».

Особое внимание автор по справедливости уделяет творчеству Берды Кербабаява, патриарха туркменской советской литературы.

В заключение следует отметить, что книга Х. Г. Кор-оглы «Туркменская литература» вносит существенный вклад в изучение национальных литератур Советского Союза.

Н. В. Кидайш-Покровская.

С. Н. ИВАНОВ. НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КАТАНОВ (ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

СЕРИЯ «РУССКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ». ИЗД. 2-е. М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1973, 114 стр.

В серии «Русские востоковеды и путешественники» вышло второе издание книги С. Н. Иванова, посвященной жизни и научно-педагогической деятельности выдающегося востоковеда и путешественника Н. Ф. Катанова, труды которого сохранили свое значение до наших дней.

Данное издание отличается от первого, вышедшего в 1962 г., более полной библиографией.

Данное издание отличается от первого, вышедшего в 1962 г., более полной библиографией.

Исследование состоит из восьми глав. Особо следует выделить главу, посвященную главному труду Н. Ф. Катанова — «Опыту исследования урянхайского языка».

Н. Ф. Катанов был хакасом по происхождению. Его родной народ в то время вел полукочевой образ жизни. При содействии меценатствующего сына золотопромышленника И. П. Кузнецова-Красноярского Н. Ф. Катанов был определен в Красноярскую гимназию, где непосредственным его наставником стал А. К. Завадский-Краснопольский, сыгравший известную роль в просвещении народов Сибири. Последний увлек своего ученика рассказами о географических открытиях и познакомил с трудами В. В. Радлова и А. Кастрена.

С. Н. Иванов приводит ценные сведения о деятельности ученого-краеоведа и путешественника И. П. Кузнецова-Красноярского, неутомимого исследователя и патриота Сибири А. К. Завадского-Краснопольского, рассказывает об известных тюркологах того периода — В. И. Вербицком и Н. И. Ильминском, о Г. В. Потанине, авторе трудов по этнографии и сагайскому диалекту хакасского языка.

С большим интересом читается вторая глава, посвященная студенческим годам Н. Ф. Катанова, специализировавшегося по арабско-персидско-тюркско-татарской словесности в Петербургском университете. Автор попутно сообщает важные сведения о замечательных успехах русского востоковедения последней четверти XIX века. Его научным центром стал факультет восточных языков Петербургского университета и Азиатский музей Академии наук (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР). Это был период активной научной и педагогической деятельности выдающихся представителей русского востоковедения: тюрколога и ираниста И. Н. Березина, монголиста К. Ф. Галстунского, арабиста В. Р. Розена, османиста В. Д. Смирнова, семитолога Д. А. Хвольсона, армениста К. П. Патканова, историка Востока Н. И. Веселовского и др. Непосредственно общаясь с этими замечательными учеными, Н. Ф. Катанов получает специальную тюркологическую подготовку, а под руководством В. В. Радлова «приватно» изучает фонетику тюркских языков.

Каждая глава рецензируемой книги, посвященная тому или иному этапу жизни и деятельности Н. Ф. Катанова, содержит также интересный фактический материал по истории востоковедения того периода. В исследовании достаточно подробно освещается деятельность ряда выдающихся востоковедов Петербурга и Казани. Читатель узнает о «четвергах» Н. М. Ядринцева (1842—1894), известного исследователя Сибири, издававшего «Восточное обозрение» — еженедельную литературную и политическую газету либерально-демократического направления, на страницах которой Н. Ф. Ка-

тановым были опубликованы «Сказания и легенды Минусинских татар».

В 1888 г. Н. Ф. Катанов заканчивает университет, а в 1889 г. отправляется в путешествие по Сибири и Восточному Туркестану. Это путешествие, длившееся четыре года, сыграло огромную роль в формировании Н. Ф. Катанова как ученого-филолога и этнографа. С. Н. Иванов подробно описывает этапы этого путешествия, во время которого Н. Ф. Катанов собрал и обработал огромный фактический материал по языку, народному творчеству и этнографии тувинцев, карагасов, хакасов, казахов и уйгуров, сохранивший научное значение до наших дней. Большую ценность представляют записанные Н. Ф. Катановым песни, сказки, сказания, загадки, поверья, шаманские заклинания, пословицы, клятвы, предания и т. п. Этнографические сведения, собранные Н. Ф. Катановым в этот период, включают данные о племенных названиях, особенностях быта и летоисчисления, религии, торговле, родоплеменном делении и пр.

Четвертая глава книги посвящена научно-педагогической деятельности Н. Ф. Катанова в Казанском университете. Как известно, Казань в то время была третьим центром востоковедения после Петербурга и Москвы. Там работали такие известные востоковеды, как арабист Х. Д. Френ, китаист В. П. Васильев, монголисты О. М. Ковалевский и А. В. Попов, тюркологи и иранисты М. А. Казем-Бек, И. Н. Березин и др. С. Н. Иванов отмечает, что ко времени прибытия Н. Ф. Катанова Казань как востоковедческий центр начала утрачивать свое значение. После открытия в Петербургском университете Восточного факультета основные востоковедные силы переместились в Петербург. С уходом Н. И. Ильминского курс тюркско-татарских наречий на историко-филологическом факультете начал читать Н. Ф. Катанов.

Автор приводит свидетельства того, что лекции Н. Ф. Катанова были чрезвычайно содержательными, отличались широтой тематики и глубиной. В них излагались необходимые сведения о географии распространения и классификации тюркских языков, этнографические подробности, данные по истории тюркской письменности и т. д.

Одновременно Н. Ф. Катанов читал курсы арабского и персидского языков, вел спецкурсы по изучению надписей на монетах Золотой Орды и надгробных памятниках Казанского и Булгарского ханств. Многие из студентов, посещавших лекции Н. Ф. Катанова, впоследствии стали видными учеными, среди них тюрколог С. Е. Малов, финно-угровед В. Н. Андерсон и др.

В пятой главе, охватывающей наиболее важный этап жизни Н. Ф. Катанова в Казани, сообщаются сведения о деятельности «Общества археологии, истории и этнографии», членом которого Н. Ф. Катанов состоял с 1894 г., а впоследствии был избран его председателем.

Несмотря на перегруженность организационной работой, Н. Ф. Катанов отдавал много времени научным исследованиям, переводил арабские, персидские и тюркские надписи из гробницы Ахмеда Есеви, совершал многократные поездки к Булгарским развалинам. Он проявлял большой интерес к материальной культуре Булгарского царства, к истории Казанского царства и городам Казани, одновременно изучая условия жизни и быта хакасов, их этнический состав, народные предания и верования.

Именно в этот период Н. Ф. Катанов опубликовал большое количество статей этнографического характера: о погребальных обрядах у тюркских племен, о свадебных обычаях, о народной медицине. Появились также его статьи, посвященные устному народному творчеству: сказкам, легендам, историческим песням казанских татар, а также работы по нумизматике и исламоведению. Н. Ф. Катанов поддерживал тесную связь с татарским просветителем и ученым Каюмом Насыри, рецензировал и редактировал его труды, оказывая содействие в их публикации. Книга С. Н. Иванова дает яркое представление о казанском периоде деятельности Н. Ф. Катанова.

Особое место среди научных трудов Н. Ф. Катанова занимает его «Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903). Этот большой по объему труд содержит описание тувинского языка и материалы по сравнительной грамматике живых и мертвых тюркских языков. Кроме того, в работу включены образцы устного народного творчества, словарь с библиографией и указателями.

С. Н. Иванов подчеркивает роль Н. Ф. Катанова в развитии сравнительно-историче-

ского языкознания как в России, так и за рубежом.

Последние две главы книги посвящены жизни и деятельности Н. Ф. Катанова в предоктябрьский период и в послереволюционные годы. В это время Н. Ф. Катанов временно отходит от научной деятельности и сотрудничает с миссионерами.

После революции Н. Ф. Катанов получил приглашение в созданный в 1917 г. Северо-восточный археологический и этнографический институт. В 1919 г. с открытием восточного отделения института Н. Ф. Катанов занимал должность декана. Параллельно он продолжал преподавать в университете и других высших учебных заведениях. В том же году по всероссийскому конкурсу он был избран профессором университета и снова — председателем «Общества археологии, истории и этнографии». С этого времени он вновь активно включается в научную работу: принимает деятельное участие в обследовании Булгарских развалин, занимается вопросами краеведения, публикует обширный труд по восточной хронологии.

Н. Ф. Катанов скончался 10 марта 1922 г.

Работа С. Н. Иванова, охватывающая важнейшие этапы жизненного пути и научной деятельности Н. Ф. Катанова, написана на основе изучения обширного материала и отражает не только жизнь и деятельность самого ученого, но и окружение, содействовавшее его формированию как крупного исследователя.

Книга С. Н. Иванова читается с большим интересом и заслуживает высокой оценки.

Э. Н. Наджит

И. А. КИССЕН. СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ТАШКЕНТ, ИЗД-ВО «УЎҚИТУВЧИ», 1972, 112 стр.

Рецензируемый Словарь — первое крупное специальное исследование по лингвостатистике, выполненное на материале лексики узбекского языка и являющееся результатом многолетнего кропотливого труда автора.

Во вводной части Словаря говорится о значении частотных словарей, методике определения степени употребительности лексем без применения ЭВМ. Здесь же приводятся сведения о порядке и технике составления данного Словаря.

Следует особо отметить точность и требовательность автора в обращении с терминами. Стремясь, например, избежать дву-

значности слов *частотность*¹, *частотный*, автор удачно формулирует заглавие книги как «Словарь наиболее употребительных слов...» вместо общепринятого «Частотный словарь».

В качестве языкового материала, на основе которого устанавливается употребительность лексем, автор избрал произведения художественной литературы, наиболее полно отражающие лексическое богатство языка, а также «лексические особенности жи-

¹ Термин «частотность» употребляется в фонетике в значении высоты основного тона.

вой, естественной речи людей, общающихся устно между собой в обычных жизненных ситуациях» (стр. 3). Это — проза Айбека, С. Ахмада, Г. Гуляма, А. Каххара, А. Мухтара, Ш. Рашидова и других видных узбекских писателей?

Для анализа Н. А. Киссен использовал 40 произведений, содержащих более 100 тысяч слов. Каждая выборка составила приблизительно 2500 словоформ.

Результаты обработки материала представлены в шести словарях, каждый из которых имеет самостоятельное значение.

Словарь № 1 включает 1227 наиболее высокочастотных лексем, что составляет 76% всего текста, представленного в 40 выборках.

Словарь этот двуязычный: к каждой узбекской лексеме дается ее русский перевод в полном соответствии с узбекско-русским словарем³, что может оказать существенную помощь при составлении карманного словаря для изучающих узбекский язык.

В словаре № 1 все лексемы даются в строгом алфавитном порядке, и каждая снабжается пометками, указывающими на принадлежность ее к той или иной части речи. При этом вначале указывается часть речи, в функции которой слово чаще всего употребляется в обследованных текстах. Так, например, если при слове *аввал* имеются следующие пометки: наречие, прилагательное, послелог, то это значит, что *аввал* наиболее часто встречается в функции наречия и менее употребительно в качестве прилагательного и послелога. Подобные данные могут быть использованы авторами учебников узбекского языка для русских школ и составителями вновь создаваемого узбекско-русского словаря.

Ценны также указания И. А. Киссена о происхождении каждого включенного в словарь слова. При отсутствии этимологического словаря узбекского языка такие комментарии приобретают особое значение.

Большой интерес представляет анализ лексем, состоящих из нескольких морфем,

² Вопросы лингвостатистики на материале узбекского языка доцент Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина И. А. Киссен занимается в течение тридцати лет. Данные этих исследований частично опубликованы в ряде статей, см., например: И. А. Киссен. Некоторые данные о частотности фонем в современном узбекском литературном языке. — «Научные труды Ташкентского государственного университета», вып. 229. Востоковедение, 1964; *его же*. Опыт статистического исследования частотности лексикой передовых статей газеты «Қизил Ўзбекистон». — Там же, вып. 247. Иранская, тюркская, арабская филология, 1964; *его же*. Некоторые данные о частотности слов в современной узбекской художественной прозе. — Там же.

³ «Узбекско-русский словарь». Под ред. А. К. Боровкова. Ташкент, 1959. Дальнейшие ссылки производятся на этот словарь.

восходящих к разным языкам. В этих случаях автор оговаривает языковую принадлежность каждой морфемы; см., например, примечание к слову *аввалги*: *аввал* — арабское, *ги* — узбекское и т. д.

Многочисленные слова снабжены цифрой, показывающей, что данное слово встречалось в обследованных текстах в значении, помеченном этой же цифрой в узбекско-русском словаре. Следует отметить, что эта весьма трудоемкая работа выполнена с большим тщанием.

По такому же принципу составлены и другие словари рецензируемого труда.

Думается, что при переиздании узбекско-русского словаря составители должны будут использовать принцип размещения различных значений слова в зависимости от частоты его употребления.

В полном соответствии со степенью употребительности располагаются в словаре также омонимы. Например, вначале указывается *уч* в значении «три» (3), а затем *уч* в значении «коней». Кстати, в существующем узбекско-русском словаре порядок следования омонимов, к сожалению, не всегда соответствует частотности их употребления.

Словарь И. А. Киссена содержит точные сведения о процентном соотношении частотности различных частей речи. По данным автора, наиболее высокочастотен глагол (по букве *а* употребительность глагола составляет 22%, по *к* и *б*, например, еще больше — соответственно 34% и 40%). Это закономерно, ибо предикация, являясь одним из признаков любого предложения, выражается преимущественно глаголом.

Для узбекского языка весьма характерно употребление сложных глаголов, состоящих из значительного и вспомогательного компонентов. Посредством этих сочетаний выражаются многие грамматические категории: вид, модальность и т. д. Словарь № 1 отражает потенциальные возможности слова образовывать сложные глагольные формы. Более того, как это видно из словаря № 2, для каждого вспомогательного глагола указывается общее число всех его возможных значений (например, для *бўлмоқ* — 15, *тушмоқ* — 14). Такой анализ свидетельствует о глубоком знании лексического богатства узбекского языка.

В словаре № 2 прежде всего даются сведения о ранге данной лексемы, ее значении и указывается, в скольких выборках она встречалась и сколько раз.

Особый интерес представляет алфавитный словарь высокочастотных лексем в авторской речи (№ 3) и в речи персонажей литературных произведений (№ 5). Сопоставление лексем этих словарей позволяет выделить наиболее употребительные слова, характерные для авторской речи, от слов, встречающихся в речи персонажей, например, слова *икл*, *бекор*, *бирам*, *вазифа*, *демоқ*, *касал*, *мунча* высокочастотны только в речи персонажей, в то время как слова *азоб*, *аллақачон*, *билдирмоқ*, *бирпас*, *ватда*,

дил, ёлғиз, завқ характерны в основном только для авторской речи. Слова, в равной степени характерные как для авторской речи, так и для речи персонажей, помечены в словаре звездочкой (*). По подсчетам И. А. Киссена, в авторской речи употребляется 71% всех лексем. Соблюдая единый принцип подачи материала, составитель и в этих типах словарей (№ 3 и № 5) указывает ранг каждого слова.

Авторская речь и речь персонажей являются объектом исследования также в словарях № 4 и № 6 соответственно; однако, в отличие от словарей № 3 и № 5, лексемы даются здесь в порядке убывания их ранга. Словарь речи персонажей позволяет определить необходимый минимум лексем, достаточный для общения на данном языке, а именно — 30% всех активных слов. Этот словарь мог бы лечь в основу разговорников узбекского языка, предназначенных для русского читателя. Исследователь стилистики узбекского языка найдет в последних четырех словарях ценный и редкий материал, представляющий значительный теоретический интерес.

Работу со словарем облегчают детальные авторские объяснения всех вариантов оформления статистических данных о лексемах. См., например, исчерпывающие комментарии к словам *тушмоқ*, *масала*, *ун* на стр. 62. Аналогичные объяснения даны также на стр. 10, 11. Принцип подачи статистических данных к лексемам последовательно выдерживается в каждом словаре.

Рецензируемый Словарь И. А. Киссена содержит обширнейший языковой материал для дальнейших теоретических исследований в области узбекского языкознания.

В заключение хотелось бы сделать несколько замечаний и высказать ряд пожеланий.

На наш взгляд, полезно было бы привести в Словаре процентное соотношение частотности различных частей речи, а также дать сравнительный анализ высокочастотных лексем в авторской речи и речи персонажей.

Поскольку исследование построено на материале произведений разных писателей, не меньший интерес представили бы, например, данные о частотности наиболее активных слов соответственно в языке Айбека, А. Каххара, Ш. Рашидова и других авторов. Эти сведения в известной мере послужили бы характеристике особенностей художественного стиля того или иного писателя.

Значительно обогатили бы рецензируемую работу словаря языка исследованных автором произведений отдельные писателей, данные в качестве приложения.

Думается, что все эти вопросы не пройдут мимо внимания И. А. Киссена, располагающего огромным материалом, и он учтет их в своих последующих работах.

С. Атамирзаева, Г. Юлдашева

TURCICA. REVUE D'ÉTUDES TURQUES. T. II. 1970 PARIS, 1972

Вышел второй том международного тюркологического ежегодника, издаваемого Институтом тюркологии Страсбургского университета совместно с Институтом тюркологических исследований Парижского университета и университетом в Экс-ан-Провансе¹. Тематика девяти статей этого сборника охватывает весьма широкий круг вопросов, а помещенная информация даст достаточно полное представление о тюркологических исследованиях, ведущихся в научных учреждениях Франции. К сборнику приложен список материалов, которые предполагается опубликовать в третьем томе (отметим, однако, что ни одна из статей и рецензий, анонсированных в первом томе, в рецензируемом издании не опубликована).

¹ Общие сведения об этом издании и обзор первого тома см.: Н. А. Дулина. О тюркологическом ежегоднике, издаваемом в Париже. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 108—109.

Материалы в томе публикуются на французском, немецком, английском языках, и в равной мере охватывают историческую и общепфилологическую (включая текстологическую) тематику.

Статья А. Бомбачи «Кто был Джебу Хак'ан?» (Qui était Jebu Hak'an?, стр. 7—24) посвящена анализу имеющихся свидетельств о личности вождя тюрков, вторгшихся в 627—628 гг. в Закавказье. (Джебу Хак'ан или Джепетух у армянских историков, Зиевил — у византийских). отождествляя это имя с древнетюркским титулом ябгу-каган, зарегистрированным в Западнотюркском каганате, ряд исследователей (И. Маркварт, Ю. Кулаковский, Д. Энлоп) считает, что Джебу-каган и западнотюркский властитель Тон-ябгу-каган (618—630) — одно и то же лицо; другие ученые (например, М. И. Артамонов, К. Цегледи) полагают, что главой тюркского войска в закавказском походе был брат Тон-ябгу-кагана, носивший тот же титул и правивший

хазарами. Склоняясь к первой гипотезе, но при этом отмечая, что и она пока еще недостаточно обоснована, автор рассматривает ее в аспекте общей проблемы хазаро-западно-тюркских политических связей.

Г. Хазай в статье «Об одном отрывке из надписи Тоньюкука» (*Sur un passage de l'inscription de Tonymukuk*, стр. 25—31) вновь обращается к истолкованию загадочного выражения *qıruq qırdup (qurdan)* в 14-й строке этой надписи; автор полагает, что это выражение не имеет конкретного семантического смысла и является лишенным семантики формально-ритмическим дополнением, служащим для сохранения «благородного» стиля метрической прозы, которыми написан текст. Отметим, однако, что английские исследователи Г. Бэйли и Дж. Клосон недавно установили подлинное значение выражения: «на западе (город) Хатан»; древнетюркское *qordan* закономерно передает хотано-санскритское *Korttana*, известное по буддийским текстам, синхронным руническим памятникам².

Вместе с тем статья Г. Хазай сохраняет свое значение как весьма интересное и плодотворное исследование художественно-стилистических приемов, используемых авторами древнейших тюркских памятников.

Одному из наиболее блестящих образцов древнетюркской переводной прозы посвящена публикация Ф. Гайслера и П. Циме «Фрагменты уйгурской Панчатантры» (*Uigurische Pañcatantra-Fragmente*, стр. 32—70), содержащая, наряду с текстологической характеристикой, реконструкцию текста (в транскрипции), его немецкий перевод, лексикологический комментарий, глоссарий и факсимильное воспроизведение фрагментов, обнаруженных при археологических работах в Турфанском оазисе и датируемых временем существования там Уйгурского государства (IX—XIII вв.).

В статье азербайджанского ученого Р. А. Гусейнова «Этнические напластования в Закавказье XI—XII веков» (*Superpositions ethniques en Transcaucasie aux XIe et XIIe siècles*, стр. 71—80) дается детальный анализ этнического состава тюркоязычных группировок, появившихся в указанную эпоху, главным образом на территории Азербайджана. Эта статья доступна теперь и русскому читателю³.

Статья румынского ученого Г. И. Константина «Первое упоминание енисейских древнекиргизских надписей: путевой дневник румынского путешественника Николае Милеску (Спафария) в Кятай — 1675 г.» (*The first mention of the Yenesei Old-Kirghiz inscriptions: the diary of the Rumanian*

traveller to China Nicolaie Miliescu (Spathary)—1675, стр. 151—158) является фактически перепечаткой его работы, ранее издававшейся на русском языке⁴ и содержит публикацию отрывков из дневника русского посланника в Китае Н. Спафария, и хотя эти отрывки указывают на то, что путешественник знал, хотя бы и по слухам, о каких-то письменах на приенисейских скалах, все же отождествлять это с открытием им руник было бы неоправданным.

Статья Ю. З. Ширвани «Мухаммед-ибн-Кейс и его тюркский глоссарий» (*Muhammed ibn-Keys et son glossaire turc*, стр. 81—100) представляет собой подробное изложение доклада, прочитанного автором на IV Тюркологической конференции в Ленинграде в июне 1970 г.⁵

Происхождению термина *калга* (*Qalğa*), его значению, эволюции и области распространения посвящена пространная статья Ж. Магуза (*Qalga*, стр. 101—129). К ней приложены две таблицы, в которых приводятся арабские (209 примеров) и латинские (9 примеров) написания этого термина. Примеры почерпнуты из контекста документов, изданных В. В. Вельяминовым-Зерновым («Материалы по истории Крымского ханства». СПб., 1864), и документов, хранящихся в Копенгагене. Титул *калга*, который, как известно, носил наследник крымского хана, впервые зафиксирован в царствование Менгли Гирея б. Хаджи Гирея (1466—1466, 1475—1476, 1478—1514), принявшего османское подданство. Хан даровал его своему сыну в 1475 г. Кроме того, этот титул встречается у двух крымских племен — *ширин* и *манкул*. Узбекские ханы стали употреблять этот титул в период между 1512 г. и первой половиной XVII в., замещав его, несомненно, у крымских правителей. На основании лингвистического анализа автор приходит к выводу, что слово *калга* алтайского происхождения, скорее всего тюркского, и относится к кыпчакской группе языков.

В статье Х. Ж. Кисслинга «Несколько проблем, касающихся Искендер-паши, визира Баязида II» (*Quelques problèmes concernant Iskender-Paşa, vizir de Bâyezid II*, стр. 130—137) приводятся биографические данные об Искендер-паше, одном из влиятельнейших сановников своего времени, неоднократно исполнявшим обязанности сан-джак-бея в Боснии. Он умер в 1506/7 г. в возрасте 74 лет. В источниках его имя часто ошибочно идентифицируется с именем Искендер-бега Михалоглу, известного военачальника отряда *акынджи*, умершего в 1496 г. Для выяснения этого вопроса автор

² G. Clauson. Some notes on the inscription of Tonymukuk. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 127—128.

³ Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье. — «Тюркологический сборник, 1972». М., 1973, стр. 375—381.

⁴ Г. И. Константин. Николай Милеску (Спафарий) об енисейских киргизах. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», т. VIII. Абакан, 1960, стр. 159—162.

⁵ Краткую информацию о докладе см.: «Советская тюркология», 1970, № 4.

анализирует большое число источников (Аали, Садеддин, Мюнеджимбаши, Сахал-ахбар, Солакзаде, Печеви).

Первое определение в каталоге одного из документов архива Топкапы под № E 6367, открытых в последние годы, послужило причиной написания статьи Ж. Л. Бакке-Граммон «„Фетихнаме“ зүлькадирдов из османских архивов» (Уп «Fetih-nâme» Zü'l-Kâdiride dans les archives ottomanes, стр. 138—150). Анализируя документ, автор статьи обнаружил, что он адресован не египетскому султану, как указано в каталоге, а турецкому, и составлен зүлькадирдом Шахрухом, а не тимуридом. Шахрух, о котором идет речь, — сын Алауддевле, родственник султана Баязида II, бей Кыршехира. В 1488/9 г. он был ослеплен своими братьями и потому в документе назван слепым. Османские султаны помогали зүлькадирдам в их борьбе с династией аккоунту. Наряду с описанием исторических фактов и лиц, упомянутых в документе, автор воссоздал политическую ситуацию, сложившуюся в восточной части Малой Азии в период длившейся несколько лет борьбы за престол между представителями упомянутых династий. В текст статьи включены транскрипция, перевод и фотокопия документа.

В рецензируемом сборнике помещен текст лекции, прочитанной в Страсбургском уни-

верситете профессором Анкарского университета *Бедреддином Тунджелем* «Влияние эпохи Просвещения на Османскую империю» (L'influence des «Lumières» sur l'Empire Ottoman, стр. 165—177). Хотя теократическое мусульманское государство не было подготовлено к восприятию идей эпохи Просвещения, однако полностью отгородиться от них ему в XVIII в. все же не удалось. Выяснению причин и путей проникновения западных идей в различные слои турецкого общества и посвящена лекция, в заключение которой автор отмечает, что в XVIII в. консервативные тенденции в Турции одерживали верх.

В выпуске напечатан текст доклада *Луи Базена*, прочитанного им 26 июня 1970 г. на XIII алтаистической конференции в Страсбурге, о тюркологических исследованиях, проводившихся во Франции в различные эпохи, — с XVI в. до наших дней, а также о действующих тюркологических центрах и подготовке в них специалистов (стр. 159—164).

Выпуск включает краткая информация *И. Меликовой* о XIII алтаистической конференции (стр. 178—180).

Н. А. Дулина, С. Г. Кляшторный

E. TRYJARSKI DICTIONNAIRE ARMÉNO-KIPTCHAK D'APRÈS TROIS MANUSCRITS DES COLLECTIONS VIENNOISES, TOME I, FASC. 1—4 (A—Ž).

WARSZAWA, 1968—1972 (ZAKŁAD ORIENTALISTYKI POLSKIEJ
AKADEMII NAUK), 914 стр.

В ряде советских тюркологических исследований неоднократно подчеркивалось значение изучения армяно-кыпчакского языка как для истории тюркских языков, так и для освоения богатого письменного наследия армян-тюркофонов Украины, употреблявших в XVI—XVII вв. кыпчакский язык в качестве разговорного, актового, литературного и даже, по-видимому, культового языка.

Известно, что за последние два десятилетия изучение армяно-кыпчакского языка, ставшего мертвым уже в конце XVII в., значительно продвинулось. Ценный вклад за этот период в «армяно-кыпчаковедение» внесли Ж. Денн (1879—1963), Т. Грунин (1898—1970), М. Левинский (1908—1955), Э. Трыарский, Э. Шюц, а также О. Прицак, Р. Коп, О. Егаян, Ш. Вашири, И. Абдуллин и другие. Можно надеяться, что в недалеком будущем ученые преодолеют основные лингвистические и палеографические трудности, стоящие еще сегодня на пути к изучению сотен рукописных книг, админи-

стративно-судебных и прочих документов, написанных на армяно-кыпчакском языке и хранящихся в архивных и библиотечных собраниях Украины, Армении, РСФСР, а также Польши, Австрии, Италии, Франции. Значение всех этих материалов, ключом к которым является знание армяно-кыпчакского языка (армянского — по графике, кыпчакского — по основному словарному составу), выходит далеко за пределы языковедения (теперь уже является общепризнанным, что армяно-кыпчакский язык XVI—XVII вв. представляет собой связующее звено между языком *Cumanicus* и современными кыпчакскими языками). Армяно-кыпчакский язык, употреблявшийся армянами в иноязычной — славянской — среде, являет собой один из многочисленных подобного рода историко-культурных феноменов. Овладение этим языком открывает перед историком или этнографом многие неизвестные до сих пор страницы прошлого армянских колоний на Украине, сыг-

равших заметную роль в установлении и развитии культурных и экономических связей Украины и Польши с Закавказьем и Ближним Востоком.

Армяно-кыпчакским языком в настоящее время владеет лишь несколько специалистов-языковедов. Одним из наиболее видных исследователей этого языка является польский востоковед Эдвард Трыарский, чья фундаментальная работа — трехтомный словарь армяно-кыпчакского языка — издается отдельными тетрадями в Варшаве начиная с 1968 г. и имеет важное значение для дальнейшего развития исследований в данной области. Положительную оценку в советской печати в свое время уже получили предварительно напечатанные Э. Трыарским отдельные словарные статьи (см. отзыв Э. В. Севортяна в сб. «Документы на полонском языке XVI в.», М., 1967, стр. 18—19). Благоклонно были встречены критикой и начальные тетради первого тома словаря армяно-кыпчакского языка [см. рецензии Г. Дёрфера («Ural-Altaische Jahrbücher», Bd 40, Wiesbaden, 1968, № 3-4, стр. 251—252), Э. Шюца («Orientalistische Literaturzeitung», Bd 64, Berlin—Leipzig, 1969, № 7-8, стр. 373—374), М. Молловой («Вопросы языкознания», 1970, № 6, стр. 118—120)]. Несомненно, и языковеды, и историки-востоковеды получили уже сейчас, после завершения издания первого тома словаря, ценнейшее пособие.

Составление «Армяно-кыпчакского словаря» — один из важных этапов в научной биографии польского востоковеда, посвятившего многие годы изучению армяно-кыпчакского языка. Из работ Э. Трыарского в этой области особого внимания заслуживают следующие: О «Historii wojny chocimskiej» i autorach ormiańskich kronik kamicieckich. — «Przegląd Orientalistyczny», Warszawa, 1959, № 2, стр. 211—214; Ze stądów nad rękopisami i dialektem kiptczackim Ormian polskich. — «Rocznik Orientalistyczny», t. 23, Warszawa, 1960, № 2, стр. 7—55; t. 24, 1960, № 1, стр. 43—96; Aus der Arbeit an einem armenisch-kiptschakisch-polnisch-französischen Wörterbuch. — «Ural-Altaische Jahrbücher», Bd 32, Wiesbaden, 1960, № 3-4, стр. 194—213; Z leksykografii Ormian polskich XVII i XVIII w. — «Przegląd Orientalistyczny», 1961, № 4, стр. 473—478 (совместно с Я. Рейхманом); La littérature arméno-kiptchak. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. 2, Wiesbaden, 1964, стр. 801—808; «Histoire du sage Hikar» dans la version arméno-kiptchak. — «Rocznik Orientalistyczny», t. 27, 1964, № 2, стр. 7—61 (две последние работы в сотрудничестве с Ж. Дени); Zdyak bölge burclarının bir armeni kiptçak listesi. — «XI Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimse Bildiriler», Ankara, 1968, стр. 127—152; Rangs, titres et fonctions dans certains textes armeno-kiptchak. — «Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference».

Naples, 1970, стр. 269—272; О двух надписях польских армян из города Замостье. — «Историко-филологический журнал», Ереван, 1971, № 4, стр. 255—264, а также ряд публикаций отдельных армяно-кыпчакских текстов.

Рецензируемый первый том словаря составлен на основе трех рукописных армяно-кыпчакских словарей XVII в., хранящихся в Библиотеке мхитаристов в Вене и в Австрийской национальной библиотеке (достойно сожаления, что при подготовке начальных тетрадей издания автор не смог воспользоваться двумя другими рукописными словарями, находящимися в Научной библиотеке Львовского государственного университета и в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде). Обширный лексический материал (около 10 тысяч слов малоизвестного языка) автор обработал чрезвычайно скрупулезно, дал польский и французский переводы слов, привлек параллели (в этимологическом плане) из других тюркских, а также восточных и западных (включая славянские — украинский и польский) языков, снабдил издание иллюстративным материалом. С точки зрения лексикографии — перед нами образцовая работа, заслуживающая самой высокой оценки.

Словарь Э. Трыарского рассчитан на три тома. В первом томе дается общая характеристика использованных рукописей, их лексикографический анализ, рассматриваются связи между рукописями, раскрывается значение словарей как этнографического источника и устанавливаются принципы транскрипции армяно-кыпчакского текста. Первый том включает также основной алфавитный перечень слов с дополнениями, словарь географических, этнических названий личных имен, указатель сокращений армяно-кыпчакского текста и, наконец, тридцать страниц фотофаксимиле, выбранных из всех (включая львовскую и ленинградскую) рукописей. Второй, пока не изданный том, должен (в соответствии с первоначальным планом) содержать результаты палеографических исследований и фотопрепродукции рукописных словарей. Следует подчеркнуть важность публикации фотокопий, позволяющих проверить правильность транскрипции и установить армянские эквиваленты кыпчакских слов, на которых автор останавливается в первом томе лишь в отдельных спорных случаях. В третьем томе будут обобщены лингвистические исследования на базе материала опубликованных словарей.

Необходимо подчеркнуть, что при составлении словаря на основе рукописей XVII в. автору пришлось преодолеть целый ряд трудностей. Работа над словарями XVII в. заключалась не в том, как может показаться на первый взгляд, чтобы армянский алфавитный перечень слов рукописей XVII в. заменить новым кыпчакским перечнем, поставив армяно-кыпчакские слова на первое

место. Словари XVII в. в основном двуязычные, причем подавляющее большинство слов, стоящих на первом месте (насколько мы имели возможность судить по львовскому и ленинградскому экземплярам), принадлежит классическому армянскому языку. На втором месте приводятся их кыпчакские эквиваленты (по крайней мере, теоретические), иногда даются глоссы на латинском и польском языках. Так как словарный запас армянского языка, особенно в области церковной и смежной лексики, был шире и богаче кыпчакского, словари XVII в. в какой-то степени приобретали характер и толковых словарей, в которых одно армянское слово часто не только просто переводилось эквивалентным кыпчакским, а толковалось описательно целой фразой на кыпчакском (или макароническом кыпчакско-украинско-польском) языке. Именно в последнем случае, при отсутствии одного кыпчакского слова-эквивалента, приходится говорить об эквиваленте теоретическом. Э. Трыарский был вынужден, таким образом, не просто менять местами армянские и кыпчакские слова, то есть использовать кыпчакские лексемы в качестве регистровых слов словаря, — но и использовать весь кыпчакский (включая и макаронический кыпчакско-украинско-польский) словарный состав рукописей XVII в. для конструирования совершенно нового словаря. Трудности построения подобного словаря очевидны: он создается на основании не связного контекста, а всего лишь отдельных слов или отрывистых фраз с неясной, во многих случаях, семантикой, ибо в рукописях XVII в. часто отсутствует полный формальный и семантический параллелизм армянского регистрового слова и его кыпчакского, фактического или теоретического, эквивалента. Задача автора усложнялась и тем, что к кыпчакским словам он подыскивал полноценные эквиваленты как из польского, так и французского языков. С этой задачей автор успешно справился, и его словарь сразу же после выхода в свет первых его тетрадей стал важнейшим лексикографическим источником при изучении лексики тюркских языков (см., например: *V. Drimba. Problèmes d'une nouvelle édition du Codex Cumanicus*. — «Revue roumaine de linguistique», t. 15, 1970, № 3, стр. 209—211).

Издание первого тома словаря Э. Трыарского проливает свет на ряд вопросов, связанных с изучением лексического состава армяно-кыпчакского языка. Словарь, в частности, подтверждает, что в армяно-кыпчакском языке (в «оформлении» начала XVII в.) имеются многочисленные заимство-

вания — монгольские, арабо-персидские, армянские, славянские (украинские и польские), древнейшими из которых являются, по-видимому, монгольские и арабо-персидские. При этом довольно четко определяется стратиграфия собственно кыпчакского лексического состава: наряду с архаическими формами имеются продуктивные неологизмы, возникшие, вероятно, в конце XVI—начале XVII в. уже на территории Украины. Словарь Э. Трыарского, несомненно, значительно богаче ранее или одновременно с ним опубликованных глоссариев Ж. Дени, Т. Грунина, Э. Шюца, Ш. Вашари.

Общее сопоставление лексики данных памятников со словарным составом древнейшего опубликованного памятника армяно-кыпчакского языка (Львовский судебник в переводе 1528 г. — публикация М. Левинского и Р. Кон, 1957 г.) позволяет сделать вывод об усиливавшемся во второй половине XVI—начале XVII в. влиянии славянского (украинского и польского) окружения на разговорный язык армян Украины. Если в церковном языке довольно стойко сохраняется армянская лексика, то в административную, юридическую, военную терминологию, в названия профессий, орудий и материалов производства, частей жилища и предметов домашнего обихода входит все больше слов из украинского и польского языков, а также, опосредствованно, из немецкого и латинского. Несомненно, эта языковая эволюция отражала перемены, происходившие на протяжении XVI—XVII вв. в среде самих армянских поселенцев. Словарь Э. Трыарского дает богатейший материал для исследования данного явления. Он играет также свою роль и в деле изучения кыпчакских элементов в украинском и польском языках.

Значение словаря не ограничивается областью лексикографии и лексикологии — в нем содержатся богатейшие данные для исследования исторической фонетики и морфологии армяно-кыпчакского и — в сравнительном плане — других кыпчакских языков.

Завершение издания трехтомного словаря Э. Трыарского не только явится стимулом к дальнейшему изучению армяно-кыпчакского языка и исследованию его памятников, но и, несомненно, поможет осветить интересные страницы истории культуры и быта средневековых армянских поселений на территории Украины и Польши.

Хочется пожелать автору успешного продолжения и завершения его весьма важной и полезной работы.

В. И. Филоненко, Я. Р. Дашкевич

Т. ТАЛИПОВ. РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

АЛМА-АТА, ИЗД-ВО «НАУКА», 1972, 97 стр.

Рецензируемая работа известного уйгуроведа Т. Талипова, посвященная проблемам исторической фонетики уйгурского языка, вышла в свет в период чрезмерного, на наш взгляд, увлечения молодых тюркологов-фонетистов методами экспериментальной фонетики. Безусловно, экспериментальная фонетика способствует получению учеными многих точных данных об артикуляции и физических характеристиках фонем того или иного языка. Однако выделить наиболее важные характеристики фонетической системы языка можно только с помощью глубокого фонологического анализа. Кроме того, немаловажное значение для изучения современного состояния языка имеют исследования в области исторической фонетики.

В рецензируемой книге рассматривается широкий круг вопросов исторической фонетики уйгурского языка: происхождение отдельных фонем, качественное изменение гласных, изменения в орфоэпических и орфографических нормах, сдвиги в сторону активизации и расширения функциональной нагрузки отдельных фонем и т. д.

Автор отмечает, что публикация текстов древнеуйгурской письменности в дооктябрьский период имела важное значение и фактически создала предпосылку для последующего их лингвистического анализа. Однако и в настоящее время существует немало трудностей в работе с письменными памятниками. Во-первых, большая часть их не систематизирована и не изучена, во-вторых, даже исследованные тексты не дают прочной базы для всестороннего изучения фонетики уйгурского языка. Трудности усугубляются еще и тем, что арабский, рунический и древнеуйгурский алфавиты не отображали адекватно особенности фонетической системы уйгурского языка. Все это, по мнению автора, осложняет изучение таких кардинальных вопросов уйгурской фонетики, как редукция и выпадение гласных, оглушение и озвончение согласных и т. д. Таким образом, перед фонетистами-уйгуроведами стоит еще немало нерешенных задач.

Т. Талипов подробно исследует появление отдельных фонем и их оттенков, переход некоторых фонем в оттенки других фонем и обратный процесс—переход оттенков одной фонемы в другие фонемы в процессе развития уйгурского языка. В этой связи весьма интересен анализ чередования широких гласных фонем с узкими. Автор на многочисленных фактах показывает, что переход широких гласных в узкие имеет более древнюю историю, чем предполагалось до сих пор.

Известно, что с появлением иноязычных заимствований и, особенно, русско-интерна-

циональной терминологии в систему вокализма и консонантизма тюркских языков вносятся новые элементы. Таким образом, возникает вопрос о возможности качественных изменений состава фонем языка в связи с лексическими заимствованиями. Автор справедливо утверждает, что, несмотря на широкое употребление звуков *ф, ц, щ, ы* и других в русско-интернациональных терминах, нельзя включать их в основную фонологическую систему языка, поскольку они не употребляются в составе исконно уйгурской лексики. Эти звуки произносятся в соответствии с русской орфоэпией, только носителями языка, владеющими нормами русского произношения, а основная масса уйгуров заменяет их исконно уйгурскими звуками. Насколько нам известно, именно Т. Талипов впервые предлагает не включать подобные звуки в состав исконно уйгурских фонем. Этот тезис справедлив и для ряда других тюркских языков, в частности для казахского.

В книге большое внимание уделено развитию фонемного состава уйгурского языка, подробно описано появление и функционирование фонематических единиц, связанных с развитием фонетической системы на разных этапах истории языка. Это касается происхождения так называемых индифферентных звуков *е, и*, а также звуков *ы* и *ф*.

В последней главе книги прослеживается долгий и сложный путь развития орфографических и орфоэпических норм уйгурского языка, что связано, по мнению автора, с наличием большого числа диалектов уйгурского языка. В этой же главе освещается ряд вопросов, связанных с установлением норм орфографии и орфоэпии, выявляющих общие закономерности между системой письма и фонологической структурой уйгурского языка, что представляет несомненный практический интерес.

Тюркологи в своей повседневной практике постоянно ощущают отсутствие общепринятой транскрипции, способствующей правильному воспроизведению, а, следовательно, и пониманию фонетических особенностей тюркских языков. В большинстве случаев они пользуются транскрипцией, основанной на алфавите данного языка, что в известной мере сужает круг специалистов, получающих возможность ознакомиться с результатами того или иного исследования. Работа Т. Талипова также страдает этим недостатком: для передачи уйгурских слов он использовал современную уйгурскую орфографию. Было бы целесообразнее воспользоваться более универсальными фонетическими транскрипциями, например, транскрипцией, принятой журналом «Советская

тюркология», что способствовало бы облегчению правильного восприятия текста читателями.

В заключение следует отметить, что новая работа Т. Талипова «Развитие фонети-

ческой структуры уйгурского языка» является ценным исследованием и, несомненно, будет полезна всем фонетистам-тюркологам, преподавателям и студентам вузов.

А. Джунисбеков

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РАБОТЕ СЕКЦИИ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XXIX МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ОРИЕНТАЛИСТОВ

С 16 по 26 июля 1973 г. в Париже проходил XXIX Международный Конгресс ориенталистов, посвященный столетию I Конгресса востоковедов, столетиями основанного Азиатского общества и столетиями расшифровки Шамполионом египетской письменности.

Президентом конгресса являлся проф. Р. Лаба (R. Labat) — президент Азиатского общества и профессор Французского колледжа, вице-президентами — К. Каэн (C. Cahen) — вице-президент Азиатского общества, профессор Сорбонны; Л. Амби (L. Hambis) — вице-президент Азиатского общества, Ж. Фийоза (J. Fillozat) — директор Французской школы востоковедения и профессор Французского колледжа; генеральным секретарем — И. Эрву (I. Hervoult) — профессор Парижского университета.

Работа Конгресса проходила по 11 секциям с соответствующими подсекциями: 1. Древний Восток [а) ассириология, б) египтология, в) семитология]; 2. Христианский Восток; 3. Гебрантика; 4. Арабские и исламские исследования; 5. Иранистика [а) история и цивилизация, б) язык и литература]; 6. Центральная Азия [а) древняя цивилизация Центральной Азии, б) монголистика и тибетология, в) тюркология]; 7. Индия [а) Древняя Индия, б) Новая Индия]; 8. Юго-восточная Азия [а) островная Юго-восточная Азия, б) континентальная Юго-восточная Азия]; 9. Синология [а) Древний Китай, б) Новый Китай]; 10. Японистика и корееведение [а) Корея, б) Япония]; 11. Библиография и книговедение.

Функционировали также специальные коллоквиумы и семинары по частным вопросам востоковедения.

Цель настоящих заметок — дать краткую информацию о работе подсекции тюркологии, организационно входившей в состав самой крупной секции конгресса — секции Центральной Азии.

Руководителем подсекции тюркологии был известный французский тюрколог Луи Базэн (L. Bazin) — профессор Национального Института по изучению восточной ли-

тературы и цивилизации, директор Практической школы ориентальных исследований (4-й секции).

Следует отметить, что и сама тюркологическая подсекция была расчленена на две тематические группы, заседавшие раздельно. В особую тематическую группу были выделены доклады по вопросам до-османской и османской истории. Все остальные проблемы и вопросы тюркологии были представлены в докладах основной группы — «Тюркологические исследования» («Études Turques»).

Раздельные заседания не позволили участникам конгресса — тюркологам заслушивать доклады обеих групп, и поэтому ниже сообщается только о работе тематической группы «Тюркологические исследования».

Заседания этой группы проходили ежедневно под председательством одного из участников, в том числе и представителей Советского Союза — члена-корреспондента Академии наук СССР, проф. А. Н. Кононова и академика Академии наук Туркменской ССР, проф. Б. П. Пальвановой.

Тематика докладов была весьма разнообразной, хотя руководитель секции Л. Базэн и пытался объединить их по проблемному принципу. Однако в связи с тем, что не все докладчики, чьи выступления были запланированы, смогли приехать на конгресс, его организаторы были вынуждены отказаться от проблемной группировки докладов. И все же, подытоживая работу тематической группы «Тюркологические исследования», можно прочитанные доклады разбить на две подгруппы: первую подгруппу составят при этом лингвистические доклады, посвященные проблемам фонетики и фонологии, грамматики и лексикологии.

Общим лингвистическим проблемам был посвящен доклад А. Н. Кононова (СССР) «Тюркское языкознание в СССР».

По вопросам фонологии, фонетики, транскрипции было прочитано четыре доклада: А. Третьякова (Франция) «Автоматическая транскрипция тюркских и персидских текстов арабского письма»; Г. Хазаи (Венгрия) «К критике транскрипции османско-ту-

репких памятников»: *Т. Текин* (Турция) «О происхождении долгих гласных в тюркских языках»; *Н. А. Баскаков* (СССР) «К реконструкции архетипов однофонемных корневых морфем в древнетюркских языках»; по вопросам грамматики — два: *И. Лауде-Циртаутас* (США) «Промежуточное время в казахском и узбекском языках в значении настоящего и будущего времени», *Э. Шютц* (Венгрия) «Некоторые замечания о личных местоимениях в алтайских языках».

Большим количеством докладов была представлена лексикология: *М. Вагленов* (Болгария) «Слово su — вода, его происхождение и распространение», *Э. Трыарский* (Польша) «Термины карточной игры у тюрков», *И. Башгёз* (Турция) «Выбор имен детей в Турции», *К. Крайзер* (ФРГ) «Топонимика Османской империи».

Остальные доклады, составляющие вторую подгруппу, были посвящены вопросам фольклора, литературы, истории:

а) фольклор и литература: *М. Динеску* (Румыния) «Теневой театр Карагёз в современной Турции», *Ш. Ельчин* (Турция) «Собрание, относящееся к народной поэзии тюрков Алжира», *А. Усманов* (СССР) «Об изучении узбекских пословиц узбекского населения Афганистана»;

б) история и культура: *И. Муминов* (СССР) «Изучение наследия Абу-Райхана Бируни в Узбекистане», *Б. Д. Джагерчинов* (СССР) «Место кочевников Тянь-Шаня в истории цивилизации Центральной Азии», *Б. П. Пальванова* (СССР) «Раскрепощение женщины в Средней Азии», *А. Рона-Таш* (Венгрия) «Критическое издание Волгобулгарских памятников», *Дж. Гамильтон* (Франция) «Топоним КЧН в рунической письменности», *К. Цегледи* (Венгрия) «Образование уйгурской империи в Турфане», *Э. Эгин* (Турция) «Древо жизни в изображении тюрков».

Кроме того, среди участников секции был распространен текст доклада *Э. А. Груниной* (СССР) «К вопросу о формировании национального турецкого литературного языка».

В программе подсекции «Тюркологические исследования» были объявлены, но не прочитаны доклады отсутствовавших на конгрессе ученых: *А. Ахундова* (СССР) «Фонологическая интерпретация фонетических соответствий в тюркских языках», *С. Джафарова* (СССР) «Пути развития категории залога в тюркских языках», *Ф. Зейналова* (СССР) «Категория вида и ее выражение в тюркских языках», *А. Абдулмисев* (СССР) «Неравномерное развитие синтаксических конструкций в тюркских языках», *К. Мусиева* (СССР) «Проблема лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков», *Э. Боева* (Болгария) «Термины родства в диалектах татар Болгарии», *Р. Моллова* (Болга-

рия) «Народный роман у турок Болгарии», *М. Молловой* (Болгария) «Некоторые проблемы тюркской антропологии».

В период работы Конгресса проводились многочисленные встречи и приемы ученых, способствовавшие общению делегатов Конгресса и обмену мнениями по различным научным вопросам, в частности по вопросам тюркологии.

Наиболее интересными были прием в Сорбонне, организованный институтами Тюркологических исследований, Иранистики, Арабистики и Исламоведения и Северной Африки и прием у Президента Национального Института восточных языков и цивилизаций.

В числе видных тюркологов, участников другой тематической группы Конгресса, следует упомянуть таких, как *М. Боратов*, *А. Топчубаш*, *С. Шинман*, *И. Меликова*, *Х. Ханним* (Франция), *Г. Кара*, *Л. Бенне* (Венгрия), *З. Абрахамович*, *В. Зайончковский* (Польша), *Т. Халаш-Кун*, *Д. Шинор* (США), *Б. Шернер*, *М. Юси* (ФРГ), *А. Карахан* (Турция) и др.

При обсуждении организационных вопросов наметилась тенденция отказа от организации общих ориенталистических конгрессов и перехода к созыву тематических конгрессов. Однако многие национальные делегации, в том числе и делегация Советского Союза, остались сторонниками проведения общеориенталистических конгрессов.

Рассматривался также вопрос о месте созыва XXX Конгресса. Было выдвинуто три основных предложения о проведении очередного Конгресса: в СССР, Мексике и Японии. Прошла рекомендация о созыве очередного Конгресса в 1978 году в Мексике. Однако окончательно этот вопрос будет решен позже. Дело в том, что нельзя полностью игнорировать тот факт, что основные центры востоковедения и подавляющее большинство ориенталистов сосредоточены в Европе и Азии. Кроме того, многие из делегаций высказывались за созыв очередного, XXX Конгресса в СССР.

Многие издательства, выпускающие специальную востоковедческую литературу, в том числе такие крупные фирмы, как *Отто Харасовиц* (Висбаден), *Брилль* (Лейден) и *Мутон* (Гаага), организовали для участников Конгресса выставки новых и старых изданий.

В дни Конгресса были открыты все ориенталистические музеи Франции, вход в которые для делегатов Конгресса был свободным.

XXIX Международный Конгресс ориенталистов, несомненно, явился заметной вехой в развитии международного востоковедения. Он подтвердил необходимость и в дальнейшем вести комплексные исследования целого ряда основных проблем ориенталистики.

Н. А. Баскаков

заявил, что «Хиллат ал-инсан» принадлежит перу Ибн Муханны Ал-Убайдили, жившего при моголах, вопреки утверждению Килсли Рифата, приписывавшего авторство Ибн Муханне ибн Анабу. Н. А. Ал-Махфуз утверждал, что последний был современником Тимура и умер через 146 лет после Ибн Муханны Ал-Убайдили.

Т. Текин (Анкара) посвятил свой доклад якутскому соответствию праторкского согласного *s* в иллауте и ауслауте. Докладчик привел данные, подтверждающие мнение Г. Рамстедта, считающего, что праторкский *s* в иллауте и ауслауте соответствует якутскому *t*.

Г. Абдурахманов (Ташкент) сделал сообщение о периодизации истории узбекского литературного языка, выделив четыре исторических периода в развитии узбекского литературного языка: 1) древнетюркский язык (сюда относится язык памятников, создан-

ных до X—XI вв. на основе рунической, уйгурской, согдийской, манихейской и брахми письменностей); 2) среднеазиатский старотюркский язык (язык письменных памятников XI—XIII вв.: «Кутадгу билик», «Дивану лугат-ит-тюрк», «Хибат-ул-хакойк», «Тегфир» и др.); 3) староузбекский язык (язык письменных памятников XIV—XIX вв.); 4) современный узбекский литературный язык (формируется со второй половины XIX века).

Г. Абдурахманов рассказал также о достижениях узбекских лингвистов в изучении узбекского языка.

На секциях истории тюркских литератур, истории тюркских народностей и их искусств также был сделан ряд интересных в научном отношении докладов и сообщений.

Г. Абдурахманов

IV ПОВОЛЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

С 18 по 21 сентября 1973 года в г. Саранске проходила IV конференция по ономастике Поволжья, организованная Институтом этнографии Академии наук СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарева. В конференции приняли участие ученые Москвы, столиц автономных республик и городов Поволжья, работники загсов.

Работа конференции проходила по следующим секциям: актуальные вопросы антропонимии, русской, тюрко-монгольская и финно-угорская антропонимия, неофициальные имена, тюркская и монгольская топонимия, финно-угорская топонимия, топонимия и история, этнонимия, ономастика в фольклоре, зоонимия, космонимия и ксемо-тонимия. Всего на пленарных и секционных заседаниях было прочитано 98 докладов.

Значительное место в программе конференции заняли доклады по тюркской и монгольской ономастике, которая для данной группы языков является совершенно новой и интенсивно развивающейся отраслью лингвистики.

В докладе Г. Ф. Саттарова и Р. Х. Субаевой (Казань) были раскрыты лингвистические особенности основных опорных компонентов татарских сложных имен. В результате анализа свыше шестидесяти татарских (преимущественно общетюркских) и около ста арабских, персидских и монгольских компонентов авторы выделили четыре грамматических типа сложных имен и их лексико-семантические разряды, показали возможности структурного варьирования (*Хан-тимер ~ Тимерхан* и т. д.).

Изучение материалов ревизских сказок 1859 года позволило Т. Х. Кусимовой (Уфа) прийти к заключению, что башкирский именник середины XIX века на 80% состоял из арабизмов, а из башкирских компонентов наиболее активным в мужских именах был *бай*, а в женских — *бикә*.

В докладе Г. Ц. Пюрбеева (Москва) «Личные имена калмыков из топонимов и этнонимов» было показано своеобразие ономастического переосмысления географических терминов, названий и этнонимов. Антропонимы, входящие в этот разряд, автор считает своего рода рефлексивными элементами единого для монгольских народов культа гор и рек.

Л. В. Данилова (Ташкент) сообщила результаты анализа собственных имен чувашей д. Зириклы Бишбулякского района Башкирской АССР. Своеобразие состава антропонимии данного населенного пункта обусловлено тем, что часть его населения сохраняла язычество, часть приняла христианство, а другая часть исповедовала ислам.

Вопросы лексического и грамматического освоения личных имен арабского происхождения в татарском языке были подняты в докладе Л. К. Тазиевой (Казань). Докладчик пришла к заключению, что в заимствованных именах отражается морфологическая структура арабского языка, то есть сохраняются категории рода, числа, определенности—неопределенности, грамматические разряды слов.

В докладе Т. М. Гарипова и Г. Б. Сиразетдиновой (Уфа) «О фамилиях башкир в

русских исторических документах XVII—XVIII вв.» говорится о том, что первые фамилии у башкир появились в XVIII веке по образцу русских фамилий и были образованы от личных имен, прозвищ, этнонимов и др.

И. В. Большаков и Р. Х. Субаева (Казань) изложили принципы составленного ими «Справочника татарских имен» (Казань, 1973). В справочнике, содержащем около 800 мужских и женских имен, преимущественно современных, приводятся русское и татарское написание имени, показано, как образуются отчества.

Доклад Р. А. Халиковой (Уфа) «Лингвистическая структура башкирских личных имен XVII—XVIII вв.» был построен на материале *шежере*, исторических, юридических и деловых документов. Автором выделены три структурных типа имен (простые, сложные, составные), указаны наиболее употребительные антропонимические аффиксы (-чи, -ли, -кай и др.).

Г. Ф. Саттаров (Казань) в докладе «Отчества и категория вежливости-почтительности в современной татарской антропонимии» указал различные методы выражения вежливости и почтительности: употребление русской формы отчества, прибавление к собственному имени и имени отца терминов родства и свойства, а также использование слов, выражающих старшинство, звательных слов с эмоционально-экспрессивным значением, местоимений второго лица множественного числа и сословных терминов.

Доклад А. Б. Булатова (Казань) был посвящен анализу имен татар периода Казанского ханства (XV—XVI вв.). Сопоставляя их с ногайскими именами и чувашскими языческими именами по публикации Магницкого, а также материалами среднеазиатских источников, докладчик попытался установить общие моменты антропонимии тюркских народов указанного периода.

В докладе Т. А. Килдебековой и З. Г. Низамутдиновой (Уфа) были представлены данные количественного и сопоставительного анализа личных имен жителей г. Уфы и отдельных районов Башкирии. Докладчики установили на основании анализа данных за 1920—1970 гг., что со временем перечни имен, наиболее популярных в городе и деревне, все более сближаются.

Ряд докладов был посвящен тюркской и монгольской топонимии.

Ф. Г. Гарипова (Казань), проанализировав морфологическую структуру названий больших и малых озер Татарии, показала типологические модели образования этих названий.

Доклад У. Ф. Надергулова и Р. З. Шакурова (Уфа) «Иргизо-камялекские башкиры и их топонимия» был посвящен исследованию башкирской топонимии бассейнов рек Иргиз и Камялек Саратовской области. Основываясь на письменных источниках, фольклорных записях и полевых материалах,

авторы предложили свою этимологию некоторых топонимов данного региона.

Ф. Г. Хисамутдинова (Уфа) посвятила свой доклад особенностям топонимии Белорецкого района БАССР, где в основном представлены башкирские и русские названия.

В. А. Нестеров (Чебоксары) в докладе «О происхождении топонимов Чебоксары и Шобашкар» сделал попытку, основываясь на вариантах и однокорневых образованиях с теми же топонимическими элементами, раскрыть этимологию указанных названий.

В. Э. Очир-Гареев (Москва), выступивший с докладом по калмыцкой гидронимии, привел интересные данные о наименованиях колодцев. Докладчик показал, что названия колодцев в Калмыкии строго дифференцируются в зависимости от вкуса и цвета воды, местоположения и т. д.

Доклад Р. З. Шакурова (Уфа) «Топонимы, связанные с событиями и именами героев крестьянской войны 1773—1775 гг.» был построен на богатом материале, раскрывающем историю края. Этот материал был разбит докладчиком на три группы: названия, связанные с подлинными событиями и фактами; топонимы, возникшие в честь народных героев; наименования, отразившие народную фантазию.

В докладе Р. Г. Кузеева и Т. М. Гарипова (Уфа) «Этноним тархан у башкир, чувашей и дунайских болгар» отмечалось, что регион этого термина весьма обширен, происхождение его авторы связывают с древнейшим башкирским племенем *гайна*, имевшим второе этническое наименование *тархан*. Этот этноним бытовал у древних болгар и у венгров.

Г. Е. Корнилов (Чебоксары) посвятил свой доклад установленной этимологии этнонимов *болгар*, *черемис* и *чуваш*. Авторводит их соответственно к праформам **палыкар* 'горожанин, гражданин; дружинник'; **чэр(э)мис* 'воин, воевода, ополченец; воинственный, ополченческий' и **чавыш* (**тавыш* и т. д.) 'глашатай; курьер; чиновник; миссионер; сват, шафер'; при этом указываются возможные пространственно-хронологические переосмысления в условиях конкретных языков и диалектов.

Малопроследованной областью тюркской ономастики остаются космонимия и зоонимия, поэтому доклады, посвященные этим разделам ономастики, вызвали особый интерес.

В докладе Н. Х. Максютовой (Уфа) «Тюркская космонимия» анализировалась структура названий космических тел у тюркоязычных народов, были раскрыты мотивы номинации космических тел по особенностям расположения их на небосклоне, цвету, блеску и другим признакам, выявлена структурно-семантическая общность космонимов.

З. Г. Уракин (Уфа) в докладе «Клички лошадей у башкир» исследовал ономастические материалы из племенных хозяйств и

колхозов Башкирии, выявил семантические разряды слов, легших в основу кличек лошадей.

Значительное место в программе конференции занимали доклады по бытовой антропонимии. На материале тюркских языков эта тематика получила освещение в докладах *Г. Ф. Саттарова* (Казань) «Лексико-семантические и тематические группы и разряды татарских лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ», *А. Г. Шайхулова* (Туймазы, БАССР) «Семантика личных прозвищ в татарских диалектах».

С интересом были заслушаны доклады *В. Д. Бондалетова* (Пенза), *В. А. Никонова* (Москва) по русской антропонимии, в которых затрагивались общие вопросы функционирования личных имен и методика исследования антропонимического материала.

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) сообщила об основной проблематике исследований группы ономастики Института этнографии Академии наук СССР. За последние

годы сотрудниками этой группы был проведен ряд конференций и симпозиумов, активизировавших ономастические исследования в нашей стране. Группа подготовила и издала также обобщающие труды по различным разделам ономастики, выпустила справочники имен, вопросники по сбору материалов.

На заключительном заседании отмечалась положительная роль Поволжских конференций, ставших традиционными, в привлечении ученых к разработке актуальных вопросов тюркской ономастики, в разрешении ее научных и практических задач, а также в подготовке молодых кадров ученых.

Было принято решение об издании отдельным сборником материалов конференции в 1974 году и о проведении очередной V конференции по ономастике Поволжья в г. Пензе в сентябре 1974 года.

З. Г. Ураксин, Р. З. Шакуров

«РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ»

С 25 по 27 сентября 1973 г. в Уфе проходила конференция «Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии», организованная Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Институтом языкознания Академии наук СССР и Башкирским филиалом АН СССР. В работе конференции приняли участие лингвисты, литературоведы, философы и этнографы из Москвы, Ленинграда и союзных республик: Казахстана, Латвии, Литвы, Молдавии, РСФСР, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии.

В задачи конференции входил обмен мнениями между представителями различных наук по актуальным проблемам взаимодействия и развития языков и культур народов Советского Союза в процессе формирования новой исторической общности людей — советского народа. В свете этих проблем, имеющих большое теоретическое и практическое значение, рассматривались вопросы корреляции языка и культуры, параметры культуры и роль языка в ее формировании, языковое и культурное строительство в СССР и роль в нем русского языка и культуры, критика буржуазных концепций в области изучения языка и культуры и их развития в Советском Союзе.

Следует отметить единство мнений по обсуждавшемуся на конференции главному

теоретическому вопросу о соотношении языка и культуры. В докладах *В. А. Аврорина* (Ленинград) «К проблеме отношений между языком и культурой», *Ю. Д. Дешериева* (Москва) «Диалектика развития языка и культуры в их взаимосвязи», *К. Х. Ханазарова* (Москва) «Язык как форма выражения и развития культуры», *Л. Б. Никольского* (Москва) «Характер связи языка и культуры», в развернутых выступлениях *Н. Г. Корлэяну* (Кишинев) и ряда других участников подчеркивалась самостоятельность таких общественных явлений, какими являются язык и культура, специфика их внутренних структур и закономерностей развития, и в то же время указывалось на их тесное взаимодействие и взаимообогащение. Такое понимание соотношения языка и культуры подтверждается диалектикой развития этих общественных явлений в многонациональном советском социалистическом государстве.

Ряд докладов и сообщений был посвящен успехам в языковом и культурном строительстве, достигнутым благодаря ленинской национальной политике в СССР, роли русского языка и культуры в становлении национальных языков и культур народов Советского Союза, проблемам билингвизма и интеграции культур. Следует назвать доклады *К. А. Ахмедьянова*, *Х. С. Сайранова*, *З. Г. Ураксина* (Уфа) «Развитие духовной культуры башкирской социалистической на-

ции и ее влияние на развитие башкирского литературного языка», *З. С. Кедринной, З. Г. Османовой* (Москва) «Значение русского языка и русской культуры для развития культуры и искусства народов Средней Азии и Казахстана», а также доклады и выступления *В. В. Акуленко* (Харьков) «Национальное и интернациональное в языке и культуре», *А. Н. Баскакова* (Москва) «Экстралингвистические факторы, способствующие функциональному развитию азербайджанского языка во взаимодействии с национальной культурой», *М. Н. Губогло, Л. М. Дробизжевой, С. Л. Нестеровой* (Москва) «Двуязычие и усиление культурной общности народов СССР (по материалам этносоциологических исследований)», *В. Ю. Михальченко* (Москва) «Влияние развития социалистической культуры на развитие литовского литературного языка», *И. В. Трескова, З. И. Керашева, Н. Х. Кулаева, С. А. Сангириева, Х. Туркаева* (Нальчик) «О роли русского языка и русской культуры в развитии языков и культур народов Северного Кавказа» и др.

В докладах *А. Д. Швейцера* (Москва) «Критика теории изоморфизма языка и культуры», *Н. М. Камалетдиновой* (Москва) «Критика буржуазной фальсификации политики КПСС в области развития культуры и языков народов СССР» и ряде выступлений были подвергнуты критическому анализу буржуазные теории изоморфизма языка и культуры (Дж. Гамперц, Э. Гримшоу), структурной антропологии (К. Леви-Штресс), лингвистической относительности (Э. Сепир, Б. Уорф), а также разоблачены некоторые зарубежные фальсификаторы политики КПСС в национальном вопросе.

Конференция приняла рекомендации, касающиеся дальнейшей научной и организационной работы по изучению взаимодействия языка и культуры. В них, в частности, предлагается усилить координацию научно-исследовательской деятельности философов, историков, лингвистов, литературоведов, этнографов, искусствоведов в области разработки культурно-языковых проблем, а также просить научные советы по развитию национальных отношений, проблемам культуры, комплексным проблемам развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций, институты — философии, языкознания, русского языка, истории, мировой литературы, этнографии и востоковедения Академии наук СССР разработать актуальную проблематику исследований, касающихся методологических, тео-

ретических и практических вопросов развития и взаимодействия языков и культур в их взаимосвязи.

Важной задачей представителей общественных наук является всестороннее освещение роли и значения русского языка и русской культуры в жизни народов СССР, в развитии их культур и языков.

Первостепенное значение имеет исследование процессов развития общесоветской социалистической культуры и решение языковых проблем как в масштабах всей страны, так и в конкретных специфических условиях каждой республики, области, национального округа.

Представителям общественных наук необходимо усилить внимание к проблемам прогнозирования культурного и языкового развития в нашей стране, а также организовать конкретные исследования в этой области.

Особого внимания заслуживает правильное освещение интернационального и национального в развитии культур и языков народов СССР. Необходимо исследовать роль родного языка в формировании национальной культуры и роль языка межнационального общения и других языков в формировании общесоветской культуры.

Важнейшей задачей советских ученых — философов, социологов, лингвистов, этнографов следует считать своевременную критику антинаучных концепций буржуазных ученых по проблемам развития языков и культур советских народов.

Рекомендовать включить в курс общего языкознания тему «Язык и культура».

Представляется целесообразным создание проблемных групп с участием социологов, этнографов, лингвистов, историков, философов, литературоведов для разработки конкретных проблем взаимодействия языков и культур народов СССР.

Необходимо проводить теоретические симпозиумы и семинары по темам: «Взаимоотношение языка и культуры», «Методы изучения связей языка и культуры», «Формирование советской социалистической культуры и его отражение в языковых процессах», «Сближение культур народов СССР и проблемы двуязычия».

В заключение следует отметить хорошую организацию конференции Башкирским филиалом Академии наук СССР, что во многом способствовало успешному ее проведению.

А. Н. Баскаков

PERSONALIA

СЕРГЕЙ СИМОНОВИЧ ДЖИКИЯ

(К 75-летию со дня рождения)

Исполнилось 75 лет со дня рождения крупного советского тюрколога, основателя грузинской тюркологической школы, академика Академии наук Грузинской ССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР Сергея Симоновича Джикия.

С. С. Джикия родился 20 октября 1898 года в с. Оногия Мартвильского района Грузинской ССР. В 1919 г. он поступил на философский факультет Тбилисского университета, по окончании которого в 1926 г. был оставлен при университете для подготовки к преподавательской деятельности. В 1927 г. С. С. Джикия командировался в Стамбульский университет для изучения турецкого языка и литературы. В 1929 г., после возвращения из Турции, С. С. Джикия был направлен в Ленинград для прохождения курса аспирантуры. С 1930 г. он преподавал турецкий язык в Ленинградском университете, а через год и в Ленинградском институте восточных языков. Возвратившись в 1936 г. в Тбилиси, С. С. Джикия заведует кафедрой восточных языков Тбилисского государственного университета, а с 1945 г. по настоящее время возглавляет основанную им кафедру тюркологии. Одновременно С. С. Джикия является старшим научным сотрудником Института языкознания Академии наук Грузинской ССР, а с 1960 г. заведует отделом тюркологии Института востоковедения Академии наук Грузинской ССР.

Богата и разнообразна научная деятельность С. С. Джикия. Его фундаментальная трехтомная работа «*Deiter-i mufasssal-i vilâyet-i Gürcistan*» приобрела мировую известность. С. С. Джикия не просто издал текст этого интереснейшего турецкого официального документа XVI в., но и снабдил его научно точным, прекрасно выполненным переводом, сопроводив соответствующим всесторонним исследованием и комментариями. Это исследование представляет собой ценнейшую работу по грузинской исторической географии, истории Грузии и самой Турции.

Оно представляет исключительный интерес и для изучения истории турецкого языка. По словам известного английского ориенталиста Б. Люнса, издание С. С. Джикия дало возможность науке составить ясное представление об особенностях и характере документов подобного рода.

Большое научное значение имеют путевые записи Эвлии Челеби о Грузии и Закавказье, а также документы о Георгии Саакадзе и многие другие, изданные С. С. Джикия с переводом и комментариями.

Особо следует отметить заслуги С. С. Джикия в области исследования турецких диалектов, в частности восточноанатолийских. В начале 30-х годов С. С. Джикия участвовал в нескольких экспедициях в Ахалцихский район и изучил говор ахалцихских турок. Его первая работа, написанная в результате этих поездок, была посвящена

рассмотрению особого способа образования дательного падежа от слов с аффиксами принадлежности 2-го лица. В последующих работах С. С. Джикия исследовал повелительное наклонение, а также лексику восточноанатолийских диалектов.

Диалектологические работы С. С. Джикия и собранные им диалектологические материалы представляют большой интерес с точки зрения изучения грузинско-турецких языковых контактов. В частности, им выявлен грузинский субстрат в восточноанатолийских диалектах турецкого языка, описаны турецкие синтаксические кальки в лазском языке. Следует здесь упомянуть также работы лексикологического характера, в том числе «Из истории слов восточного происхождения», «О грузинско-азербайджанских языковых взаимоотношениях» и некоторые другие.

Важным вкладом в диалектологию картвельских языков являются записанные С. С. Джикия лазские тексты.

На протяжении всей своей многолетней педагогической деятельности С. С. Джикия много внимания уделял составлению и изданию учебных пособий по турецкому языку. В бытность свою в Ленинграде С. С. Джикия издал турецкую хрестоматию для Ленинградского института восточных языков. В дальнейшем, уже в Тбилиси, им также были изданы (1965) два выпуска турецкой хрестоматии, второе, дополненное издание которой вышло в свет в 1971 году.

Как значительное достижение грузинской тюркологии следует расценить подготовку

под руководством и редакцией С. С. Джикия грузинско-турецкого и турецко-грузинского словарей.

С. С. Джикия, будучи учеником таких известных ученых, как А. Н. Самойлович, В. В. Бартольд, И. Джавахишвили, А. Шанидзе, Г. Ахвледиани, К. Кекелидзе, М. Кепрюлю, Р. Хулюси, стал достойным продолжателем их лучших научных и педагогических традиций.

На протяжении многих лет С. С. Джикия читал в Тбилисском государственном университете лекции по турецкому языку и диалектологии, сравнительной грамматике тюркских языков, истории турецкой литературы. Подготовленные им специалисты ведут успешную научную работу. Основанная и возглавляемая С. С. Джикия грузинская тюркологическая школа заслуженно занимает достойное место в советской науке.

Значительные заслуги принадлежат С. С. Джикия и в области подготовки высококвалифицированных кадров тюркологов для братских республик нашей страны.

В настоящее время С. С. Джикия с присущей ему энергией продолжает свою многогранную научную и педагогическую деятельность, внося заметный вклад в развитие советской тюркологии и дело воспитания молодых ученых-тюркологов, являя собой достойный пример исключительной человеческой скромности и беспредельной преданности науке.

Н. Н. Джанашиа

МУХУТДИН ХАФИЗЕТДИНОВИЧ КУРБАНГАЛИЕВ

(К 100-летию со дня рождения)

Общественность Татарской АССР отметила 100-летие со дня рождения видного татарского языковеда, педагога и общественного деятеля профессора Мухутдина Хафизетдиновича Курбангалеева.

М. Курбангалеев родился в 1873 году в деревне Биктово Елабужского уезда бывшей Вятской губернии (ныне ТАССР) в семье крепостного крестьянина.

С семилетнего возраста М. Курбангалеев учится у местного муллы, затем поступает в сельскую школу, по окончании которой едет в Казань и поступает в Татарскую учительскую школу. Не довольствуясь обязательной программой, М. Курбангалеев изучает историю татарского народа, его устную и письменную литературу. А с целью изучения звукового строя татарского языка он посещает кабинет экспериментальной фонологии проф. В. А. Богородицкого.

В 1895 году М. Курбангалеев успешно заканчивает учительскую школу и назначается учителем в деревню Чабья-Чурпчи Мамадышского уезда Казанской губернии.

В истории татарского народа конец XIX и начало XX в. характеризовались развитием просветительского движения, ломкой традиционных морально-этических воззрений. В это время впервые появляется татарская периодическая печать, широкие масштабы приобретает издательская деятельность, начинается борьба за реформу медресе и школ, за нормализацию литературного языка и сближения его с народной речью. Татарский язык изучается на научной основе: исследуется его лексический состав, звуковой и грамматический строй, большое внимание уделяется изучению истории и этнографии татарского народа, собиранию и изданию произведений устного народного творчества.

Все это не могло не оказать и оказало большое влияние на формирование мировоззрения молодого учителя.

В издаваемом в Вятке приложении к «Губернским ведомостям» М. Курбангалеев

выступил с предложением реорганизации русско-татарских школ с тем, чтобы они стали подлинными очагами народного просвещения.

В 1903 г. М. Курбангалеев переезжает в Казань. Продолжая здесь преподавательскую деятельность, он активно включается в общественно-политическую жизнь, сближается с революционной молодежью. С появлением в Казани татарской периодической печати он активно сотрудничает в газетах «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), «Азат» («Свобода»), «Азат халык» («Свободный народ») и т. д.

Этот период отмечен острой полемикой, связанной с определением путей формирования и развития татарского литературного языка. М. Курбангалеев выступает против

османо-турецкой ориентации и арабо-персидского влияния на татарский литературный язык.

М. Курбангалиев выпускает ряд учебных пособий по татарскому языку, математике, географии, издает буквари для начальных школ, выступает с методическими статьями в журнале «Мәктәп».

В первые годы Советской власти выходят книги М. Курбангалиева: «Ана теле нәхүе», «Ана теле сарыфы» (обе в соавторстве), «Ана теле дәресләре» и многие другие.

С образованием Татарской Автономной Советской Социалистической Республики М. Курбангалиев назначается заведующим отделом Единой трудовой школы Татаркомпроса, избирается заместителем председателя Академического Центра.

Он преподает в педагогическом и землеустроительном техникумах, Восточной академии (ныне Казанский педагогический институт), в Татарском коммунистическом университете, на факультете Советского права Казанского университета, в заочном секторе Татарского института повышения квалификации педагогов. Состоит членом редакционной коллегии журнала «Мәгариф».

М. Курбангалиев — организатор и первый председатель Татарского педагогического общества, член ряда научных обществ, автор многочисленных статей, публиковавшихся на страницах журналов «Укытучы» и «Мәгариф».

В 1925 году М. Курбангалиев избирается членом Президиума Татарского Центрального Исполнительного Комитета. В 1928

году ему присваивается звание Героя труда.

Двадцатые и тридцатые годы — период наиболее интенсивной творческой деятельности М. Курбангалиева. В эти годы он издает учебники и методические пособия для школ. М. Курбангалиев успешно занимался также вопросами сопоставительной грамматики татарского и русского языков. Вместе с Р. Газизовым он создал грамматику татарского языка, выдержавшую несколько изданий. М. Курбангалиев принимал активное участие в составлении русско-татарских и татарско-русских словарей.

В своих многочисленных выступлениях на методических совещаниях, конференциях и педагогических съездах он отстаивал самостоятельность и чистоту татарского литературного языка, стремился к упрощению и упорядочению татарской орфографии.

В последующие годы М. Курбангалиев заведовал кафедрой татарского языка и литературы Казанского государственного университета. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и удостоен звания Заслуженного деятеля науки ТАССР.

Умер М. Курбангалиев в июне 1941 года.

Труды М. Курбангалиева занимают видное место в истории татарского языкознания.

Имя М. Курбангалиева, замечательного педагога и ученого, много сделавшего для народного просвещения, пользуется глубоким уважением у татарского народа.

В. Хаков

Х Р О Н И К А

«ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

25 апреля 1973 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, доцентом Института народного хозяйства им. Д. Буниатзаде **Алибековой Гюльрух Сабировной** на тему «Проблема художественности в азербайджанской литературе».

В диссертации категория художественности рассматривается сквозь призму тех проблем, которые выдвигает практика современной советской (в основном азербайджанской) литературы. Это прежде всего такие проблемы, как традиция и новаторство, форма и содержание, диалектика взаимоотношений национального и интернационального, современность.

Важное место в диссертации занимает исследование типологических особенностей творческого процесса как сферы зарождения ядра художественности. Диссертантом прослеживаются этапы и закономерности творческого процесса и на конкретных примерах вскрываются причины художественной неполноценности некоторых произведений современной советской азербайджанской прозы.

Несомненным достоинством работы Г. С. Алибековой является ее многоплановость. Какие бы сугубо теоретические проб-

лемы эстетики и литературоведения в ней ни рассматривались, автор последовательно связывает свои выводы с практикой, с такими серьезными социологическими вопросами, как роль искусства в жизни общества, связь искусства с актуальными проблемами времени и т. д. Этим обуславливается необходимость постановки проблемы восприятия — совершенно новой для азербайджанского литературоведения. Слияние двух звеньев единого и динамичного процесса — творчества и восприятия — создает то высокое эстетическое качество, которое называется художественностью.

В диссертации высказывается мысль о необходимости комплексной разработки эстетических, литературоведческих и социологических проблем.

Диссертация Г. С. Алибековой — результат многолетних исследований сложных проблем литературоведения и теории искусства.

Официальные оппоненты — академик Академии наук Азербайджанской ССР М. А. Даданзаде, д-р филол. наук, проф. А. Заманов, д-р филол. наук, проф. С. Асадуллаев дали высокую оценку работе Г. С. Алибековой.

Ученый совет проголосовал за присуждение Г. С. Алибековой ученой степени доктора филологических наук.

Я. Караев

«МЕСТОИМЕНΙΑ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»

9 октября 1973 г. на заседании Филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим отделом азербайджанской диалектологии Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР **Исламовым Мусой Иса оглы** на тему «Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка».

Диссертация М. И. Исламова является первой значительной по объему работой в области диалектологии тюркских языков, посвященной категории местоимения. Следует также отметить, что в азербайджанском языкознании местоимения вообще до настоящего времени не были предметом специального изучения.

В диссертации местоимения, употребляющиеся в диалектах и говорах азербайджанского языка, исследуются в историко-этимологическом аспекте, раскрываются семантические особенности местоимений, объясняется происхождение различных местоименных форм, в частности выявляющихся при склонении, анализируется структура и определяются компоненты сложных местоимений, предлагается их этимология, выявляются пути и способы их образования.

Диссертант рассматривает вопросы связи местоимений с другими частями речи, взаимоотношения между различными семанти-

ческими разрядами местоимений, а также особенности их употребления с послелогами.

Работа написана в плане синхрония и диахронии с применением сравнительно-исторического метода; широко использованы в ней материалы древнетюркских письменных памятников, современных тюркских языков и их диалектов и говоров, а также факты из истории азербайджанского языка и другие источники.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. А. З. Абдуллаев, д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов, д-р филол. наук, проф. Т. И. Гаджиев, а также выступившие на защите научный консультант академик Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук М. А. Сейидов и другие дали высокую оценку диссертации М. И. Исламова, отметив, что исследование данной проблемы будет способствовать разрешению некоторых спорных вопросов в области тюркологии и, в частности, азербайджанского языкознания. Диссертация имеет также важное значение для изучения истории азербайджанского и других тюркских языков, для разработки их сравнительной грамматики.

Члены Ученого совета единогласно приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении М. И. Исламову ученой степени доктора филологических наук.

Т. М. Ахмедов

«ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»

27 ноября 1973 года на заседании Филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Лексическая стилистика современного азербайджанского языка (на материале художественной речи)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР **Эфендиевой Туркян Ашраф кызы**.

Диссертация Т. А. Эфендиевой представляет собой опыт систематического исследования основных лексикологических вопросов с точки зрения функционально-стилистических потенций лексической семантики, выразительных и изобразительных возможностей лексических средств языка произведений азербайджанской художественной литературы. В работе освещены такие узловые вопросы, как предмет и методы лексикостилистики, стратификация словарного состава языка, роль лексико-семантических пластов, единиц и тропов в стилистической дифференциации художественных текстов и образов.

В диссертации рассматриваются лексико-семантические категории — синонимы, омонимы и антонимы — в современном азербайджанском литературно-художественном языке, анализируется образная лексика в системе тропов, а именно метафориче-

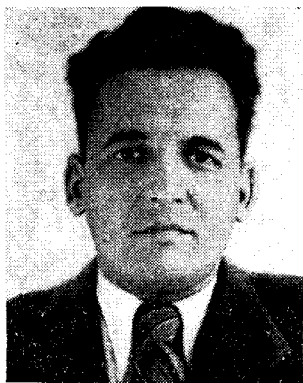
ских и метонимических переносов, синекдохи и эпитета. Описываются лексико-стилистические пласты словарного состава языка художественных произведений и их функционально-стилистическая роль. К важнейшим относится общий вывод диссертанта о том, что в художественной речи происходит внутреннее взаимодействие и взаимопроникновение подвижных лексико-семантических элементов, и слово, в зависимости от своей функционально-стилистической роли, оказывается способным выразить самые различные оттенки значения и эмоций.

Официальные оппоненты — член-корр. Академии наук Азербайджанской ССР А. М. Демирчизаде, д-р филол. наук Р. Дж. Магеррамова и д-р филол. наук, проф. А. М. Гурбанов, — а также выступившие на защите профессора и доктора филологических наук Ю. Сеидов и М. Аднлов дали высокую оценку диссертационной работе Т. А. Эфендиевой и высказались за ее издание.

Филологическая секция Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР приняла единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Т. А. Эфендиевой ученой степени доктора филологических наук.

А. К. Алекперов

«ПУТИ РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОГО СОВЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА»

1 июня 1973 г. на заседании объединенного Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР **Кабулниязовым Джуманиязом** на тему «Пути развития узбекского советского фольклора».

Изучение путей становления и развития фольклора народов СССР, оценка его на основе критериев марксистской эстетики является одной из задач, стоящих перед советским литературоведением. С этой точки зрения тема, избранная Дж. Кабулниязовым, весьма актуальна.

Научное исследование процессов развития фольклора советского периода имеет и важное теоретическое значение. Как известно, некоторые фольклористы за рубежом выдвинули положение о том, что народно-поэтическое творчество отмирает, вытесняясь профессиональным искусством. Исследование Дж. Кабулниязова дает научно обоснованный отпор подобным антимарксистским взглядам.

В своей диссертации Дж. Кабулниязов поставил задачу проследить на материале эпического жанра историю формирования и развития узбекского фольклора в период становления узбекской советской литературы (20-е годы). Анализируя богатый фактический материал — новые узбекские дастаны, созданные известными сказителями

Фазылом Юлдан оглы, Пулканом Шамурад оглы, Эргашем Джуманбузбуль оглы и другими, диссертант приходит к ряду существенных обобщений и выводов об индивидуальном и коллективном началах в фольклоре, лирическом и эпическом героях советского фольклора, реализме народного поэтического творчества на новом этапе развития, взаимосвязи и взаимовлиянии фольклора и советской письменной литературы.

В развитии эпического жанра в советский период, как показывает диссертант, ясно обнаружилась тенденция к изображению не эпического прошлого, а событий современной жизни, к более глубокому социальному обобщению образа героя. Подробно прослеживаются диссертантом на материале малых фольклорных форм (песен, терма, алла, ёр-ёр и т. д.) существенные изменения в выборе изобразительных средств и совершенствование последних.

Основные выводы диссертации имеют большое теоретическое и практическое значение. Выступившие на защите официальные оппоненты член-корр. Академии наук Казахской ССР М. К. Каратаев, доктора филологических наук И. Т. Сагитов и Б. Н. Валиходжаев дали высокую оценку труду Дж. Кабулниязова, отметив, что данное исследование является важным вкладом в советскую фольклористику и имеет общетюркологическое значение.

Ученый совет единодушно высказался за присуждение Дж. Кабулниязову ученой степени доктора филологических наук.

Э. Н.

НЕКРОЛОГ

ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЕГОРОВ

25 января 1974 года скончался старейший исследователь тюркских языков доктор филологических наук, профессор Василий Георгиевич Егоров.

В. Г. Егоров родился 11 февраля 1880 года в семье крестьянина-чуваши в деревне Андреев Базар Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Козловский район Чувашской АССР). Он был одним из тех немногих представителей нерусских народностей, кому еще до революции посчастливилось получить высшее образование. Но путь его к знаниям оказался долгим и трудным.

По окончании в 1895 году сельского двухклассного училища В. Г. Егоров поступает в Симбирскую чувашскую учительскую школу — единственное учебное заведение, о котором могли мечтать в то время дети чува-

шей. Окончив ее, он несколько лет работает в родном селе учителем, в свободное время собирает и изучает образцы устного творчества народа. Стремление к пополнению своего образования заставляет молодого сельского учителя сначала поступить в Симбирскую духовную семинарию (1901 г.), а затем в Казанскую духовную академию, где он с увлечением изучает языки: старославянский, греческий, латинский, французский, немецкий. Только в 1912 году В. Г. Егоров добивается, наконец, разрешения на поступление в Петербургский университет. Здесь, на славяно-русском отделении, он слушает лекции крупнейших лингвистов А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы и успешно оканчивает университет вполне сложившимся лингвистом, владеющим методами и приемами сравнительно-исторического языкознания. В 1916 г. в «Филологических записках», выходящих в Воронеже, он публикует большую работу под названием «Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII веков».

С 1925 года В. Г. Егоров работает в вузах Казани и Чебоксар, читает курсы общего языкознания, чувашского и старославянского языков, истории русского языка. Научная же его деятельность с этого времени почти целиком посвящена изучению чувашского языка. В 1930 году вышла книга В. Г. Егорова «Введение в изучение чувашского языка», в которой были намечены основные направления дальнейших исследований автора: история изучения чувашского языка, изучение лексического состава чувашского языка и его диалектов, взаимоотношение чувашского языка с родственными и неродственными языками и т. д. При изучении лексического состава чувашского языка основное внимание было обращено автором на выявление пласта заимствованных слов. Вслед за проф. Н. И. Ашмариним, а также венгерскими и финскими учеными (Г. Рамstedт, З. Гомбои), немало потрудившимися над изучением вопроса о взаимоотношениях

финно-угорских языков с чувашским. В. Г. Егоров установил в чувашском языке заимствования из тюркских (главным образом из татарского), арабского, персидского, древнееврейского, китайского, финно-угорских и русского языков.

В последующие годы ученый посвятил серию работ истории изучения чувашского языка. Широкую известность приобрели такие работы В. Г. Егорова, как «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» (1954, второе издание — 1971), а также «Этимологический словарь чувашского языка» (1964).

Научные изыскания В. Г. Егоров всегда сочетал с широкой общественной деятельностью. В 1933 году он был приглашен в Чебоксары для редактирования школьных учебников, а затем и сам принял участие в составлении ряда учебников для чувашской школы. В 1935 году им был составлен «Чувашско-русский словарь», ставший настольной книгой каждого грамотного чуваша, несколько позже — «Русско-чувашский сло-

варь», последнее, дополненное издание которого вышло в 1972 году.

Много сил, энергии и творческого вдохновения вложил В. Г. Егоров в дело подготовки научных кадров. Он прошел путь от учителя сельской школы до профессора вуза и везде являл собой пример предельной скромности и величайшего трудолюбия.

В. Г. Егоров был первым организатором и директором чувашского рабфака. Под его руководством написано несколько докторских и более двадцати кандидатских диссертаций.

Многолетняя научно-педагогическая деятельность В. Г. Егорова, его вклад в советскую тюркологию были отмечены орденом «Знак Почета», медалями и присвоением ему почетного звания Заслуженного деятеля науки Чувашской АССР.

Светлая память о Василии Георгиевиче Егорове сохранится в сердцах его благодарных учеников и многочисленных коллег.

И. А. Андреев

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников (Москва). Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках 3
- Н. И. Летягина, Д. М. Насилов (Ленинград). Пассив в тувинском языке . . . 13

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Н. К. Антонов (Якутск). Заметки об эпосе якутов 25

ТОПОНИМИКА

- А. П. Григорьев (Ленинград). К толкованию этнопонимов «Сарыкамыш» и «Буткалы» 28

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. М. Щербак (Ленинград). Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках 31
- Н. Н. Джанашиа (Тбилиси). Залоги в современном азербайджанском языке . 41
- Г. Дёрфер (Гёттинген, ФРГ). Является ли халаджский язык диалектом азербайджанского языка? 45

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Р. А. Гусейнов (Баку). И. В. Пигулевская и тюркология 52

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- В. Г. Кондратьев (Ленинград). К восьмидесятилетию дешифровки тюркской рунической письменности 58
- А. Б. Кошкарлов (Джамбул). Спектральный анализ фрикативных согласных казахского языка в структурных типах СГС, ГСГ 63
- Э. А. Умаров (Ташкент). Новонайденный словарь к произведениям Навои . . 74
- Ж. Какук (Будапешт). Тюркологические исследования в Венгрии 79

РЕЦЕНЗИИ

- А. Н. Кононов (Ленинград). В. Д. Аракин. Николай Константинович Дмитриев (1889—1954) 93
- Н. В. Кидайш-Покровская (Москва). Х. Короглы. Туркменская литература . 94
- Э. Н. Наджип (Москва). С. Н. Иванов. Николай Федорович Катанов 97
- С. Аталипризаева, Г. Юлдашева (Ташкент). А. И. Киссен. Словарь наиболее употребительных слов современного узбекского литературного языка . . . 99
- Н. А. Дулина, С. Г. Кляшторный (Ленинград). Turcica. Revue d'études turques. Т. II. 1970 101
- В. И. Филоненко (Пятигорск). Я. Р. Дашкевич (Львов). E. Tryjarski. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises, tome I . 103
- А. Джунибеков (Алма-Ата). Т. Талипов. Развитие фонетической структуры уйгурского языка 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. А. Баскаков (Москва). О работе секции тюркологических исследований XXIX Международного конгресса ориенталистов 108
- Г. Абдурахманов (Ташкент). Конгресс тюркологов в Стамбуле 110

<i>З. Г. Ураксин, Р. З. Шакуров</i> (Уфа). IV Поволжская конференция по ономастике	111
<i>А. Н. Баскаков</i> (Москва). Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии	113

PERSONALIA

<i>Н. Н. Джанашиа</i> (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия	115
<i>В. Хаков</i> (Казань). Мухутдин Хафизетдинович Курбангаев	117

ХРОНИКА

«Проблема художественности в азербайджанской литературе»	119
«Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка»	120
«Лексическая стилистика современного азербайджанского языка»	121
«Пути развития узбекского советского фольклора»	122

НЕКРОЛОГ

Василий Георгиевич Егоров	123
----------------------------------	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. Z. Gajiyeva, B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). The origin of modal affixes in turkic languages	3
<i>N. I. Letyagina, D. M. Nasilov</i> (Leningrad). Passive voice in the Tuvian language	13

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>N. K. Antonov</i> (Yakutsk). Notes on epos of the Yakuts	25
---	----

TOPONYMICS

<i>A. P. Grigoryev</i> (Leningrad). Towards interpretation of ethnotoponyms «Sarykamyš» and «Butkaly»	28
---	----

DISCUSSIONS

<i>A. M. Shcherbak</i> (Leningrad). Methods and problems of etymological investigation of affixal morphemes in turkic languages	31
<i>N. N. Janashia</i> (Tbilisi). On voices in modern Azerbaijani	41
<i>G. Doerfer</i> (Göttingen, GFR). Is the Khalaj language a dialect of Azerbaijani?	45

HISTORY OF HOME TURKOLOGY

<i>R. A. Guseynov</i> (Baku). N. V. Pigulevskaya and turkology	52
--	----

REPORTS AND SURVEYS

<i>V. G. Kondratyev</i> (Leningrad). Towards the 80th anniversary of deciphering of turkic runic written language	58
<i>A. B. Koshkarov</i> (Jambul). Spectral analysis of fricative consonants of the Kazakh language in CVC, VCV—structural types	63
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). The new-found vocabulary for Navoi's works	74
<i>S. Kakuk</i> . (Budapest). Turkological investigations in Hungary	79

REVIEWS

A. N. Kononov (Leningrad). V. D. Arakin. Nikolai Konstantinovich Dmitriyev (1889—1954)	93
N. V. Kidaysh-Pokrovskaya (Moscow). Kh. Korogly. The Turkmen literature	94
E. N. Najip (Moscow). S. N. Ivanov. Nikolai Fyodorovich Katanov	97
S. Atamirzayeva, G. Yuldasheva (Tashkent). A. I. Kissen. The dictionary of the most frequently used words of the modern literary Uzbek language	99
N. A. Dulina, S. G. Klyashtorny (Leningrad). Turcica. Revue d'études turques	101
V. I. Filonenko (Pyatigorsk), Ya. R. Dashkevich (Lvov). E. Tryjarski. Dictionnaire arméno-kiptchak	103
A. Junisbekov (Alma-Ata). T. Talipov. Development of phonetic structure of the Uygur language	106

SCIENTIFIC LIFE

N. A. Baskakov (Moscow). On work of turkological section of the XXIXth International Congress of orientalisks	108
G. A. Abdurakhmanov (Tashkent). The congress of turkologists in Stambul	110
Z. G. Uraksin, R. Z. Shakurov (Ufa). The IVth Volga conference on onomastics	111
A. N. Baskakov (Moscow). Development of languages and cultures of the peoples of the USSR in their interrelation and interaction	113

PERSONALIA

N. N. Janashia (Tbilisi). Sergey Simonovich Jikiya	115
V. Khakov (Kazan). Mukhutdin Khafizetdinovich Kurbangaliyev	117

CHRONICLE

«Problem of high artistic value in the Azerbaijanian literature»	119
«Pronouns in dialects of Azerbaijani»	120
«Lexical stylistics of modern Azerbaijani»	121
«Ways of development of uzbek soviet folklore»	122

OBITUARY

Vasily Georgiyevich Yegorov	123
-----------------------------	-----

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются.

Корректоры А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.

Сдано в набор 11/III 1974 г. Подписано к печати 30/IV 1974 г. ФГ 10016. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 903. Тираж 3330. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

Г Л А С Н Ы Е

A a — а
Ä ä — э
U u — у
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү
E e — е

С О Г Л А С Н Ы Е

B b — б	N n — н
z z — ч, дж (ج)	P p — п
C c — ц	ng — H ^r (ئ)
ç ç — ч (چ)	θ — н ₁
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	š š — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, x ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	ž ž — ж
K k — ка (ك)	θ θ — ғ (ث)
K' k' — ке (ك')	Δ δ — ғ (ذ)
L l — л	X x — x' (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

— долгота
˘ краткость
~ носовой
' мягкость